9(с)1
К-78.

„Слава погибшим, живущим — свобода!“

„КРАСНАЯ ГОЛГОФА“

Сборник, посвященный памяти товарищей, погиб[illegible] рабоче-крестьянское д[illegible]

Уфа

Вл-ск

1419

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

Мартиролог борцов за свободу, за рабоче-крестьянское дело висал в свои страницы много славных новых имен, погибших в борьбе за светлый идеал Социализма. Вот эти святые имена:

В Берлине: Роза Люксембург и Карл Либкнехт.

Казненные в Благовещенске иностранные коммунисты:

Андерсон.
Мочкош.
Орман.
Лихтенауер.
Лискай.
Вернер.
Шрейдер Эрик.
Фонбальдт Фриц.
Деже.
Сиарт.
[illegible]рю Людвиг.
[illegible] Юзеф.
[illegible]каил.
[illegible]
Фаркош Януш.
Микоша Стефан.
Газда Михаил.
Кертес Александр.
Тодор Александр.
Пап Иштван.
Гуляш Франц.
Гудак Миклош.
Венега Пауль.
Бута Леопольд.
Кнапп Леон.
Быстрай.
Предтеча Юзеф.
Вейс Марк.
Мольнар Стефан.
Сабо Януш.
Завалиша Карл.
Якоба Макс.
Конрад Юзеф.
Ринеша Карл.
Франц Юзеф.
Штинэ Иоаган.
[illegible] Курт.

Бро Оскар.
Балог Людвиг.
Гамасевич Зигфрид.
Керт Юзеф.
Зингер.
Стыхок.
Дригич.
Вайнреп.
Папференц.
Нергич.
Царкопеллер.
Кремер.
Зонд.
Вальтер.
Завалиша Эгланд.
Статшко.
Сторж.
Нидле Леопольд.
Сабо Михаель.
Мосай.
Биндер Людвиг.
Сабе Франц.
Мольнай Иштван.
Попович Арделяй
Кирш Гейпауер.
Штейн Бергер.
Вагнер.
Губер.
Шмидт.
Гамель.
Гринвальд.
Блянек.
Шиллер.
Галашевич.
Суты.
Цвекула.
Кавалло.
Ледвчек.
[illegible]ротер (самоубийство при [illegible]дании).
[illegible]ат.

Красные советские деятели и члены партий в разных городах Сибири:

[illegible]
[illegible]ин, казак, товарищ пред. [illegible]урского Исполкома.
Шимановский—инженер, деятель совета.
Черноморченко.
Фомин Агей.
Крупко Федор.
Перебоев Василий.
Холощенко Арсений.
Чайкун Арсений.
Светличенко Иван.
Непомнящий Максим.
Сюткин Ф.—комиссар продов. Амурской обл.
Карагаев—красноармеец.
Халтурин.
И. Сибиряков,—левый эс-эр.
I. Корытов (Совкредепов)—большевик.

Убитые японцами 26-го марта 1919 года:

Яков Шафир—большевик.
Шумилов—максималист.
М. Хабаров—максималист.
Чумак—большевик.
Поспелов—левый эс-эр, (комиссар труда Амур. Исполк).
Воробьев—комиссар просвещения.
Зубок—советский деятель.
Шемякин—(член совнархоза).
Мельниченко—большевик.
Константинчук.
Семенчук.
Чесноков—инженер, большевик (председатель комитета Амурской жел. дор).
Попов—большевик (председатель Свободненского Исполкома).
Дрогашевский Генрих—совет. деятель.
Федор Мухин—большевик, (председатель Амурского Исполкома).

По делу подготовки восстания в Благовещенске:

П. Кузнецов.

Тугаринов—казак.
Сафонов.
Николай Степанов, он-же «Никита»—анархист.
Илья Подглазов—максимал.
А. Цупрун.
Ф. Козлов.
Н. Чекмарев.
Г. Воробьев.
Просвирин.
Петров
Т. Зинченко.
К. Запов
Козлякин.
Г. Налетов.
Костыренко Илья.
Костыренко Иван.
Ивлев.
И. Костылев.
Мохов.
Китаев.

За пропаганду среди солдат:

Мирошниченко.
Аршакуни

Убиты японцами:

Прянишников—большевик.
Пищальников.
Гусев—большевик.
Матыцин—большевик.
Кулинич—большевик.
Товбич—большевик.
Лебедев Александр,—левый эс-эр (начальник отряда подрывников).
В. М. Серов—с.-д.
Метелица—казак-офицер (командир красных аргунцев).
В. Леднев—комиссар финансов Забайкальского Исполкома.
Косихин—большевик.
Черлянцев—максималист.
„Юрик“ (нелегальный) красноармейский офицер.
Самойленко—девица, невеста Юрика, казнена в Чите.
Никитенко.
Братья Засухины—забайкальские казаки.
Шеломенцев-казак.
Иван Ошко—левый эс-эр член Ц. И. К.
И. Григорьев — максималист (член боевой организации).
А. Сафонов—за покушение на Семенова.
Иван Бутин левый эс-эр (председатель Забайкальского Областного Исполкома).
Василий Нерис—максималист, за покушение на Семенова.
Арнольд Иванов-большевик.
Соколовский-большевик.
Суханов-большевик (председатель Владивостокского совета).
Мельников-большевик.
Ада Павловна Лебедева-левая эс-эрка, член Красноярского совета.
Печерский-большевик.
Марковский-большевик.
Яков Баграт—большевик, видный оратор и революционер.
Перенсон Адольф-большевик.
Ив. Коншин.
Петерсон.
Вейман Федор-большевик.
Иоффе.
Станислуэ Ян.
Нейбут—большевик (каз[illegible] в Омске)
Белопольский, Вейнбаум, Яковлев, Дубровинский } большев[illegible]
Пародовский-анархист[illegible]
Посталовский—член [illegible]ро Сибири.
Гершевич-большевик[illegible]се-датель Зиминского [illegible]а).
Славин,—большевик

Гаврилов — большевик, (член Центро-Сибири).
Аксенов—максималист, член Забайкальского исполкома.
Криворучко-доктор.
Братья Белябины-большевики.
Богомягков Георгий — казак, большевик.
И. Кириллов-член Нерчинского исполкома.
Вагжанов—большевик.
Таубе-учитель с.-д. интернационалист.
Б. Кларк.
Бобков.
Бронников.
Попов—комиссар Хабаровского казначейства.
Рощин, Перов, Щепетнов } большевики.
Тамара Теумин-большевичка [сестра милосердия].
Александр Петров—левый эс-эр [застрелился при аресте].
Тылик—сов. деятель [комисс. финанс. Ам. исполкома].
Председатель Центро-Сибири Н. Яковлев.
Комиссар почтовых учр. Н. Журавлев.
Член совета Н. Пестов.
Анархист Г. Григорьев,
Лыткин член Центро-Сибири.
П. Кулинич член Ц. И. К., командир конницы Забайкалья.
Медведев казначей г. Хабаровска и начальник интендантства.
Братья Александр и Кузьма Федоровы.
Шатковский (тов. предс. Благовещ. исполкома).
Федин—левый эс-эр [предс. Центр. Ком. Ам. ж. д.
М. Лоншаков (прапорщ. красной армии).
Ан. Анисимов [убит в тюрьме].
С. Колейко—левый эсер, умер в тюрьме.
Н. Н. Сопронов—участник Мазановского восстания.
Братья—Степан и Николай Лукьяненко.
Е. Матюшенко,
Петр Маслов—рабочие (за участие в октябрьском восстании в Благ.).
Викентий Милевский.
Антон Войткунас,
П. Петрик.
К. О. Валюкс.
Земских.
Макаров.
Юзеф Якштикс — эмигранты литовцы [члены 2-го Омского отр.].
Ис М. Донцов--боцман (подвергся порке горячими шомполами).
Братья—Илья и Арсений Бессарабовы.
В. М. Суханов — большевик слесарь (убит в тюрьме).
Гр. Бортов анархист (убит при аресте).
Ст. Ив. Васильев (он же „Василек“, он же „Рафаель Мерцающий“) — анархист, убит при вооруженном сопротив. на Ремесленной улице.
Варягин—матрос, убит так же.

В Амурской обл. погибли:

М. И. Давидов — большевик (предс. горного коллектива).
Виктор Клюков (он же В. Шлиттер) — комендант ст. Суражевка.
В. Федоров.
Ив. Беляк.
Я. Волков — большевики.

Рабочие, казнены на ст. Рухлово:

В. Фаддев.
В. Астраханцев.
М. Рокосев—красноармейцы.
Сорокин—предс. совета в Джалинде.
Гр. Павлинов, Козел+красноармейцы.
Бессонов, Верхотуров—рабочие казнены в Рухлово.
Т. Е. Кошкет—(служащий акцизного ведомства).
А. К. Остапенко—большевик, лоцман.
Дмитрюк прапорщик (инструктор крас. арм. школы в Верхнеудинске — казнен в Бочкарево).
И. Джалов—большевик (секретарь Благовещ. Исполкома).
В. Гончарев—учитель.
Г. Я. Швец—крестьянин (за содействие партизанам).
Борис Вениаминович Добровенский—левый эсер (ред. газ. „Красный Клич" и комис. призрения в Чите) умер в тайге от тифа.

В Свободном:

Кондратьев-большевик (секретарь Свободнен. Исполкома).
Леонов Леонид Алекс.
Жуков—большевик (ком. Зейского Горн. Округа).

В Ник.-Уссурийске:

Чимаркин—поручик.
Герасимчук—юнкер.
Астафьев—солдат и др. (по делу восстания).
Карпенко (комиссар флота).
Номоконов—большевик.

В Харбине:

Уманский—учитель.
Арцыбашев - член Центр. Ком. Забайк. ж. д. (самоубийство при аресте).

В Нерчинске:

Кобяков — большевик (председ. Могочинского В. Р. Комитета).
Дулепов—левый эсер.

Погибшие в г. Зее:

Малых Петр Павлович—член зейского исполкома.
Безродных.
Утенко.
Я. З. Деменчук.
Пименов.
С. Зеленский.
А. Д. Ефимов.
Н. Гайдуков (член зейского Исполкома).
И. Шпаков.
Н. И. Фролов.
А. П. Малов.
И. Востриков.
В. Коробов.
Д. Н. Здохлев.
И. Я. Озлоев.
Г. Н. Черных.
И. Ф. Рыженко.
Ф. Г. Михайлов.
Г. И. Петренко.
Ф. С. Сидоров.
М. Т. Свиридов.
Н. Е. Ипатов
Я. В. Денисов.
Н. А. Добрынин
Н. Ким.
И. И. Якутис.
Л. Багиков.
М. П. Глатенок.
И. Чесноков.

Расстреляны на Арби:

В. Ф. Моисеев (бывш. член первого читинского совета).

Казнены члены Верхоленского Исполкома:

Председатель Толмчаев, секретарь Тюменцов.

В Приморской области:

Семенов.
Мих. Попов.
Либкнехт, начальник красноармейского отряда (покончил самоубийством).
Козловский — максималист (убит в тайге).

В Никольск-Уссурийске:

Санаров—максималист, умер в тюрьме от ран.

В Благовещенске:

Гр. М. Тютюнник.
Ларионов-командир красноар. отряда.
Шафир Владимир
Халфин-Попов Яков.

В с. Ильиновке:

С. Д. Иващенко.
П. М. Драгун.
М. П. Гужель - красноармейцы
И. Д. Педик.

На ст. Ледяная:

И. А. Даниленко,—партизан.
А. Н. Горынин—партизан, расстрелян на ст. Средне-Белая.

Зверски замуч[illegible] в с. Васильевке.

И. Н. Животков,
Я. Ф. Вотинцев,
М. Е. Чурсин,
В. Я. Толмачев,
Михаил, Ефрем и Афанасий Кривошапкины,
А. Чурсин,
П. Купалов,
И. Д. Усачев,
О. Д. Москвитин,
Я. А. Шаптола,
П. Я. Мазулевский,
П. И. Макшин,
Ефим и Сергей Самодуровы,
Я. Д. Толмачев,
И. С. Фролов,
И. И. Преловский,
П. И. Преловский.
Вондаренко, командир отряда.
М. З. Васюта.
И. И. Еременко.
Т. И. Некрасов.
Мих. Чивозерцев—соц.-демократ меньшевик-интернационалист (благовещенец).
Конст. Виноградов (Филипп Григор. Ягодин) социал-демократ меньшевик (благовещенец).
Л. И. Воложанин—социал-демократ меньшевик-интернационалист.
П. Чанка—соц.-дем. меньшевик-интернационалист,
П. Денисов (благовещенец).
Маргенштерн—соц.-дем. меньшевик, рабочий Гондатьевских мастерских, убит японцами.
Кореец Яин-до-су,—расстрелян в д. Ильиных.

У д. Абрамовки убиты:

Попов — команд. красноарм. отряда.
Даценко - -начальн. штаба красных и их переписчица.

В д. Слава.

[illegible] председатель кре-
Красноармеецц Турлов.
Н. Вахранев и А. Бударин—убиты палками.
Мадьяр Кроммер и Ляковский убиты при попытке к бегству.

Убиты мадьяры:

Иван Марьян;
Иван Ондрейко;
Иона Теклан и
Василий Коша.

Расстреляны по приговору суда:

И. Т. Коваленко и
С. Г. Михайлых.

Расстреляны на заимке:

Заморякин;
Кошельков;
Демидов;
Набатов (эмиссар Мыльников. прииска).
Чесноков;
Крепнер (германский поддан.).
Игнатьев—в Алексевске.
Дьяченко (комис. Иннокент. красн. штаба) и
Новиков расстреляны в д. Сохатино.
С. Дорофеенко (убит в д. Красноярово).
Ф. Я. Пухальский (кличка „Федоська"), убит в д. Тамбовке.

В д. Константиновке:

Г. Демьянов.
Н. Перевалов.
З. Майстренко.

В Бочкарево расстреляны японцами:

Исаия и Иван Зайцевы.
В. Горбатин.
Серг. Авдокин.
[illegible] Кравцов.
А. Казачук.
П. Казачук.
Скомский.
М. Никитин.

В д. Жариково:

И. Алексеев.
Востриков.
Ф. Кальжанов.
А. Заикин.
В. Козлов.
Ф. Дружин.
Е. Неделин.
Ф. Федюнин.
А. Жариков.

В д. Тамбовке:

М. Назаров.
В. Кузьмин.
И. Матвеев.

В д. Мазаново:

И. Перевалов.
К. Казанцев.
В д. Абраменко—Д. Успенский

В Благовещенской тюрьме:

Н. Шелковников.
Инженер Белин.

Расстреляны на китайской стороне Амура:

Е. Попов.
Н. Борисов.
А. Чернов.
Д. Счастьев.
В. Счастьев.
И. Ушморов.
М. Ефимов.
Е. Гридягин.
П. Чистяков.
П. Косицын.
В Алексеевске—И. Н. Тимофеев.

В д. Исаковке:

М. И. Опанасюк и
Г. А. Арапов.

На льду Амура:

А. И. Чернов и
Е. С. Попов.

В Нерчинске:

Дулепов М.—анархист.
Арабкин.
Г. Чупров—максималист.
Бакшеев—казак-максималист.
Светков, рабочий-большевик.
Долинин—казначей Нер. военкома, максималист.
Козулин—левый эсер.

В Омске казнены:

Председатель рев. трибунала Вичургин—матрос.

В Хабаровске: 5-го ноября 1919 г. в числе 21 человека.

Болотин, за участие в большевистской организации.
Жена Болотина, тоже.
Погодин, Цупик, Белозеров, Солошин, Мартынюк, Сизов, Юр, Букин—за организацию.
Куклин, Ерохин, Маник и Маленский—партизаны.
Сизонов—за побег из 36 полка и за убийство полковника Гросевича.
Смирнов, прапорщик 36 полка—за организацию.
Штылев, председатель союза грузчиков.
Лунека, председатель большевистской организации.
Скорик, атаман „Черных воронов".
Голубев, с катера „Далайнор" и Самаракин, милиционер 3-го участка—за передачу учетных карточек Лапте.
Ракитин, 36-го полка—за прокламации.
Рыжий—тоже.
Мышков, за большевистскую организацию.
Соколов.
Фролов, бывший комиссар земледелия казачьего населения.

В Хабаровске 15 декабря

Зройзгне Ян, Борейко М., Гервас З, Долгов С, Лядов Н, Овсянников, Кожевников.

В Зее

Коробков, убит от взрыва бомбы,

В Облучье

Курдиенко Павел, Кузнецов Дмитрий умер от ран в тайге, Яков Корчи, Хаников Константин.

на ст. Бира

Южанинов—убит милиционером.

В Гильчине

Иннокентий Хабаров.
Чирненко—комиссар Сахалинского Обл. совета.
Братья Таличкины—покончили самоубийством при аресте.

В г. Кургане

Зайцев—председатель совета.
Солодовников—секретарь совета.
Грунт—комиссар тюрьмы.
Пуриц—редактор газеты „Известий С. Р. С. и К. Д.".
Аргентовский—комиссар милиции.
Губанов—военный комиссар.
Климов—бывший военный комиссар и организатор красной армии.
Зырянов—член президиума совета.
Пучевасов—член совета и трибунала.
Пичугин—председатель крестьянской секции.
Меньшиков—товарищ председателя совета.
Ястрижемский—председатель трибунала.
Борисов—активный деятель, был одно время секретарем солдатских депутатов.
Коновалов—помощник комиссара тюрьмы.
Мартынюк—секретарь трибунала.

В Хабаровске

Аристов Логин—11 июня.
Аргусак Иван Осипович—22 сентября.
Бобрицкий Николай Александрович—бывший комиссар упр. госуд. имущ. утв. 14 сентября.
Бало Гашпар прапорщ. Авс.-Вен. в. пл. утв. 14 сентября.
Брильон Израиль Анисимов.
Буянов Федор Варфоломеевич.
Вилли Готшальн солдат германской арт. утв. 16 сент.
Вебель Рудольф.
Вайде Рудольф в.-пл.
Василенко (Науменец-Морозов) 24 апреля.
Васильченков Алексей Ильич.
Вдовин Федор Семеновнч.
Голобоков Лавр Иван., бывш. комиссар.
Гриснь Иозеф в.-пл.
Гутти Герман в.-п.
Гителев Лейзер Абрамов.
Глушко Виктор Аркадьевич.
Гельвиг Адольф.
Димов Прокопий.
Ерлыков Порфирий.
Иркин Рудольф в.-п.
Костюрин Федор.
Кирмикчи Андрей Федорович.
Кисели Юлий прап. Австро-Вен. армии.
Кобзаренко, прапорщик.
Кампель Отто в.-пл.
Краус Иозеф в.-пл.
Коцерев Митрофан Никитич.
Кононец Георгий Денисович.
Кафф Гельма.
Липоут Франц прап. 82 п-ка австрийской армии.
Лазарев, кр. Кам.-Под. губ.
Лозицкий Афанасий.
Липатов, прапорщик.
Маринoха Савелий Иванович.
Мишенин Владимир Иванов.
Малечек Иван Иванович.
Нефедов Макар.
Никольский Константин Дм.
Паризен Иозеф в.-пл.
Пфайфель Фриц, в.-пл.
Пайнем Франц, в.-пл.
Петров Александр Трофим.
Коростелев—председатель исполкома.
Пешко Семен Андреевич 22 окт.
Станкевич Александра Петровна, б. ком. иностр. цел большевичка утв. 14 сент.
Серянский Терентий 14 июня.
Сковородин сотник в июне.
Соколовский Андрей Семенов.
Сосин Павел Наумов. 22 сент.
Скворцова Матрена Кирянова 22 сентября.
Тронин член исполнит. ком. Хабар. С. Р. и С. Д. утв. 14 сентября.
Тишин Феодосий Николаевич член военно-революц. шт. утв. 14 сентября.
Трухин Иван Константинович 22 сентября.
Умгер Пауль, в.-пл. 6 сент.
Флягин Иван Александрович военный следов. красн. армии утв. 14 сентября:
Федорович Франц Иванович.
Цириштейн Эмиль в.-пл.
Шинглер Рудольф в.-пл. 6 сен.
Штевих Иоганн в.-пл. 6 сен.
Шевчук Парфений Харлович 22 сентября.
Щур, кр. Лутковск. в. Иманского у. утв. 16 сент.
Эльснер Лео в.-пл, 6 сент.

Расстреляны в с. Черемушке:

И. П. Соколов.
Братья В. Ф. и К. Ф. Колесниковы и их отец

Ф. В. Колесников и Аистов.

7-го августа 1919 г. в 5 ч. веч., были уведены из гауптвахты 10 тов.:
Коваль Никита.
Донге.
Мельников.
Белотелов.
Калисский.
Суслов.
Чуичцев.
Куксов
Серебрянников.
Храпов Алексей, все вышепоименованные тов. были увезены на катере „Телисман“ вниз по Амуру около 40 верст в гольдяцкий поселок „Катары“, где и были зверски замучены.
Власов, большевик.
Вейсман—иностран. комм.
Большешаповы отец и сын.
Болдухин.
Гладков,
Багуза—сын.
Ив. Ив. Рябов большевик.
Александр Камерон—С. Р. Максималист (председатель Ксениевского совета).
Устюменко—максимал. (председ. Горного коллектива).
У. К. Ольшевский—комендант. ст. Слюдянка.

В Зее:

Богданов—нач. парт. отряда;
Полников—рабочий.
Чернышенко—большевик (помощ. ком. телеграфа).

В Хабаровске:

А. Ф. Белоусов.

В Николаевске:

Клепер.
Шашин.

В Троицкосавске:

Б. Мельников председ. совета (офицер).
Масков—учитель, большевик.
Жданов—реалист (Комиссар просвещения).

В Омске:

Н. Мазурин — левый эсер, брат знаменитого максималиста Владимира Мазурина (член Краснорского Исполкома).
Коляда—большевик, рабочий.
Башаев член Центро-Сибири.

В Енисейской губ:

Ульин—большевик.
Крестовская, сестра милосердия.
Катуна — мадьяр — интернационалист.
Дымов—секретарь Красноярского губ. Исполкома.
Кузнецов, командующий Клюквинским фронтом—оба большевики.
Иоган Заводил,
Сухан—чехи интернационалисты.
Виктор Маерчак-д-тор, ссыльный, член Польской Соц. партии (ком. здравоохранения)
Юзеф Пекарж—большевик
Байчук (сек. ком: здравоохранения).
В. Фр. Матушевский—экспедит. газ. Красноярский рабочий“—большевик.
Сисин—типограф, большевик.

На Прибайкальском фронте:

И. Толстой, при попытке взорвать тоннель.
Изаксон—большевик (заведывающий санитарным делом на фронте).

В Амурской обл.;

А. Т. Федоренко (при убийстве изуродован).
П. И. Кононенко.
Першанин—большевик (умер в тюрьме от тифа).
В. Е. Клинков—красноармеец.

В Ачинске:

М. М. Гамберг (комиссар просвещения).
П. Кравцов (казнен за агитации в Благовещенске).
Д. М. Лахтин—надсмотрщик телефон. станц,
Н. К. Симионенко—реалист—оба замучены и брошены в прорубь на Амуре.
Г. П. Кожейков—казнен на ст. Магдагачи.
П. П. Кожиков—прапорщик—казнен на ст Даурия.
Г. Л. Реутов—гимназист (секретарь, и впоследствии командир отряда Кр. Армии).
П. Храмцов.
На ст. Белоногово, Бурковский—комиссар типогр Ам. ж. д.
Евгения Ильинишна Яковлева—(жена товарища Безднина, комиссара Амурской реч. флотилии).
Н. М. Каломийцев—красноармеец.
Е. Глазунов,
Т. Терещенко,
Н. Мирошниченко,
М. Швец.,
И. Рубцов,
Животков—крестьяне [советские деятели, казнены японцами и Тарбогатайским карат. отрядом].

На ст. Бочкарево:

М. Шамрило,
В. Савельев,
В. Кофанов,
И. Прозоров,
И. Ребрыков,
М. Жимин,
Отец и сын Казучики,
С. Авдохин,
П. Кравцов—красноармейцы.

Жертвы японского разгрома села Ивановского Амурской области.

Железный Роман Тимофеевич—делегат I Песчано-Озерского съезда 34 л.
Шишов Дмитрий Семенович 37 л.
Маслов Владимир Петрович 60 л.
Ельчанинов Трофим Семенов.,
Гаврилов Павел Яковлевич,
Шиловский Федор Павлович 47 л., сын его Илья 25 л.,
Гаврилов Федор Фед. 52 л.,
Неженский Никон Григ.,
Ковалев Петр 65 л.,
Стрельцов Митроф. Мих 38 л.,
Мошонкин Степан Григ.,
Гришин Иван 53 л.,
Дрянных Филипп Дор. 53 л.,
Неженский Семен Абрам.,
Неженский Андрей Абрам.,
Жданкин П. Я.,
Остапенко Георгий Степан.,
Водопьянко Ник. Павлович, отец его Павел 67 л.
Корожда Роман Ром. 48 л.,
Безруков Самуил, его брат Павел,
Землянский Яков Филип. дочь его Аграфена 30 л.,
Остапенко Анастас.,
Сопов Александр Емел. 60 л.,
Сопов Федор Филип 55 л.
Кудрин Прокопий Иванов.,
Землянский Федор Филип.,
Максимов Семен Ерем.,
Дьякон Евлампий Данил.,

Сопов Марк Данилов. 65 л.,
Циркуль Яков Ник. 43 л.,
Жерепа Степан Нест. 68 л.,
Шитокин Николай Федор.,
Черепанов,
Дергачев Иван Никол. 45 л.
китаец Сун-зю-ся,
Ван-сун-хин,
Масловский Карл Ник. 66 л.,
Костюченко Андрей Кор. 62 л.,
Марьенко Григорий Ст. 45 л.,
Марьенко Даниил Ст. 39 л.,
Кантемиров Иван Гордеев.,
Кантемиров Николай Назар.,
Контемиров Георгий Пантел.,
Маслов Куприян,
Остапенко Иван Торфим.,
Остапенко Трофим,
Остапенко Никифор Тр. 48 л.,
Простокишина Александра,
Федоренко Прокопий,
Простокишин Андриан Вар. 58 л., сын его Иван 18 л.,
Жижерин Дмитрий Ак. 55 л.
Черятников Дмитрий Анис
Сопов Денис Филиппович,
Киселев Петр Васильевич,
Трофилов Семен Иван. 54 л.,
Бондаренко Иван Мак,
Бондаренко Владимир Ив.
Бондаренко Иннокентий Ив.
Жигайлов Кондрат Кондрат.,
Жигайлов Родион Кондр.,
Гаврилко Никита Кор. 29 л.,
Геевский Пантел. Терен 56 л.,
Геевская Гликерия Кон. вдова.
Соловьев Мефодий Пав. 30 л.
Соловьев Митрофан Пав. 42 л. сын его Прокопий 17 л.,
Пеня Кондратий Фом. 55 л. жена его Акулина Игнат. 57 л., заехавший по сл. родственник Барабашев Мит. Иванович 21 г.,
Юрченко Семен Яковлевич,
Юрченко Яков Яковлев, его сын Василий 15 л.,
Юрченко Трофим Петрович,
Баранов Андрей 90 л., расстрелян на кварт.,
Землянский Филипп,
Цендюров Моисей Евт. 60 л.,
Белых Макар Иванов. 40 л.,
Землянский Кондратий Иван. 77 л., его сын Григор. 26 л.,
Барилко Ефим Алекс. 57 л.,
Валенко Петр 27 л.,
Соколов Никон Игнат. 27 л.,
Чеченов Константин Андреевич, ранен при расстреле во дворе,
Шульга Клим, его дочь убита 1½ г. и ранена 5 лет,
Куронда Роман Фед. 56 л.,
Колмыцин Спиридон Михай.,
Сюскалов Тимофей,
Дебелый Виктор Иван. 70 л.,
Киселев Георгий Кузьмич.,
Бойко Иван Яковл.
Васильцев Афанасий Тихон. 36 л., его рабочий 24 л.
Шарада Захар Сергеев 65 л.,
Печеников Илья Прок. 56 л.
Чечелев Кирилл Контантин.,
Черныщев Моисей Сем. 43 л.,
Карнаухов Иван Мак. 46 л.,
Невасов Андрей Степанов.,
Шульга Семен,
Демьяненко Мария Андреевна,
Мариенко Даниил Степанович 41 л.,
Вошкулат Степан Ефимович,
Черныш Мирон Степанович 42, мать Черныша 75 л.,
Бачко Максим Кузьмич,
Хмелев Андрей Денисов. 80 л., жена его сына 38 л.,
Гаврилов Павел Яковлевич,
Ли-си-ут в доме Безрукова,
Трифонов А. Ф.,
Седельников Фома Иванович,

Купцовы Анисия Ермолаевна 19 лет, Лукерья 7 л., Мария 5 л., Федор 4 л.,
Фисан Мартын Анисимович,
Соловьев Иван Павлович 55 л,
Марченко Павел Романович 35 л.,
Курилов Иван Спиридонович 50 л.,
Мысак Максим Антонович,
СоловьеваСерафимаЯковлевна
Киселев Василий Анисимович 50 л.,
Остапенко Филипп Елизарович 62 л.,
Гуляев Филипп Афанасьевич 60 л.,
Юрченко Никита Семенович 60 л.,
Печенкин Лука Прокопьевич 60 л.,
Звеников Андрей Иванов 24 л.,
Соловьев Иван Павлович 55 л.,
Касьянов Наум Ефимович 30 л.,
Лой Филипп Корнеевич 45 л.,
Безруков Кирилл Григорьевич,
Евсенко Степан Галактионович,
Керей Тихон Трофимович,
Шульга Яков Максимович,
Альшанский Леонтий Осипович,
Землянский Федор Корн. 50 л.,
Нагорный Н-ки,
Алатырцев Павел Илларионович 50 л.,
Мошонкин Федор Гаврилов,
Савин Платон Мих. 30 л.,
Савин Антон Мих. 32 л.,
Бурдай Осип Алексеевич 20 л.,
Окорин Степан Гаврилов 37 л.,
Романов Яков 31 л.,
Москевич Степан Осипович 32 л.,
Сидоренко Сергей Федотович 45 л.,
Крахмалев Леонтий 60 л.,
Чемеркин Петр, его сын Алексей 5 л., дочь Анастасия 3 л.,
Ермоленко Афанас. 4 л.,
Гуляев Павел Павлович 30 л.,
Кузьмин Александр Степанович 66 л.,
Кузьмин Назар Алексеевич,
Казанцев 37 л, неизвестная женщина ранена,
Савонов Яков Павлович 65 л.,
Штельмах Александр Алексеевич 55 л.,
Белков Матвей Ефимович 56 л,
Рябинский Алек. 55 л.,
Ремих Степан Корнеевич 55 л.. сын его Михаил 16 л.,
Ивахненко Даниил Филиппов,
Дорошенко Илья Иванович,
Дорошенко Илья Иванович,
Коник Митрофан Артем. 37 л.,
Коник Никита Артемьев. 45 л.,
Мошонкин Степан Гаврилов,
Рыбовъ Савелий,
Нестеров Захар Васильев 53 л.,
Нестеров Харитон Васильев.,
Безруков Василий Яков. 55 л., его работник Сергей 17 л.,
Залогин Гавриил 50 л.,
Яков Ермолаевич 75 л.,
Сячин сын Николай 24 л,
Копицын Никита Васильевич,
Остапенко Иван Иванов. 60 л., сын его Остапенко Павел 16 л.
Шарапановский Иван Григ.,
Остапенко Петр Иванов. 43 л.,
Матюшенко Федор Мих. 65 л.,
Землянский Платон Федоров.,
Землянский Георгий Федоров,
Вдова Коломыцына,
Копицын Николай Антонов.,
Копицына солдатка,
Кушнарев Иван,
Бондаренко Мария Константиновна 30 л.,
Литвинов Осип,

Ганжа Остап Иванович 45 л.,
Простокишин Степан Иванов.,
Кривогузов Иван 45 л.,
Кривогузов Мих.,
Удодов Иван,
Рудометова Мария Павловна,
Басманов Павел Васильевич.
Браташев Лука Тихонов. 53 л.,
Браташев Тимофей Тихон. 58 л.,
Браташев Андрей Тихонович, сын Браташева Михаил 18 л, его-же сын Василий 16 л.,
Осикин Андрей Яковлевич 43,
Марченко Константин Александрович,
Марченко Иван Александрович,
Седельников Никифор Троф.,
Кантемиров Михаил Ульянович 55,
Кантемиров Василий Ульянов. 65,
Козубин Игнатий Федорович 48,
Неженский Митрофан Макарович 53,
Тучин Иван Кузьмич 64,
Тучин Иннокентий Алекс. 18,
Кущев Гордей 65.
Давиденко Георгий Филип. 49, сын его Павел 16 л.,
Бойко Георгий Трофимович, сын его Яков 26 л.,
Пасечник Даниил Макс. 68 л.,
Чембалов Архип Троф. 27 л.,
Болтенко Андрей Федот 50 л.,
Сопов Иван Филиппов. 60 л.,
Дзех Яков Петрович,
Прасков Иван Иванович,
Каргашов Матвей Лавр. 37 л.,
Восколовин Аким Тим. 38 л.,
Восколовин Вас. Троф. 50 л.,
Прасков Филипп Алекс. 48 л.,
Неустроев Никандр Степ. 52 л.,
Гуляев Павел Пав. 28 л,
Безруков Семен Дмитр. 39 л.,
Черноскутов Мих. Пет. 52 л.,
Личман Алексей Дм. 45 л.,
Гаврилко Серг. Сергеев. 45 л., сын его Иннокентий 17 л.,
Марьенко Емельян Ив. 47 л.,
Романовский Иван Гр. 50 л.,
Гаврилко Аким Корн. 47 л.,
Гориценко Ефим,
Шилов Иван Семенов 50 л.,
Доброрез Петр (работник Шилова) 35 л.,
Боярин Филипп Алекс. 39 л,
Остапенко Васил. Аким. 31 г.,
Кочелаев Тимофей Филип.,
Литовский Игнат Яковлевич,
Макаренко Василий Иванов,
Макаренко Пантелей Иванов.,
Терентий Иван Алексеевич,
Костыркина Ульяна Иван.,
Гаврилко Матр. Мак.,
Шульга Тимофей Петрович,
Жигайлов Трофим Григ. 60 л.,
Личман Петр Дмитриевич,
Гаврилко Констант. Корнеев.,
Михайлюк Александр Андр.,
Соколя Гордей Павл. 65 л., жена его Анна Фомин. 66,
Циркуль Адриан Никол. 30 л.,
Дорошенко Иван Иванович,
Шиманский Василий Иван.,
Тесленко Алексей Афан. 35 л.,
Романенко Антон 50 л.,
Лишко Николай Иван. 60 л,
Токорь Федот Яков. 66 л.,
Водопьянов Трофим Хар. 45 л., сын его Кузьма 18 л., брат его Никифор Харит. 38 л.,
Кузьменко Наум Конд. 37 л.,
Пинжаков Ник. Васил. 50 л,
Нестеров Конст. Ульян. 26 л,
Нестеров Иван Филиппов. сыны Николай, Петр, Васил.
Бондаренко Васил. 45,
Сидельников Фома Иванович,
Безруков Яков Кириллов.,
Дьяков Андрей Романович,

Колесников Михаил Спирид.,
Колесников Иван Спир. 40 л.,
Мошонкин Вас. Васильевич,
его дочь Параскева,

Пасюков Иннокен. Ил. 42 л.,
Шульгин Петр Павл. 50 л.,
Пасюков Зиновий Ильич 42 л.,
Гаврилов Алекс. Федор. 61,
Чудаков Афанасий Ден. 45 л.,
Чиразерский Михаил Филипп.,
Галушкин Яков Акимов. 28 л.,

Откопаны трупы замученных калмыковцами товарищей:

Скорика—казак,
Воложанина Леонтия Ионыча,
Штилева Алексея Кузьмича.
Кузьменко Антон 60 л.
Чупин Иван Осип. 54 л.
Бараник Марк Никифорович.
Шульга Алексей Иван. 54 л.
Коломыцын Иван Мих. 45 л.
Печеник Феодосий Прокопьевич 46 л.

Шульга Никифор Никифорович 75 л.

Киселев Николай Кузьмич.
Вывдыч Евдоким Анис. 30 л.
Житерин Карп Ефимович.
Иващенко Трофим Данилович.
Неженский Николай Григор.
Землянский Филипп Кондратьевич 46 л.

Костылев Трофим Вас. 45 л.
Простокишин Кирилл Иванович 40 л

Шеповалов Федор Петр. 57 л.
Герлих Иван Констант. 34 л.
Кушнарев Степан Никифор.
Османенко Илья Степ. 35 л.
Гегеевский Григорий Пудович 45 л.

Гегеевский Михаил Пудович.
Гегеевский Пантелеймон Терентьевич 54 л.

Доброрез Петр Игнатьев. 35 л.
Шишов Иван Семенов. 52 л.
Боярин Филипп Александрович 39 л.
Воскополь Онисим 40 л.
Хмелев Зиновий.
Демьянко Григорий Никифор.
Потемкин Иван Ив. 50 л.
Захарченко Иван Назар. 45 л.
Выдыч Алексей Яковлевич расстрел., его жена 30 л.
Гавриленко Устиния Степан.
Кушнарев Тимофей Ив. 21 л.
Землянский Семен Корнеевич.
Костылев.
Буханцев Тит Александр. 42.
Буханцев Герасим Ал. 43 л.
Чечелев Федор Антонович
Свириденко Григорий Митр.
Перехожев Егор Максимович.
Кузьменко Наум Кондр. 35 л.
Кочапаев Григорий Мих. 48 л.
Зуев Николай Архип. 42 л.
Сугак Тимофей Климович 40
Нестерова Евдокия Ник.
Макаренко Дмитрий Ив. 45 л.
Кушнарев Галактион 45 л.
Браташев Андриан Тихонов., расстреляны два его сына.
Коницын Игнат Антон. 55 л.
Куликов Василий Демидович.
Грозин Селиван Фокич.
Грозина Екатерина Васильев.
Лушин Егор Григ. 45 л.
Глущин Федор 48 л.
Рябинский Алекс. Ив. 50 л.
И. П. Терещенко.
И. Т. Цвенту.
С. Е. Ситно.
Г. П. Тимченко.
И. Н. Бурдеян.
А. З. Глазунов.
Т. П. Новиков.
Акулин.

В Петропавловске Акмолинск. об.

Дубнин.

Люстернак.
Филипенко.
Аасс.
Петров.
Шляхов.
Калюжина.
Прокофьева.
Ганок.
Коломенченко.
Кочкарев.
Землянский.
Щупка.
Заяц.
Урбанович.
Кравченко.
Лещинский.
Виртей.
Иванов.

Ярам.
Иванов.
Виртей
Артамоновы отец и сын.
Строков.
Жданов.
Горячев.
Зимин.
Павленко.
Моляр.
Филимонов.
Антонов.
Антонов.

В Николаевске:
во время нападен. японцев убит Яков Петров—максималист.

Спите, погибшие в гордом бою,
вас не забудет народ!
Жуковский.

НАС МНОГО.

(памяти павших товарищей).

Нас много, как в море волны
суетливой,
Как пышных тюльпанов
весной,
Как звуков и песен в толпе
говорливой—
В день Первого мая святой.
Нас много, мы дети великой
свободы,
Мы равенства, братства
хотим!
Родина, родина, в светлые
годы
Новый мы строй создадим.
Сильней мы Самсона, смелее
титанов,
Нас буря и смерч не страшат;
Пускай мы погибнем под
гнетом тиранов,—
Другие на смену спешат.
Нас много, как звезд в
океане небесном,
Как трав и цветов на лугах,
Нас много, как вымысла в
сказке чудесной,
Как счастья в волшебных
мечтах;
Нас много, нас много, мы дети
стихии,
Мы братья семьи трудовой;
Под гимны свободы, под песни
родные
Идем мы на доблестный бой...
Сквозь дебри Сибири мы
шли многократно
Под отзвук печальный
цепей.
Нам родиной служит весь
мир необъятный,
А лозунг наш „Братство
людей!“
Нас много, нас много! Вставайте же братья,
Под пурпуром алых знамен,—
Смелее на битву! Под стоны
проклятий
Мятежный разносится звон...

Максималист.

ПРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

Убийство 17-ти революционеров 26 марта 1919 г. в городе Благовещенске, со слов обреченного тов. В. Повилихина.

Это было в кошмарный период буржуазно-офицерской диктатуры, когда кровавые властители ставили человеческую жизнь ни во что, когда Амурская область стонала в когтях вампиров... Тюремный мартовский день приближался к концу. Мороз усиливался к ночи. Жутко в вечерних сумерках тюрьмы; чувствуется веяние смерти, так как каждую ночь кого-нибудь выводят на казнь и никто из узников не был гарантирован, что его сегодня тоже не выведут на казнь, без суда, выведут, так себе, ни за что, ни про что, отнимут жизнь мучительными образом просто из любви к искусству...

— Я сидел в одиночке с товарищем Ерыгиным,—рассказывает тов. Повилихин. Прошла вечерняя поверка, сосчитали нас по обыкновению и, кажись, ничего особенного, но предчувствие чего то недоброго закралось в душу. Нервы у меня в этот период были еще не истрепаны, крепкие, но ежеминутное ожидание всякой страшной, роковой неожиданности давало себя чувствовать.

Не успел утихнуть шум удалявшейся стражи, как вдруг в коридоре послышался топот сотен ног и лязг оружия. Вооруженные люди подходили к одиночкам и останавливались. Стали открываться двери одиночек и послышались возгласы стражи.—Шумилов, Поспелов, Хабаров, выходи!—и целый ряд других фамилий. Мы тревожно и вопросительно переглянулись с товарищем, и сердце забилось тревожно и быстро...

Открывается и наша одиночка и грубый окрик: «Повилихин, выходи!» заставил нас вздрогнуть. Растерялся, не зная в чем дело, куда ведут в такое время? Ведь после поверки никуда не вызывают, *только на смерть*. Неужели на волю— мелькнула мысль. Спешно целуюсь с Ерыгиным, он что-то говорит, но до моего сознания доходят только его последние слова: «г-н начальник, а меня нет в списке?». Мгновение—и я в коридоре, одиночка захлопнулась, а в ушах гудит противный голос палача:—«завтра и ты будешь, и тебя вызовут»...

Увидя корридор, переполненный японцами, среди которых стояли фигуры Шумилова, Шафира, А. Семенченко, Шелковникова, А. Чумака, Шемякина, И. Шестакова, Л. Белина Н. Воробьева,

И. Семенченко, П. Зубка, П. Вшивкова, Мельниченко, Поспелова, Хабарова, Федина, тут же и „доблестные“ офицеры Файбушевич и Чичуа. Я понял, что затевается, что-то недоброе, что-то страшное, —чему нет названия. Полумрак тюремного корридора, бряцанье оружия, тишина ночи—все это наполняло душу тоской и скорбью. Откуда то появились веревки и нас всех, восемнадцать человек, стали связывать друг с другом веревками, попарно рука с рукой. На наши недоуменные вопросы—куда нас ведут?—послышались злородные двусмысленные ответы:

— На свободу...

— В другое помещение...

Японец—офицер успокаивающе говорит, что нас отправляют на Сахалян в качестве заложников, чтобы большевики в области не предпринимали активных действий.

Связанных веревками, плохо одетых, вывели на тюремный двор. Морозом пахнуло в лицо.

— Прощайте братья, прощайте товарищи!—и гул сотен голосов из тюрьмы огласил тюремные стены.

— Прощайте, досвиданья... Прощайте братья!—кричим мы. Кричим и не вполне сознаем, что это прощанье на веки...

Прощайте, братья...

— И вы там завтра будете,—кричит Турецкий, начальник тюрьмы и грубой циничной бранью заканчивает свою речь.

У конторы нас остановили, окружив тесным кольцом конвоя японских жандармов, осматривают—крепко ли связаны руки; подходит японский солдатик ко мне с винтовкой, трогает руками веревку—а у самого на глазах слезы.

„Куда нас поведут“—спрашиваю —убивать? (контрами)?

Японец утвердительно качает головой, а крупные слезы одна за другой текут по его желтому лицу. Милый, добрый японец! в твоей темной душе дикаря нашлось чувство человека, чуткого к страданию, к людскому горю...

Крепко связанные руки немеют, дрожь пронизывает до мозга костей. Тяжело... жутко... в душе пустота и смерть... Подходит офицер-японец, „садит“ в рот папироску и мгновенно вынув, тычет грязными пальцами конфету...

Издевается...

Осмотрев всех, крепко ли связаны руки, палачи направили нас к выходу. Заскрипели тюремные ворота, выпустили обреченных и ночная тьма, словно львиная пасть, поглотила нас. Подгоняемые со всех сторон штыками и ударами, мы направились за тюрьму, к ямам, где весной копают глину для выработки кирпича. Там для нас предназначалось место вечного покоя, место казни. Пока мы прошли это, сравнительно не далекое, расстояние—я успел пережить целую вечность. Целая жизнь пронеслась в моем мозгу. Вспомнилось детство, мать, родина, все, все до мельчайших

подробностей. Даже самые незаметные мелочи жизни всплыли почему то особенно ярко...

А сердце бьется так быстро, быстро, как раненая птица.—Товарищ дорогой,-говорю связанному со мной Вшивкову,—думал ли я, что мы будем связаны друг с другом одной веревкой и вместе умрем!..—За сказанное слово солдаты бьют беспощадно.

Тяжело, мрачно в душе. Пустота.... а жизни так жаль, так обидно умирать, глупо и бессмыслено, добровольно подставляя голову под удар палачей. Умирать с сознанием, что даже ничего не сделал для идеи, для пользы ближних.

А жить так хочется! Молодой сильный организм не хочет мириться с неизбежностью смерти, он протестует. И в голове зароились мысли о сопротивлении, о побеге.

— Ударить конвойного, броситься в темноту ночи: или быть убитым сразу—или спасенье!.... Я насторожился, напряг все внимание на мысль о побеге, но связанные веревкой отекшие руки парализуют волю.

Итак, все пропало! ... Проклятые руки, проклятые веревки!

Эх! да разве можно передать все это словами! В человеческой речи нет тех выражений, которые могли бы выразить хоть одну маленькую часть ужаса, пережитого нами. Словами этого не передашь.... Все мы одеты налегке, кто в летней рубахе, кто в легком пиджачке. И несмотря на то, что шагаем быстро—холодный ветер пронизывает насквозь. Дрожим от холода и волнения; зуб на зуб не попадает. Чувствую, как товарищ Вшивков дергает руками, пытается незаметно освободиться от веревок. Напрягаю всю силу и делаю тоже, но страшная боль не позволяет двинуть ни одним мускулом, а товарищ Вшивков все дергает. Спрашиваю у офицера Файбушевича--куда нас ведут, и получив ответ, что на Сахалин—говорю ему, что ведь дорога не туда ведет.—Вероятно, убивать ведете?—«А если знаешь, то зачем спрашиваешь».

Пришли на место казни. Остановились. .. Я почувствовал, что веревка, связывающая нас, ослабела. Очевидно, товарищ Вшивков работал не даром; маленькая, маленькая надежда закралась в мою душу.

Началось приготовление к казни, а мы, словно стадо ягнят, окруженных голодными волками—робко сжались в кучу... У многих на глазах слезы, а в душе страшная драма смерти, веяние крыльев которой уже шумит над нами, говорит о вечности. Стали прощаться перед уходом от жизни, начались поцелуи, слышалось затаенное рыдание. Живой человеческий организм не хотел признавать никаких доводов, он не мог мириться со смертью.... жутко.... страшно, а главное—нет выхода, чувствуешь свое бессилие.

— Какой произвол, какой жестокий произвол!.. Даже с родными не пришлось проститься—говорит Яков Григорьевич Шафир и жгучие слезы туманят его старческие глаза.

Палачи приготовились к бойне. Напряженная, торжественная страшная минута.

Вдруг товарищ Зубок, отвязавшийся от своего спутника, бросается на колени перед офицером и в каком то отчаяньи молит палача: Сжальтесь, пощадите! У меня дети маленькие—пожалейте их!...—Какой болью, какой мучительной болью отозвался в нашей душе вопль несчастного. Камень—и тот разрыдался бы, но наемники капитала остались неумолимы. Холодным и спокойным тоном:— Я ничего не знаю—отвечает «доблестный» офицер. Мгновение, и товарищ Зубок, поднявшись с колен, изо всей силы ударяет одного из мучителей и бросается в сторону. Раздались крики, посыпался град пуль, но беглец исчез. Конвой насторожился и придвинулся к нам, нас поставили на краю ямы, на дне которой был еще снег.

— Становись на колени!—Протяжно раздалась команда и все обреченные опустились на колени. Сверкнули шашки, бряцанье оружия, предсмертные стоны и... хрустенье костей. Кровь застыла в моих жилах Куда девался Вшивков, что происходило дальше—не помню. Какая то нечеловеческая сила, словно вихрь, или страшный удар столкнули меня в яму, прозвучал выстрел и я потерял сознание. Долго ли я пробыл в таком состоянии—не знаю, но страшный, леденящий душу холод привел меня в чувство, так как я лежал в одной рубахе, грудью на снегу, а вокруг меня и на мне лежали убитые и умиравшие в судорогах товарищи. Первою моей мыслью было, что я умираю, но отсутствие физической боли успокоило меня. Масса крови моих несчастных братьев обрызгала меня, заливала лицо, а связанные сзади руки делали меня совершенно беспомощным. Вся яма переполнилась стонами, хрипением умирающих и скрежетом зубов. Я попытался подняться, но лежавшие на мне трупы не давали возможности это сделать. Повернув голову в сторону, я столкнулся лицом к лицу с товарищем Шелковниковым—Гуном, который умирал в страшных судорогах и его слабое дыхание обдавало мое лицо. Мне стало жутко. Со страшным усилием воли повернулся я на другую сторону, сдвинул чью то руку, опустившуюся на мое плечо, которая снова опустилась на меня. С крепко связанными руками я был весь во власти моих мертвых товарищей, отчаянье закралось в душу с новой силой. Чувствовал, что схожу с ума. Решил во чтобы-то ни стало спастись и, работая плечами, стал выбираться из груды мертвых тел, которые плотно придвинулись ко мне, как бы не желая расстаться со мной. Карабкаясь среди тел, успел разглядеть окровавленную голову старика Шафира и красивое страдальческое лицо товарища С. Шумилова, которого узнал по большой черной бороде.

Среди всего этого кошмара, опьяненный чувством сознания, что я жив, я совершенно забыл об опасности там, на верху, забыл про палачей, как вдруг до слуха моего донеслись голоса людей, о чем то горячо

говоривших. Я весь похолодел и замер, прижавш. к убитому товарищу. Мысль, что меня могли заметить-наполнила душу ужасом, а ко всему этому мне послышался звон лопат и шорох о землю. Мне казалось, что яму будут закапывать и перспектива быть похороненным заживо—было страшнее всего пережитого за весь вечер. Лежал и не шевелился. От дрожи зуб на зуб не попадал. Сколько прошло времени, не знаю, быть может. одна минута, показавшаяся вечностью. Но голоса постепенно начали стихать, шаги удалялись все дальше и все стихло.

Мертв я тишина нарушалась только стоном одного из товарищей, лежавших подо мной но вскоре и он замолк. Я подождал еще несколько мгновений и убедившись, что опасность миновала стал выбираться из могилы на свет Божий. Это мне стоило больших усилий, так как мертвецы не пускали меня.

Наконец я все-таки выбрался из ямы, огляделся—кругом ни души. Решил пробираться к городу, к человеческому жилищу, ибо шагать к тайге в мокрой летней рубашке не было сил. А тут еще вспухшие связанные руки мешают идти; боль адская, даже в глазах темнеет.

Жажда жизни так овладела мной, что готов был отрубить руки, лишь бы уйти. Долго ли шел до города,—не помню, но очутился у избушки сторожа городской больницы. С бьющимся сердцем постучал туда. Глубокий старик открыл мне дверь и, увидя меня в крови связанного—испугался. А ведь много ужасов видел он за это время: не одного расстреляли на его глазах.

— Дедушка, спаси меня! Я бежал от казни, помоги мне....

Окинул меня тусклым взглядом старик и покачал головой:

— Хорошо, я старик—мне уж все равно, а ты, ты еще молод. Ложись!—И он указал мне на койку, развязал руки. прикрыл меня, а когда убедился, что всюду спокойно обмыл меня спиртом и снова уложил. В бреду и грезах я пролежал до утра, а утром поблагодарив моего спасителя, отправился к Ольге Васильевне, благодаря которой отыскал товарища Козина, у которого и поселился...

Тут я узнал, что товарищ Зубок, убежавший от казни, был замечен на Соборной улице японским караулом, когда перелезал забор. Его сняли с забора на штыках. . . . . .

. . . . . .

Я видел товарища Повилихина на другой день после кошмарной ночи. Его правдивый искренний рассказ произвел на меня потрясающее впечатление. Прошел уже год, могилы мучеников 26 марта заросли травой, но когда я вспомню об этом, мороз подирает по коже, словно я сам переживал этот кошмар. Живя сам на нелегальном положении, я не мог тогда записать его слов, поэтому в моем рассказе многие яркие моменты потускнели, но они сохранили свою точность и историческую правдивость.

Жуковский.

Памяти Ф. Н. Мухина.

В течении нескольких лет до 1917 года, Ф. Н. Мухин служил машинистом на ст. Ульмин, куда перебрался с Кит. вост. ж. дор.

В 1917 году, по приказу Керенского, Ф. Н. Мухин был в числе прочих мобилизован и назначен в Благовещенский гарнизон

После октябрьской революции, когда по всей России была провозглашена советская власть, в Благовещенске стал сконструироваться сов. Р. С. К. и К. депутатов, куда от военной организации был избран тов. Мухин, который, благодаря своей энергичной деятельности, быстро выдвинулся вперед, приобрел много сторонников и был выбран председателем Совета Р. С. К. и К. депут.

В 1918 году, когда контр-революционная гидра подняла голову и захватила на несколько дней власть в городе в свои руки, Ф. Н. был арестован и препровожден в тюрьму, но спустя неделю красная народная армия вновь заняла город и во главе Совнаркома стал освобожденный из тюрьмы Ф. Н. Мухин.

За все время его деятельности проходило красной нитью:—поменьше крови!—Больше выдержки!

И многим было обязано население города этому стойкому в борьбе революционеру.

После прихода в наш город, по приглашению Дальнекомцев и К-о „спасителей“,—японцев Ф. Н. вынужден был скрыться в подполье, где и принимал самое живейшее участие в организационной работе для свержения ига контр-революционеров.

Работа и популярность тов. Мухина не давала покоя колчаковским „героям“ и они назначили крупную сумму за его голову.

8 марта 1919 года через одного из „гадов революции“ в контр-разведке были получены сведения, что Ф. Н. скрывается в школе Отечественной войны по Иркутской улице.

За школой с 3 час. дня было установлено наблюдение, а в 6 час. сыщиками, в количестве 8 чел., были заняты выходы у здания школы и произведен обыск.

Вошедшим с черного хода палачам навстречу вышел высокий, совершенно бритый неизвестный и на вопрос—откуда он, ответил хладнокровно:

— Я монтер!..

Палачи, крикнув „монтеру“, чтобы он не уходил, бросились внутрь здания, где слышались призывные голоса других агентов-палачей, чем воспользовался т. Мухин и попытался скрыться в одной из ниш машинного отделения, т. к. выйти совсем из здания было абсолютно невозможно.

— Палачи, учитывая это обстоятельство, тщательно обшарили каждый уголок и приблизившись к нише крикнули;

— Выходи, кто там есть, или будет брошена бомба!..

Таким образом, тов. Мухин оказался в руках „героев“--народных палачей, но опасаясь, однако, что после его ареста может вспыхнуть восстание и группа рабочих сделает попытку освободить арестованного, кучка Безруковых, Мартьяновых и пр. „героев“ шомполов, ухарствовавших в своем „застенке“ (контр-разведка), устроили на другой же день, 9 марта, комедиантский „военно-полевой прифронтовый суд“ и приговорили Ф. Н. к смертной казни, не забыв предварительно окружить себя охраной из своих союзников-японцев. Однако, кучка эта не надеялась на своих союзников, что в случае восстания они останутся победителями и, трясясь за свою шкуру, решили сразу покончить с Мухиным, и при выходе из „застенка“, одним из пьяных патентованных негодяев, именовавших себя офицерами, Ф. Н. был убит.

Население города, не доверявшее зарвавшейся кучке властелинов и привыкшее к их лицемерию и лжи, не поверило тому сообщению, что убит действительно Ф. Мухин и для того, чтобы убедиться в достоверности, целыми тысячами посещало морг в городской больнице.

В самое короткое время более половины населения города убедилось лично, что в таких случаях „герои“ не обманывали народ, а нагло выставляли напоказ свои злодеяния.

Эти „герои“ не препятствовали такому стечению публики, надеясь, что чем больше будет убежден народ в смерти своего вождя, тем больше будет у него растерянности, а у палачей народа будет больше шансов за то, что выступление группы рабочих с целью освобождения вождя не состоится.

Таким образом, благодаря предательству, 9 марта 1919 года погиб тов. Ф. Мухин в борьбе за социализм.

Спи мирно, борец за свободу!

То, о чем ты проповедывал, к чему звал, теперь уже совершившийся факт.

Теперь снова гордо реют красные знамена по всей Сибири и Дальнему Востоку.

Снова взошло солнце и осветило знамена по всему Дальнему Востоку.

Спи, живые не забудут тебя!

З. Мокин.

На смерть Мухина

С сильной дупою героя
Был наш народный борец;
В жизни не знал он покоя—
Грустный он принял конец.
Пал наш герой от трусливой,
Агента белых, руки;
Дух же его горделиво
К грому зовет нас борьбы.

Пусть палачи кровь народа
Пьют; скоро время придет,
Скоро настанет свобода—
Власть произвола падет.
Скоро тиранов не будет,
И засияет любовь,
И наш народ не забудет,
Как пролилась твоя кровь.

Спи же, борец, под землею,
Скоро свободный народ,
Сбросивши иго, герою
Вечную память споет.

Амнистированный

Писано в тюрьме в 1919 году

Несколько слов о Ф. Мухине

(По воспоминаниям т. Анищенко).

Встретиться мне пришлось с Ф. Мухиным в 1905 г., на Забайкальской жел. дор., ст. Борзя, где мы и проработали с ним около полумесяца. В июне 1905 г. произошло столкновение двух паровозов в пути и т. к. в России при монархическом правлении всегда соблюдалась поговорка «виноват стрелочник», то и не удивительно, что подозрение в умышленности столкновения пало на Ф. Мухина, который был арестован и посажен в Иркутскую тюрьму, отсуда через 1½ месяца был освобожден и по суду оправдан.

В это время т. Мухин и занялся подпольной работой. Он и его несколько товарищей в сопках устраивали митинги, вели пропаганду среди рабочих, снабжали их брошюрками и прокламациями и пр.. и Ф. Мухин являлся всегда центральной фигурой среди остальных, немногочисленных правда, рабочих и всегда умел уладить возникавшие между рабочими конфликты, завоевывая этим все большую и большую симпатию.

В сентябре 1905 г. Ф. Мухин устроил митинг рабочих депо и вскоре целый ряд других собраний ,на которых были выработаны требования рабочих из 27 пунктов; из которых администрацией, однако, было удовлетворено всего 7, но и этого было достаточно для самосознания рабочих. Дальше дело шло успешнее.

Манифест 17 окт. 1905 г. застал тов. Мухина уже на ст. Маньчжурия,—к манифесту т. Мухин отнесся отрицательно. С этого момента Ф. Н. посвятил себя политической работе исключительно, бросив свое дело.

9 января 1906 г. было решено устроить манифестацию, несмотря на то, что реакция надвигалась быстрым темпом и манифестации уже были запрещены. Манифестантам не удалось даже дойти до станции, где находились эшелоны солдат, как полиция напала на них, сорвала флаги, причем были жертвы. Мухин-же, сбрив бороду и усы, первое время прожил нелегально на станции, а затем, запасшись паспортом, нарядившись кавказцем, с голубыми очками, прогуливался по перрону станции, „испытывая судьбу“—узнают его сослуживцы или нет. Между тем полиция разыскивала его и на станции Маньчжурия красовался плакат с надписью: „Кто укажет местопребывание Ф. Н. Мухина, тот получит 1000 руб.“.

На ст. Борзя вместо Ф. Мухина по ошибке был убит т. Лесниченко, который имел несчастье быть похожим на Ф. Н.

После этого т. Мухин выехал в Харбин, при чем на ст. Цицикар с ним произошел следующий инцидент. В вагон, где сидел Мухин, вошел жандарм и пригласил его на станцию, куда и повел в сопровождении двух конвоиров. Когда Мухина подвели к начальнику станции, последний подал ему руку и произнес: „Здравствуйте, госп. Мухин!“ Ф. Н. не подал ему руки и хладнокровно ответил: „Что Вы мне навязываете какого-то Мухина, я с Вами прежде всего незнаком, что-же Вам от меня нужно?“ Начальник станции впал в сомнение и после поверки документа извинился перед Мухиным, и Ф. Н. удалось выехать дальше и уже через Харбин приехать на Амур.

З. Мокин.

ЗАПИСКИ СТРАННИКА.

(Автобиографические очерки И. А. Бутина).

«Мы все здесь—странники,
Мы все—не дома»...

26 сентября 1918 г. Опять, как десять лет тому назад, судьба забросила меня в этот город и опять, как и тогда, я—„странник“. Снова стихийно оторван от процесса труда, снова гонимый, снова на распутьи. Брожу по окраинным пустынным улицам, слушая завывания холодного осеннего ветра, смотрю на серые волны Амура и ничего невидящим взором созерцаю поблекшую безрадостную потустороннюю даль. И моей душе, живущей символами, порой начинает казаться, что судьба не случайно снова забросила меня в этот город. Он, этот город, тоже на каком-то „распутьи“. Призывно, привольно и смело перед ним вьется серебристой лентой Амур, несущий свои волны туда, на восток, к солнцу, к источнику Жизни. Но на пути—мощная застава: суровые, знающие северное небо, угрюмую тайну и безрадостные тундры, волны Зеи, говорящие о том, что есть места, где слишком скудна жизнь. А там, по ту сторону Амура—привольная, жалкая, неведомая и чуждая жизнь миллионов—сынов Поднебесной Империи. И стоит город, меня приютивший, в тягостном раздумьи: куда идти? Каким зовам: солнечно-восточным, или угрюмо-северным, или потусторонним—внимать? Жить-ли во имя одного ярко-радостного солнца, петь ему песни и на мощных волнах Амура, бога любви, бездумно и беспечально плыть в океан Вечности? Или же всегда помнить, что есть вечный мрак, прозябание, скудость и страдание, что на перекор всему солнечному, радостному и [illegible]ющему о Любви и Вечности,- жизнь-как северная Зея,—кричит о боли [illegible] муках, о холоде и бесцельности? И, наконец если отвлечься от этих двух путей, двух зовов—начинает звать путь третий: зовет потусторонняя даль... И стоит город, меня приютивший, в тягостном раздумьи: куда идти? какому зову внимать?—Стоит на распутьи...

Так вот и я. Мне только, что минуло 32 года Ровно 10 лет прошло с тех пор, как я, волею судьбы, был оторван от мирной обстановки, от скромного житейского дела и брошен на тернистый путь скитаний и борьбы. 10 лет я брожу по лицу земли, то как затравленный волк, то как невольник железной решетки и угрюмой северной тайги и тундры, то как изгой своей родины, мечу-

щийся из стороны в сторону в погоне за точкой социальной опоры. Уже начинает серебриться голова, дает себя знать и тяжесть физических недомоганий: беспощадное время и разные ухабы пройденного пути взяли полагающуюся им дань... Но путь—по прежнему, жесток и ухабист, цели—как и тогда, 10 лет тому назад, мелькают только на горизонте, а тяжесть на плечах не только не убавилась, но и неизмеримо возросла. Еще год тому назад казалось: „ныне отпущаеши!“,—год тому назад моя усталая душа трепетно радовалась нежданно-негаданно нахлынувшему счастью личной свободы, горела и пела гимны нечаянно улыбнувшемуся яркою любовью Солнцу и напряженно жаждала только одного: неустанной огненно-творческой работы. И казалось тогда, что все это и есть, и будет, казалось, что кончилась, наконец, эта тяжкая, — порою, кошмарная,—грустная и никчемная жизнь бродяги, мечтавшего о Солнце и превратившегося в ломовую лошадь, что кончились бесконечные дни прозябания,—наступила пора творчества, создания подлинных социальных ценностей. Жизнь улыбалась и захватывающей перспективой личного счастья, которого так жаждала и по которому так изболелась моя душа...

Казалось... А в действительности эта улыбка Жизни превратилась в жестокую гримасу злорадно издевающегося безликого чудовища, в действительности я—снова затравленный зверь, только силой целого ряда случайного сцепления обстоятельств избежавший жестокой расправы со стороны гнусных врагов,—снова выброшен из обычной человеческой колеи, снова обречен на скитания и более тяжелую борьбу и снова на плечах у меня жестокий гнет заботы о семье, о родных и близких. А над радостями „личного счастья“я демонически хохочу, чтобы .. жалко не разрыдаться... Я снова на распутьи, как и 10 лет тому назад, когда был еще зеленым юношей и когда судороги Жизни впервые исковеркали мою жизненную колею. И, как 10 лет тому назад,—я странник. Опять бреду, опять мечусь в поисках за Жизнью и только—ах, как тяжела ноша за плечами, как длинен, жесток и ухабист новый путь и как больно, больно в душе одинокой!

Но не для того, чтобы „петь Лазаря“, в чем то раскаиваться, на кого-то жаловаться, взялся я за перо. Если бы это было так, то—чтобы быть честным с собой, чтобы реабилитировать себя перед теми, для кого я не безразличен, чья судьба теснейшими узами связана с моей судьбой,—я должен бы сделать эти записки *посмертными* и вместе с последним их словом поставить точку и над своей неудавшейся жизнью. Да, если бы я признал себя окончательным банкротом, потерявшим в погоне за химерами все свои пути и перепутьи. Но я—не банкрот и не считаю себя беспомощно-запутавшимся в жизни нытиком. И я не слепец, который ли-чно ощупью бредет к своей цели и не авантюрист, не любитель сильных ощущений, легкомысленно жаждущий приключений ради них самих. Я просто—*странник*.

Что такое странник!—Это глубоко русский национальный тип. Ни одна страна на земном шаре не знает такого яркого бытового явления, как это наше русское „странничество“. Десятки, сотни тысяч людей, нормальных, здоровых, если мерять их обычной меркой, словно заражены какою то неведомою болезнью: они не выносят спокойной бытовой обстановки, жизненная повседневная суетолока, жизнь кротов, мирно роющих свои норы, и даже более содержательная и творческая социальная жизнь муравьев—им органически противна. Мещанский уклад, мещанская идеология, словом—эта животная любовь к месту, к вещам, тяга к уюту и благополучию, глубоко свойственная, так называемым, нормальным людям,—им, этим болеющим неоседливостью людям, представляется невыносимо тяжкой тюрьмой, жестокой бессмысленностью. Их мечта, их природная стихия—странничество, движение, постоянная тяга к новому, неизведанному, таинственному. С котомкой за плечами и посохом в руках десятки и сотни тысяч этих „странных людей“ бродят по широким просторам нашей необъятной Руси в страстных и угрюмых тисках чего-то неведомого, что таинственными голосами, слышными их душам, зовет их к себе, как факт, как чудо, как всемогущий целитель страждущих душ и телес. И вот целыми вереницами и летом, и зимой,—и под палящими лучами солнца, и в бурю и непогодь, при жестоких морозах и метелях бредут эти „лунные“, не от мира сего, люди из одной веси в другую, из села в село, из города в город и по всем направлениям, бредут по святым местам, ищут „подвижников“, угодников, страстно ищут „праведной жизни“, того „святого града Китежа“, трогательная легенда о гибели которого*) для взоров грешников и вера в существование которого для праведников являются самым ярким выражением основного смысла русского странничества. Самые яркие и духовно сильные из этих странников, склонные к творческому синтезу, порой пытаются где-нибудь осесть и претворить свою мечту в жизнь. Таким образом возникает и то второе своеобразное явление нашей русской жизни, которое благодаря глубоко ярким своим формам поражало и поражает всех иностранцев, и которое известно у нас под именем *сектантства*.

По своей психологической природе и идейной сердцевине сектантство, таким образом, является одной из форм того же самого странничества. То же искание „правды“ и „Бога живого“ на земле, то же отрицание обычных, установленных форм житейского уклада, та же тоска по неведомому, голоса которого призывно слышны душе.

Нет особенной нужды разбираться в вопросе о причинах происхождения этих наших самобытных явлений—странничества и сектантства, обычно чуждых другим странам. Конечно, основные причины этого ясны, они исторического происхождения. Только

*) В лесах и болотистых дебрях Макарьевского у., Нижегор. губ.

потрясающая скудость нашей жизни, только вековая убогость и беспросветная жизнь нашего исторического существования как психологическую реакцию, как форму борьбы за *духовное* существование, и могли породить это явление. Странник и сектант—одним своим фактом знаменовали живой *протест* против смертоносной тоски нашего векового житья-бытья; без них, без этих „божьих человеков", бродивших по убогой, сырой и непомерно-страдающей крестьянской Руси, без них—горевших духовным огнем, живущих верой в какую-то правду, на земле ищущих эту правду и говорящих о ней всем и каждому из встречных,—без них жизнь была бы невыносимо тяжкой, без них люди окончательно бы погибли духовно, не сумевши справиться с жестоким гнетом всей жизненной обстановки. Только она, эта „бродячая Русь" и была подлинно жива в то время, когда печать смерти лежала на устах всей остальной молчаливо-скорбной и прикованной к месту подяремной Руси. И если это так, то наша оценка странничества и вместе с этим и сектанства с точки зрения социальной полезности не может быть иной, как только *положительной*. Пусть „здравые умы", реальные политики, мечтающие создать на просторах Руси копию Европейского культурного „рая", пусть они расценивают оба эти явления, как болезненные проявления народной души, как отрицательное явление нашего исторического прошлого, как уродливый и вредный пережиток,—пусть.

Для их мещанской души с куриным полетом и болотной глубиной иначе и быть не может. Но для меня фигура странника, сгорбленная, отягченная котомкой, фигура странника со скорбным лицом и со взором, устремленным в даль, со взором, влюбленным в наши убогие просторы,—эта фигура—бредущая по пыльной дороге, с посохом в руке под палящим солнцем и в лютые морозы,—невыразимо родна, кровно близка. Ибо я сам—странникъ.

Да, я—типичный русский интеллигент по своему положению в настоящем, сын пахаря и сам пахарь в недалеком прошлом,—тоже—странник. Я—сын народной скорби. И еще очень недавно я был горд от сознания не только того, что руки мои были еще недавно покрыты трудовыми мозолями, а душа выкована в атмосфере тяжелого народного труда, но и горд от сознания, что я—в рядах несравненной русской интеллигенции. Ведь, это тоже наше самобытное, наше национальное явление, наша гордость и богатство. Ни одна страна не имела и не имеет *такой* интеллигенции, ни одна страна не смеет—по праву—гордиться своей интеллигенцией, как гордится—по праву—своей интеллигенцией, как своим умом и совестью, наша великомученица-родина. И не удивительно. Русский интеллигент и по своей психологии и по всему строю души своей и ее устремлений—явление совершенно такого же порядка, как и „странник Божий", как и сектант.

Он—тоже стихийный протестант. Его вызвала к жизни, духовно просветила и оформила все та же наша непроглядная, жуткая

русская „глухомань". Сынъ народной скорби—он горел целые десятилетия этой скорбью, горел, и всеми фибрами своей просветленной души, жаждал борьбы с основными причинами этой скорби. Но не ради одной лишь борьбы, как таковой, горела душа русского интеллигента: он тоже был „взыскующим града", он тоже страстно искал „праведной жизни", он, так же, как и странник, по преимуществу принужден был бродить по просторам России и Сибири, чтобы жизнью своей запечатлеть, что—Правда-истина и Правда-справедливость живы на земле, что их нужно беззаветно искать, во имя их упорно бороться и воплощения их в жизни—страстно жаждать. И уж не по святым местам, не в многочисленных монастырях и таежных скитах искалась эта праведная жизнь,—а в книгах и в недрах народной души и закреплялась долгими годами тюрьмы, каторги и ссылки, и не пение духовных псалмов раздавалось от согбенных и подымающих дорожную пыль одиночек, а звон кандалов и скорбный стон отдавших себя за Правду-справедливость на распятие... И странник, и интеллигент—продолжение единой причины. Разница—только в форме их проявления, разница, объясняемая лишь различно степенью проявления их интеллектуального создания. Но тот и другой—были носителями духа живого, хранителями народных духовных ценностей. Тот и другой своим фактом олицетворяли подлинники смысла нашей жестокой жизни, одухотворили ее безобразную внешность.

Аналогию сходства типа странника с типом русского интеллигента можно еще больше конкретизировать. Прежде всего, несмотря на все кажущееся различие форм их социального проявления, несмотря на то, что основные цели, которыми жила и дышала русская интеллигенция, были по существу глубоко *рациональными*, а цели, меркавшие перед устремленным лицом «странника», всегда иррациональные, тем не менее подоснова их психологии совершенно одинакова,—подоснова эта глубоко религиозная. Совершенно прав Овсянико-Куликовский, утверждающий, что природа идей, которыми жила русская революционная интеллигенция семидесятых годов, коренится в религиозных проблемах и что самый психологический тип русского революционера—тип религиозный, сектантский. Отсюда перед нами вскрывается новая родственная связь интеллигента со странником: если русский интеллигент по природе своей психологии—также разновидность сектантства, только более рационализированного, и если сектантство, как мы знаем—прямое порождение русского странничества, его окристаллизовавшаяся разновидность, то интеллигент-сектант не может не быть по своей психологии и „странником", составной частью великой бродячей Руси.

И вторая черта сходства между ними напрашивается сама собой. Это—устремление к целям «не от мира сего», жажда подвижничества во имя этих целей; словом,—полное стремление от „житейского", неприспособленность к этому житейскому, неумение

„жить“. Но будем только—вот это в обычном, нормальном смысле слова: жить—это значит выявлять свою индивидуальную и социальную ценность. Это—идеал. Но можно жить и так, чтобы сумма благ превеллировала над суммой страданий. Это—мечта обывателя, господствующий в жизни „идеал мещанина“. И вот в этом, мещанском, смысле слова—странник абсолютно не способен существовать. Идеал неподвижного, безмятежного существования, полного довольствия и благополучия его не прельщает. В атмосфере такого благополучия и безмятежности он чувствовал бы себя как в тюрьме; ему было бы душно, он страдал бы непомерно. Таков и типичный русский интеллигент. Он всеми фибрами своей бушующей и ищущей души отрицает мещанский уклад жизни; обывательская жизнь для него не жизнь, а мука, он к ней неприспособлен и „талантливо“, по обывательски, прожить он не может. Но характерно вот что: до сих пор ни типичный русский странник, ни типичный русский интеллигент *вообще* были неспособны талантливо жить. Всеми фибрами своей души они жаждали подлинно-человеческой жизни; все их усилия, вся их борьба сводилась к воплощению этой страстной мечты,—и все-таки беспристрастные сторонние наблюдатели русской жизни, иностранцы, заинтересовавшиеся и типом русского интеллигента и типом странника-скитальца, нашли возможным характеризовать первого из них очень метким выражением: „святой дикарь“, а по поводу второго сказать: „русский человек не умеет талантливо жить, но умеет хорошо умереть“. Тот и другой „взыскуют града“, тот и другой тоскуют по подлинно-человеческой жизни, тот и другой жаждут наиболее целостного и яркого претворения в жизнь своей индивидуальной и социальной ценностей, но—в действительности—и тот и другой не живут в этом высшем понятии слова, а занимаются подвижничеством, самосожжением на костре своих великих поисков «града Китежа», тот и другой—святые дикари. Жить малым, как нибудь, с компромиссами со своею совестью они не могут, ибо они „восхотели многого“. Это—евангельские Марии, стремящиеся, чтобы из жизни исчезли Марфы.

Я имею дерзость причислять себя к лику этих своеобразных странников земли русской, к лику интеллигентов, ибо 10 лет уже, как брожу по городам и селам родины, 10 лет не могу осесть на место, брожу и взыскую к неведомому Богу. Тяжела моя котомка, много раз подламывался и мой посох, отцветают от горючих слез мои, когда-то блестящие, глаза и голова уже начинает покрываться серебристым инеем. Длинен и жесток пройденный путь. Совсем еще юный, полный кипучей энергии и огненных порывов, начал я эту свою жизнь. Тогда, 10 лет тому назад, так легко было переносить свое бродяжничество. Правда, на плечах был уже гнет забот о покинутых родных; о братьях, оставшихся на произвол судьбы, без всякого образования. Жесток и ужасен этот гнет, страшны муки совести,—и порою душа, охваченная этими муками, мечется и стонет, как зверь в клетке. Но все-таки тогда эти муки были неизмерно легче: и молодость, и вера в ближайшее лучшее будущее скрашивали тяжесть положения... Потом, как в калейдоскопе, полоса за полосой потянулись один за другим месяца и годы нелегального существования на положении затравленного зверя, тюрьмы, ссылки... А дальше... каторга московского прозябания, самое жуткое, самое жестокое, что в течении целых четырех годов преподнесла мне Жизнь. По истине—ухабистый путь. Оглядываюсь назад, вспоминаю недавнее прошлое, головокружительное восхождение ввысь чуть не сразу же из недр московского болота, пытаюсь ориентироваться в настоящем положении, заглянуть в будущее,—и только единый ключ нахожу к разгадке своей „ухабистой“ судьбы, это то, что душа моя—душа странника. И вот на грани неведомого 33-го года, в том городе, откуда началось мое странничество по извилистым путям Жизни, оказавшись снова на распутьи пред новым неведомым,—мне страстно хочется оглянуться на этот пройденный путь и попытаться хоть отчасти уяснить себе основные черты того таинственного лика, который именуется Судьбой, и который предопределяет пути моего личного странничества. Если суждено жить мне и в будущем,—эта попытка будет полезна как подведенный итог, как осмысленный опыт моей жизни. Если же жестокая Жизнь своей смертоносной косой в эти кошмарные дни захватит и меня—странника «взыскующего града», то пусть этот человеческий документ будет единственным завещанием всем тем, кто меня любит и будет жить, и в частности—пусть он будет завещанием моим деткам, которых я люблю со всею страстностью, на которую способен, и с мыслью о которых проведу свой предсмертный час...

В ДЕТСТВЕ.

Моя задача—извлечь из прошлого все, что может характеризовать странничество моей души. Но прежде, чем перейти к осуществлению этой задачи, не могу не остановиться на двух случаях из своей детской жизни, запечатлевшихся в моем сознании и отчасти (один из них) имевших для всей моей жизни роковое значение.

Мне не было еще и трех лет (по словам моей матери). Помню утро. Наша изба с уботой обстановкой. Тесно, душно. Вправо от входа, в углу, vis-a-vis с большой русской печкой, стоит широкая деревянная кровать и на ней лежит в «кормушке» (верхняя одежда) моя мать; рядом с ней с соской во рту, со сморщенным красным личиком—новорожденный. Рядом с ним ближе к стене—тоже с соской во рту пристроился уже мой старший брат Яша (старше меня на 11 месяцев). Я об этом только что узнал, вставши с постели, разостланной на полу. Мне завидно, и хочется самому про-

браться на постель к матери, чтобы полежать около нее, а главное—посмотреть на незнакомца, о котором мне уже сообщили и писк которого я слышу. И я долго не раздумываю: ярко помню тот момент, когда я забрался на край кровати и, увидевши, что места свободного для меня нет, потребовал, чтобы брат ушел. Тот, конечно, заупрямился и я, рассвирепевши, вырвал у него «лялю» (соску) и выбросил ее на пол. Ну, конечно—скандал: крики брата, его попытка угостить меня тумаком и дипломатическое вмешательство бабушки Татьяны, выселившей нас обоих с братом с кровати...

Случай второй. Мне семь лет. Осень. Дома сборы: мать готовит «харчи» для старшего брата, Ивана, собирающегося поехать в соседнее село учиться, т. к. в нашей деревне школы не было. Мы с другим своим братом, о котором речь шла выше, плачем горькими слезами. В чем дело?—И тот, и другой хотят тоже ехать учиться. Оба за зиму «самоукой» уже изучили азбуку и у обоих жажда попасть в школу. Перспектива остаться дома для того и для другого представляется удручающей—это, значит, остаться под ярмом деревенского труда, прелести которого уже нами достаточно изведаны, это значит—изо дня в день, несмотря ни на какие морозы и непогодь,—вставать еще до зари, вместе со взрослыми, гнать лошадей на пойло (а ночью—и холодно, и страшно!), потом—идти вместе со всеми на гумно и помогать в обмолотке хлеба. Потом целый ряд забот: надавать коровам, телятам и овцам сена, вычистить от «глыз» их «повети», днем напоить их, снова накормить их, а к вечеру натаскать в избу дров и т. д. Между тем—ехать обоим нельзя: отец одинок, нуждается в рабочих руках, а нанять не на что,—и он решил: один из нас во имя прочности хозяйства должен остаться дома. Но кто же именно? Добровольно—ни тот, ни другой и оба плачем. Выход был найден простой: отец предложил нам тянуть жребий,—пусть каждый тянет свое счастье. И вот... это счастье выпало на мою долю. Судьба мне улыбнулась, но как страшно порой мне от этой ее улыбки! Как в капле воды, в этом решении судьбы отразилась вся жизнь нашей русской горемычной жизни. Порой спазмы сжимают горло, а сердце готово разорваться на части, и с безумными рыданиями хочется проклинать эту нашу жалкую, жестокую и горемычную жизнь, способную избрать такую форму издевательства, как этот случай в моей жизни. Брат Яша так и остался безграмотным. Я учился, а он, бедняга, гнул свою детскую спину в непосильном труде. Интересы хозяйства взяли таки верх, отец так и не удосужился послать его в школу. Я, благодаря своим способностям пошел вверх и поднялся до вершины, а он, мой горемычный, мой многострадальный Яша, остался там же, и в этой проклятой яме, которая называется нашей жизнью, он, как в детстве,—каторжник изнурительного труда и, как и все, духовно слеп и лишь ощупью бредет по своей узкой и тяжелой жизненной тропе. Пишу эти строки, а слезы душат грудь и покрывают едкой пеленой мои глаза. Сколько раз в

жизни я плакал этими горькими слезами, плакал от своего безумия! Помню, в Москве: я—редактор всероссийского народного журнала, я—журналист и, стало быть, призван быть в некотором роде—руководителем умов и сердец очень и очень многих из читателей журнала. Личная моя жизнь—тоже не из заурядных: я на „вершинах“, я вращаюсь среди литераторов и общественных деятелей. Но там, в глубине души, там—острая затаенная боль, боль от сознания, что в это время мой Яша—на Кавказском фронте, безграмотный, беспомощный—жалкая пешка в руках власть имущих. И я—литератор, лишен даже элементарной возможности непосредственного сношения с человеком, связанным со мною не только кровными узами родства, но и узами совместной детской жизни, ибо брат не в состоянии написать мне письма, он безграмотен и пользуется услугами других. Вот он «жребий судьбы»... А вот—еще яркая антитеза: судьбе угодно было поднять меня и на высшие ступени общественной лестницы. Пусть подъем этот совершался с головокружительной быстротой и пусть моей же Судьбе угодно было оборвать этот взлет не менее головокружительным salto-mortales и при том с самого кульминационного пункта. Но все таки—факт остается фактом: и на родине побывал я на «вершинах». У меня—почтенные титулы.

И вот на ряду со всем этим там, где-то в глухой деревушке, как крот и как каторжник, прикованный к вечной тачке, роется в земле мой брат, лишенный даже элементарной возможности участвовать в общественной жизни, ибо он... безграмотен, и стало быть—слеп и беспомощен: ни на одну ответственную общественную должность его не выберут, его удел—быть сторожем в общественном учреждении. Разве это—не издевательство Судьбы?!

Стиснув зубы от острой душевной боли, я спрашиваю себя: скажи, в чем твое преступление пред этим слепым и прикованным к тачке братом? Почему ты, побывавший на „вершинах“, не удосужился сделать его зрячим и облегчить тяжесть его непомерного груда? Почему ты—знающий много, видевший столько, сколько не может знать и видеть ни один из этих „кротов“, ибо они не бывают на «вершинах», почему ты не отдал частицу этих твоих знаний хоть одному, самому близкому тебе, твоему родному брату? Не ты ли, так решительно еще ребенком оспаривавший право этого твоего—хотя и старшего—брата, на всю свою жизнь лишился ласк матери-Жизни?

Кто ты: преступник или несчастный?—Боже мой, и разве впервые я задаю себе эти жгучие, мучительные вопросы и разве впервые я мечусь под их страшной тяжестью, как зверь в клетке? Нет, не в первые, а всегда, всегда!.. И я знаю, что тот ответ, который мне хотелось бы дать на эти вопросы, не будет исчерпывающим ответом. Этот ответ, быть может, посильно удовлетворит запросы *объективной* правды, но правда субъективная, правда моей души, живущей не только „вершинами“, взлетит в облаце не от мира сего;

но и живущая личным, частным, переходящим и житейским, эта правда не может быть никогда и ничем удовлетворена, ибо она опирается на голый факт. Но если отвлечься от этого личного, узко-частного, житейского и субъективного, то на все эти проклятые вопросы моя скорбная душа может дать только один ответ: и мое преступление, и мое несчастие, и мое... подвижничество в том, что я... странник! Да! Кто смеет мне сказать, что я—тупой эгоист, человек, поглощенный лишь собственным благополучием, кто может утверждать, что я—равнодушен к судьбе своих родных, что я не испытываю страшнейших мук от сознания своей неспособности помочь им?—Никто! Все, кто меня знает, видел, как я жил—знают, что я—не любостяжатель, не сибарит, не обыватель, знают, чем я жил в течении всей своей сознательной жизни, чем страдал и к чему стремился. Но жизнь сложилась так, что моя страстная мечта помочь Яше всегда роковым образом разбивалась о действительность. Я был странником, принужденным бродить по лицу земли и жить ее *общими* муками Я—как и все русские странники,—нес не только крест своей личной драмы, но и крест всей нашей нелепой и жестокой жизни. Она, эта жизнь, толкала меня на вершины; я шел туда совсем не ради тщеславия (этой болезнью я меньше всего страдаю),—но я летел на эти „вершины", как бабочка на огонь,—ибо оттуда раскрывались цели моего странничества, ибо оттуда был легок путь к самосожжению, которого так жаждала душа, увидевшая с „вершин" долины безысходного горя и вековых страданий не только моего брата Яши и не только моих родных, стариков-отца и матери—но и страданий всех, кто влачит то же ярмо труда и забот. И это общее, эта объективная правда была так властно повелительна, что моя душа—как дитя народной скорби и рожденная для странничества,—не могла успокоиться на частных целях личного спокойствия и благополучия. И я „преступно" перешагнул через это личное, чтобы ухабистым и тернистым путем личных страданий и страданий родных послушаться зова своей души, жаждавшей подвижничества. Да, может быть, я—жестокий преступник, может быть—просто несчастный, но я знаю: я—странник земли Русской, и этот жребий судьба вручила мне в тот самый момент, когда семилетний я оспаривал у своего старшего брата его законное и священное право учиться. Не знаю, кто в конечном счете выгадал: я-ли, идущий на Голгофу, или он, мой бедный Яша, скорбно не понимающий моих Голгофских страданий. Пусть сама жизнь, беспристрастная свидетельница судьбы, такой страшно символической судьбы двух сынов, пусть она скажет на этот вопрос свой нелицеприятный ответ... А сейчас я знаю одно: придет „бабушка"-Смерть и выселит нас обоих с братом с кровати, где лежит наша мать –Жизнь рядом со своим новорожденным, идущим нам на смену...

* * *

Это было еще в период до-школьной жизни. Мне было лет

пять-шесть, точно не помню. Повидимому, летом, так как старший брат, давно уже умерший (19 лет), был дома. Ночью, глубокой ночью, когда за окном было непроглядно темно, я проснулся от какого то внезапного толчка. Рядом, на той же постели, спали братья и сестры, дальше—мать и отец. И вдруг я чувствую: вся душа моя переполнена непомерною скорбью. Мне кого то невыносимо жаль, жаль всех: и маму, и братьев, и Николая Сазоныча, изнывающего в непомерном труде, жаль себя. И я начинаю плакать горячими, горячими слезами и плач мой переходит в рыдания, разбудившие мать. Спрашивает: в чем дело?—Отвечаю: „не знаю". Дает холодной воды, щупает голову,—не горяча-ли, ласкает, уговаривает: что нибудь увидел во сне,—говорит. Успокаиваюсь...

Второй случай. Я в школе. Уже умею читать, повидимому—уже во второй год ученья и в начале учебного года. Учитель спрашивает заданное наизусть Некрасовское стихотворение, „Несжатая полоса". Читаю: „Поздняя осень... грачи улетели..." и т. д. Читаю и чувствую, что по мере чтения, говорящего о такой печальной судьбе этой полоски, которую и «заяц топчет, и ветер бьет»,—чувствую, как к моему горлу подкатывается предательский комок, а глаза мои ничего не видят. И я не выдержал: не докончивши стихотворения,—разрыдался. Почему-же? Да опять всех стало нестерпимо жалко и больше всего—жаль стало эту горемычную полосыньку, вопрошающую: „Где же наш пахарь? Чего-же он ждет?" И плакала детская душа, и недоумевал учитель: не болен ли? В чем дело? И я говорил: не знаю. Но сейчас я—согбенный и одинокий—я знал, отчего плакала душа раз днем среди людей: она видела сны будущего, она видела свой тернистый путь, она плакала о жестокой, некрасивой и бесприютной жизни близких людей, плакала потому, что содрогалась от этой жизни. Это плакала юная душа будущего странника земли Русской.

* * *

Никогда не изгладятся зимние утра перед восходом солнца. Это тоже в период до-школьной жизни. Впечатления бытия воспринимаются уже сознательно, работает мысль, рождаются вопросы. Помню, страшно любил эти моменты: только что восходит солнце. Его яркие лучи прежде всего целым золотым пучком покрывают синеющую вдали цепь Шивиинского хребта с яркими белыми шапками снега на вершинах. Что-то невыразимо прекрасное переживалось в этот момент перерождения суровых гор: словно они, суровые, далекие, недоступные, грань земли, за которой кроется что-то таинственное для меня, неведомое, точно эти мрачно-синие горы начинали призывно улыбаться: и жизнь, дотоле серая и холодная, развертывалась пред детской душой каким то неведомым, чарующим ликом. И замирала от восторга детская душа и бессознательно, как бабочка на огонь, рвалась за эту чарующую синеву, покрытую золотом, рвалась к неведомому... Просыпалась юная душа странника.

Косить со взрослыми начал в восьмое лето своей жизни. Это—большая радость для детской души: поле, простор, цветы, небо голубое, дикий мед, яйца перепелов... Правда, утром, ох, как трудно подниматься, да и с непривычки «косточки болят»—дают знать себя утомленные мускулы неокрепшего детского организма. Но все -таки—пусть все это, чем это скучное «домовничанье» с его целым рядом забот по домашнему хозяйству, с его обязанностями няньки при младших братишках или сестренках. Но и эта радость сенокосной поры не может быть сравнима с другой, подлинно огромной радостью, с радостью пастушества. С котомкой на плечах, с посохом и дудочкой в руках бродишь себе по родным горам и долинам, лежишь на скалах, на лугу, смотришь на небо, улыбаешься ласковому осеннему солнцу и о чем-то хорошем, о чем-то по детски-великом и прекрасном мечтаешь: порой взгрустнешь по неведомому, порой помурлычешь доступную душе песенку и неизменно при этом чувствуешь: вот когда вырасту большой—все буду знать и уеду отсюда далеко, далеко... Ни о чем о другом из периода своей детской жизни я не вспоминаю с таким огромным удовольствием, как о былых днях этого своего пастушеского образа жизни, и кажется порой, что никогда моя детская душа не жила такой полною, безмятежною и подлинно-свободною жизнью, как именно в эти дни золотых осеней моего детства. И не потому-ли я всего больше из времен года люблю золотистую *осень*, с ее тихими, задумчивыми, словно умудренными жизнью, днями, сее яркими красками увядающей листвы? И не потому-ли моей душе мил этот период моей личной жизни, что в этом свободном движении по горам и долинам всюду за стадом с котомкой за плечами и с посохом в руках и с душою, свободно растущею—был прообраз моего будущего странничества?—Да, потому...

— —

— У-у, домосед! Пошто не пойдешь поиграть с ребятишками, —зачичиривеешь ведь!—как сейчас помню этот полунедовольный упрек—выговор матери. И были основания для такого выговора: я был по натуре отчаянным домоседом. Улица, с обычными детскими играми и развлечениями в праздничное время не тянула меня; обычно—я брал в руки книгу и забивался в какой нибудь укромный уголок, или-же с ножем в руке и что-нибудь мастерил. Терпеть не мог хождение по гостям, посещение родственников: эта обязанность, диктуемая деревенскими обычаями, была для меня подлинным наказанием. Скука, которая сопровождает эти традиционные деревенские визиты к родственникам, была для меня невыносимой и я обычно изыскивал все благовидные предлоги, чтобы остаться дома, не пойти. За всю свою жизнь ни разу не был на вечерке: прелести этого деревенского развлечения были недоступны моей душе. И эта черта, характерная для моей души в детстве, сохранилась и в юношестве: помню всегда, до чего чутко я чувствовал себя чужим в праздно-толкающейся толпе где-нибудь на

улице, в театре, в саду; до чего мне было всегда жутко при мысли что эта толпа, как песчинку, и меня может когда-нибудь засосать, что и я когда-нибудь с этой толпой буду испытывать те радости, которыми она живет. Но этот момент мне всегда казался моментом моей духовной смерти. И я содрогался от сознания этого. Мещанство,—как психологическое явление, я ненавидел всеми фибрами своей души, обывательщина—это мелкая, скучная, серая повседневность, меня тяготила, как смертоносная сущность, явление, с точки зрения моих понятий о жизни—глубоко отрицательное. И вот почему в толпе и среди обывательской обстановки—я чувствовал себя всегда одиноким, всегда чужим, и душа моя грустила тихой предвечерней грустью.

По ассоциации вспоминается еще характерная черта. В детстве и юношестве я был болезненно застенчивым и помню, что шутки взрослых, обычные в деревне, шутки-уговоры, в роде: «Однако, паря, тебя пора женить!» или «погоди, вот ужо я тебя на Лукейке женю!»—эти шутки наводили на меня панический ужас. Женитьба моей детской душе представлялась как тягчайшая обязанность, которую предопределено относить каждому человеку,—и было бы хорошо, если бы этой обязанности совсем не было в жизни! Однажды меня очень заинтересовал своеобразный костюм на соседе, дяде Бусыгине. Спрашиваю мать, что это такое надел Бусыгин и откуда он взял? Мать, смеясь, отвечает: это «жалетка» (жилет), и принесла ее Бусыгину его жена, тетка Пелагея, когда выходила за него замуж. «Вот погоди—закончила, смеясь, мать—будешь жениться ты и тебе принесет жена такую жалетку».—с тех пор я возненавидел этот костюм, именуемый „жалеткой“...

У меня очень ярко выражено одно состояние души моей, которое я и сам люблю. Это—предвечерняя тихая грусть. Еще с раннего детства люблю в уединении сидеть у окна. Сумерки. Замирают тревожные и резкие звуки дня, все утихомиривается, готовится ко сну. Кое-где промычит запоздавшая корова, проржет потерявшая своего жеребенка лошадь, проедет телега с возвращающимися с поля, залают собаки или, наконец, раздадутся отголоски девичьей песни в дали. Ворвутся эти разноголосые звуки в торжественную предвечернюю тишину, ворвутся и замрут. И душа, уставшая от дневной сутолоки и забот, по особенному воспринимает эту тишину с ее умирающими звуками. Душа замирает, как птица, и новый мир,—глубокий, неведомый, полный затаенной гармонии и недосказанных сказок, мир с иными, особенными светотенями раскрывается пред ней и в глубинах этой по особенному торжественной тишины, и в потухающих горизонтах. И о чем-то беззвучно думается, и почему-то глубоко—глубоко вздыхаешь и чему-то молишься и плачешь незримыми слезами, как блоковская девушка,

„О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,

О всех, забывших радость свою"...

Молишься и плачешь и о своем глубоко-*интимном*, разбитом, разрушенном или недостижимом. И душа, объятая этими незримыми голосами жизни, тихо, тихо грустит... Хороши, *сладостны* эти моменты. Только чрез них и познается подлинный трепет Жизни...

И еще один штрих хочется прибавить к сказанному. Это период исключительной религиозности, пережитый мной на грани юношества. В религиозном экстазе, бывало, целыми часами стоишь на коленях в своей спальне—передней около длинного ящика, служившего мне кроватью, стоишь и через темный зал напряженно смотришь в угол на икону Христа. Ярко помню моменты, когда под влиянием такого состояния э к с т а з а начинает казаться, что от лика Христа исходит голубоватый свет и сам Христос начинает ласково-ласково смотреть на меня. И еще помню, каким ужасом была объята моя душа, когда впервые из уст своего товарища по институту и большого приятеля я услыхал кощунственные слова о Деве Марии и человечности Христа. Я оледенел. Мне казалось, что он бросил комок грязи в мое Святое Святых. Но прошел этот момент, попытки мои дать отпор кощунству приятеля потерпели крах и вот после некоторой тяжкой душевной борьбы я расстался навсегда со своими религиозными ценностями, ибо на смену их явились новые ценности,—ценности социальные: я был уже неофитом революционных идей и жадно проглатывал страстные брошюры о язвах нашего политико-социального строя...

Спрашивается: что-же общего между всеми этими штрихами, так или иначе присущими—повидимому—моей душе? Что общего между моим природным отвращением к обыденщине, к мещанскому укладу жизни и между моей склонностью к «тихой грусти» и религиозностью в отроческую пору? Общее здесь то, что и эти все элементы моей души являются типичными элементами души *странника*. Отрешенность от «мира сего», жизнь мечтой, предвечерней грустью и религиозность основ души—вот, что отличает странника от, так называемого, нормального типа, живущего интересами повседневности, грустящего только от недостатка жизненных благ и верующего благоразумно и без особого расточительства своих сил...

С КОТОМКОЙ И ПОСОХОМ.

С начала 1903 года я был уже во власти революционных идей. Много этому способствовала обстановка институтского интерната, жизнь бок-о-бок с людьми уже зрелыми (были товарищи старше меня в два раза). То была предреволюционная пора. В воздухе чувствовалось уже напряжение, и учащаяся молодежь, как барометр, носилась уже с настроением высокого напряжения. Прокламации, сходки, разговоры на революционные темы,—все это неизбежно электризовало нашу институтскую обстановку и невольно заинтересовывало, а порой и целиком поглощало внимание. Незаметно у меня развилась страсть к чтению подпольных брошюр: заберусь куда нибудь в укромный уголок, подальше от попечительного ока начальства и буквально таки захлебываюсь от прилива молодого, горячего, страстного чувства негодования, ненависти, протеста против царившего на Руси в то время зла и его главных виновников. И, чувствовалось тогда, что в душе у меня родился новый Бог, душа охватывается новым пламенным чувством, более сильным, ярким и глубоким, чем религиозное чувство, и невольно в новом революционном экстазе в душе рождалась Аннибалова клятва отдать *всю свою жизнь* на служение этому новому Богу,—росла и крепла в душе жажда подвижничества, самозаклания.

Как велика была эта жажда, показателем может служить такое, чрезвычайно характерное для людей моего типа, переживание. С точки зрения, так называемой, нормальной психологии, это переживание можно, конечно, расценивать, как явление психологическое, как болезненный уклон души русского интеллигента, выросшего в нездоровой атмосфере. Быть может это так и есть, не буду оспаривать. Но мне совершенно не важна эта точка зрения „нормальных людей". Их оценкою я очень мало дорожу, ибо всю жизнь чувствовал себя среди них чужим и не их путей. Для меня важен факт сам по себе, для меня важно то, что в этом факте личной моей жизни проявилась своеобразная *целостность* моей натуры, обнаружились характерные черты моего психологического стержня, всегда крепкого и всегда-*единого*. Суть в следующем. В течение всего предреволюционного периода, перед революцией 1905 года, я, конечно, был в рядах активно борющихся, так или иначе, но содействовал наростанию революционного взрыва. В момент переворота я был в Петрограде и, стало быть, в самом центре разразившегося циклона. Судьба революции мною переживалась непосредственно: я торжествовал при ее успехах и болел при ее неудачах. Как светлый праздник, было воспринято и 18 октября,—день, когда манифест сделался достоянием гласности Но помню, как яркий момент на фоне празднично-светлого настроения этого дня: к вечеру, когда наступили сумерки и я остался в своей комнате один, мне стало невыразимо грустно. Почему?—Да потому, что душа была охвачена сожалением о том, что моей судьбе не угодно было, чтобы я во имя этого праздника народного освобождения *пострадал*. Я грустил о том, что на этот праздник я пришел чрез чужие, а не через свои страдания, что радости этого праздника для меня были бы неизмеримо более сладостны, если бы им предшествовала Голгофа, вроде каторги или ссылки. *Только тогда* я имел бы моральное право на эти радости, только тогда бы мой восторг при виде торжества революции был бы целостным восторгом. И я грустил по этой целости, по этой недоступной мне возможности считать себя *вправе* быть причастным к радостям побед... Это, быть может,

--дико и непонятно с точки зрения „здоровой психологии“, инстинктивно чуждающейся *страдания*, но для меня—странника, жаждущего подвижничества и идущего к светлой радости только через Голгофу, только через страдания,—для меня иначе и быть не могло, ибо душа моя растет только с котомкой за плечами и с посохом в руках.

* * *

Всякий талант, конечно,—благо. Это—лишний шаг на успех для обладателя этого таланта. Но изо всех талантов, которым может обладать человеческая личность, бесспорно—самый важный, самый ценный это—талант жить. Да, можно быть богатым, можно быть наделенным всякими жизненными благополучиями, можно даже быть одаренным природой и вообще—баловнем судьбы,—и все-таки при всем этом можно прожить бездарно, пошло, глупо. И, наоборот, жизнь можно сделать искристой, красивой, увлекательной, полной глубокого смысла и приковывающей внимание всех и вызывающей зависть—при полном отсутствии материальных и индивидуальных ассесуаров. Нужно обладать только одним—талантом *жить*, вернее, талантом творчества новых социально-бытовых форм. Человек с таким талантом—это бродильное начало жизни, это—светило, вокруг которого стихийно создаются новые миры, это—огонек, около которого всегда хорошо и уютно, на который из мрака жизни, в бурю и непогодь, всегда инстинктивно летят все, кому в одиночестве жутко, кто измучился, устал, кого давит жуткая темнота ночи. И приобресть этот талант, конечно, нельзя; с ним нужно родиться... У нас, в России, таких людей до жути мало. Только—единицы. Исторически-бытовые условия у нас были таковы, что для свободного проявления таких талантов не было абсолютно никакой возможности. И таланты эти, родившись, и вообще будучи в потенциальном состоянии, в социальном организме отмирали, не расцветши или трансформировались во что-либо иное, сплошь и рядом уродливо-безобразное. И кто знает—для вдумчивого социолога, изучившего корни и форму проявления русского строительства, быть может, была бы не так уж парадоксальной мысль, что в России все носители и обладатели драгоценного таланта жить роковым образом превращались в странников. Да! Нет ничего дикого в этом парадоксе. В самом деле, что такое странник?—Это протестант, „взыскующий града“, обладатель безусловно „живой жизни“. Это человек—безусловно стоящий головой выше обывателя, яркая индивидуальность, а иногда и с большим уклоном к творческому синтезу, как видно это из истории сектантского движения. Наконец, странничество по существу своему—прямое продолжение нашей уродливой жизни, мешающей, как мы уже знаем, расцвету социально-творческих талантов. И почему при этих условиях не допустить вполне законной мысли, что будь наша жизнь более человечески нормальной—все наши странники забросили бы свой посох и принялись бы за молот и наковальню,

за подлинное строительство жизни? Почему и не сказать в связи с этим, что в Зап. Европе только потому и нет такой несравненной, такой на редкость прекрасной интеллигенции, как у нас,—что там зато умеют талантливо жить? Почему бы не так?.. Так или иначе, однако, но мы бедны талантом жить. Мы бесподобно красиво страдаем, талантливо и неподражаемо можем умереть. Только у нас и возможно появление таких жутких фактов, как напр. секта самосожигателей, идущих на костры в религиозном экстазе целыми деревнями, с женами и детьми. Но жить мы не умеем, нам мешали жить.

И я, интеллигент и странник,—я тоже жить не умею. Моя жизнь, если по форме не странничество, а попытка осесть—сплошное страдание, бездарное прозябание. Да один-ли я так жил? Яркий пример такой же бездарной и некрасивой жизни—жизнь Льва Толстого, написавшего страшно много хороших книг, владевшего думами и сердцами очень многих и многих и все-таки жившего рядом со своей женой, типичной представительницей наихудшей русской паразитической обывательницы. Но Толстой по типу своей души был несомненно русским странником и не потому-ли пред смертью, как и вообще в последние года своей жизни, он, как об идеале, мечтал о жизни в виде странника и не потому-ли он, уже стоя на краю могилы, властно подчинился категорическому влечению своей души и пошел странствовать по своей убогой родине...

И мы все, русские интеллигенты, мечемся и мучаемся в поисках подлинной жизни. Помню осень и конец 1906 года. Я кончил институт, назначен учителем. Школа—новая, товарищи подобрались великолепные и работа, таким образом, предстоит крайне интересная. Казалось бы—открыта полная возможность социального творчества, хотя-бы в области этого маленького, но бесспорно живого дела. Казалось бы—оседай на месте, устраивай свою жизнь по-человечески и делай скромное, но доброе дело. И, однако, этого не случилось. Как сейчас помню одну осеннюю ночь. С вечера мне было невыносимо грустно. Только, что возвратился с вокзала,—провожал Проню А. и Сережку в Ч., куда они ехали продолжать учиться. Грустно было от сознания, что жизнь *уже* приковала меня к месту, что мне *уже* нельзя никуда ехать и что пора моего ученичества оборвалась, началась страдная пора «делания» жизни... Кстати, вспоминается по ассоциации грусть при виде отлетающих журавлей, грусть под своеобразную музыку их клекота. Как хорошо это сказано у „Саши“:

«Высоко на желтою ризой земли
Цепочкою четкой летят журавли...»

и особенно конец этого стихотворения:

«Осень на сердце, а я не лечу:
В желтые дали гляжу и молчу...»

Грустно видеть этот своеобразный полет журавлей, грустно потому, что в душе рождается стихийная жажда передвижения, полета в неведомые края, жажда странничества. И отъезд ребят для меня был словно отлет журавлей в осеннюю пору. С этой грустью в душе я и заснул. И вдруг, среди глубокой ночи, просыпаюсь и чувствую, что слезы душат меня. В сознании всплывает где-то вычитанное четверостишие, принадлежащее Вере Фигнер и нацарапанное ею на стене одного из казематов Московской Бутырской тюрьмы. Помню только конец:

«..И так погибнет
Рся жизнь молодая моя...»

И мне ясно почему-то представилось, что и моя молодая жизнь тоже погибает, что я прикован и никогда, никогда свободно я не расправлю своих крыльев. Почувствовал это и не мог сдержать своих рыданий. И вновь, как в детские годы, от неведомой причины плакала моя душа, душа уже юноши. Опять плакала душа странника, оказавшегося у жизни в лапах.

——

Прошел год, интересный год моего учительства, но душа моя не смирилась с создавшейся обстановкой. Напротив, в глубине ее, в области подсознательного наростало и крепло яркое чувство недовольства и определенная жажда странничества и подвижничества. Политическая реакция к тому времени определенно выявилась; завоевания революции 1905 г. были уже сведены на нет. И вот снова, как в былое время, в душе загорался огонь протестанта и бунтаря и назревала жажда—ринуться с головой в атмосферу подпольной политической борьбы. Помню, ни о чем в этот период я не мечтал с такою страстностью, как о том, чтобы бросить свое учительство, заделаться партийным работником и отдать свою жизнь всю целиком, без остатка на дело новой революционной борьбы. Или еще—взять бы в руки посох и котомку и пойти по лицу земли русской. Ходить-бы так, присматриваться к людям, к жизни, вести среди них работу и жить, как вольные птицы живут. Это настроение странничества и подвижничества—помню—было столь велико, что, получив случайно письмо от Георгия П., в котором он сообщал о своей нелегальной жизни, о том, как он —на положении затравленного зверя,—скитается по лесам, ночует в поле под стогом, питается картошкой,—словом, ведет далеко неприглядную жизнь, жизнь, полную всяческих лишений, невзгод и опасностей,—я все-таки *искренно* завидовал ему. Ибо он был свободен, ибо он жил, как странник. И эту свою зависть я излил в огромнейшем, горячо написанном письме к нему. Таковы парадоксы, какие рождает порою шутница-Жизнь.

——

Неприятная тема: писать о своей личной жизни. Но нужно это сделать, нужно для будущего, как характерный для нашего брата индивидуальный опыт. Неприятно писать потому, что в

общем и целом жизнь моя за последнее десятилетие—внешне неординарная,—по существу же была бездарной. „Не умеем мы хорошо жить: вся жизнь у нас проходит в намерении начать хорошо“,—прочел сейчас случайно афоризм, принадлежащий М. Горькому. Правильно! И я говорю тоже. Мы переполнены великой мечтой о социальном переустройстве, мы носимся с идеалом устроения и личной жизни, но... «воз и ныне там»... Вспоминаю чрезвычайно характерную черту в этом отношении в своем душевном настроении. Около году я бродил по городам Сибири и России в качестве «подпольного», изведал прелести столичных тюрьм и этапа в Сибирь, в места „не столь отдаленные“, женился и жил четыре года семейной жизнью, был литератором, журналистом, редактором идейного журнала, словом,—казалось-бы—вел жизнь не лишенную смысла и содержания. И все-таки, меня никогда не оставляло яркое сознание, что то, что я делаю, это, собственно, не жизнь, а так что-то, «между прочим», какая-то *подготовка к настоящей* жизни, которую рано или поздно я для себя завоюю. Я, стало быть, фактически не жил, а *намеревался* начать жить. Это душевное чувство, несомненно, было непосредственным отражением той трагедии моей личной жизни, которую я переживал. Личная жизнь у меня сложилась безусловно неудачно. Она оказалась *типичной* для жизни русского интеллигента. В самом деле, я пытаюсь припомнить, у кого из моих приятелей и знакомых интеллигентов, эта личная жизнь может быть названа удачной, и не нахожу почти никого. Только единичные исключения. Все почти поженились неудачно. Я говорю только о тех, кто в юношестве горел подлинным огнем идейных исканий, кто когда-то, «восхотел многого». Все они теперь—великомученики той обстановки, которая их, как смрадное болото, засосала. Невольно задается вопрос: да почему-же все это так роковым образом происходит? Почему-же эти „восхотевшие многого“, неизбежно проходят чрез горнило личной драмы? Да потому именно происходит так, что все они по природе своей души—странники. Помните завет Христа—идеал целомудрия, как идеал человеческой жизни. Помните такое же отрицание брачной жизни у Толстого в «Крейцеровой сонате». И это так есть: странник по природе своей не может быть семьянином. Семья, это—узы, это—элементарно-житейское. Семья—это, значит, тяжкие заботы о куске хлеба, культ эгоистического начала. Это, словом, смерть для всякой *живой* души. Странничество—антитеза всякого мещанства, обывательщины, всякой любви к месту, покою, благополучию. Но разве возможна нормальная семейная жизнь вне определенного места, вне элементарных условий покоя и человеческого благополучия? Нет, конечно, невозможна. А если это так, раз пред нами вскрывается естественное внутреннее противоречие между „должным“ и „сущим“, то для нас делается понятной неизбежность личной трагедии у всякого подлинного интеллигента, пропустившего эту роковую ошибку—женитьбу в то время,

когда душа его живет жаждой странничества. Бывают, разумеется, и исключения. Это в том случае, когда брак заключается между людьми, безусловно родственными по духу, когда оба они, напр., —странники. Трагедия, впрочем, и тогда неизбежна, но она развертывается в этом случае в более легкой форме и не может окончиться глупо и жестоко.

Я—интеллигент, я допустил в своей жизни обычную ошибку: я женился. И, стало быть, трагедия в моей жизни катастрофически-неизбежно должна была развернуться. Так оно и было, так оно и есть. Оглядываюсь сейчас назад, всматриваюсь в вереницу лет, оставшихся позади, и я вижу, что наиболее яркие, счастливые и содержательные дни я переживал лишь в пору своей скитальческой жизни по чужому паспорту, в тюрьмах и ссылке. Особенно в тюрьме—за грудой книг и с пером в руках! Остальное же время я буквально прозябал и чувствовал себя каторжником. Помню характерный момент из этого „каторжного“ периода. Это было как раз в кульминационный период личной трагедии, в дни, когда свет казался не мил и чуть-чуть было не совершалась мысль о самоубийстве. Кажется, это было в 1913 г., зимой, в Москве. Доведенный до отчаяния безвыходностью своего положения, я вдруг, как за якорь спасения, ухватился за мысль... сбежать от семьи и заняться нелегальной партийной работой. Это было дико, но эта мысль спасла все-таки меня от нелепой смерти, она разрядила болезненно-тяжкое состояние моей души, облегчила гнет обострившейся личной трагедии. Когда у людей нет жизни, они инстинктивно, именно под влиянием инстинкта своего душевного самоохранения—начинают безудержно *мечтать*, строют воздушные замки на крыльях своей фантазии. И я начал мечтать, я наслаждался своею мечтой. Несчастный странник, заброшенный на своем пути в смертоносное болото...

Как это могло случиться? Вот вопрос, ответить на который—значит отдать себя под следствие и суд своей совести. И это нужно сделать.

Итак, в чем обвиняется имя-рек? В том, что родившись, как простой обыкновенный смертный, он приготовлен был судьбою быть на земле странником. Но он нарушил обет странничества: он *любил*. Это и есть его первородный „грех“, его преступление. Нужно разобраться, стало быть, в периоде этого „греха“ Послушаем, что говорят по этой части эксперты—свидетели Вот типичный странник—Гамсун на вопрос, поставленный ему жизнью: „Да что такое была любовь?,“—показал („Виктория“):

—„Ветер, шумящий в розах—нет, желтый, блуждающий огонек в крови. Любовь была адски горячая музыка, заставляющая плясать даже сердца стариков. Она была как маргаритка, широко раскрывающаяся с приходом ночи, и она была как анемона, что замыкается от малейшего дыхания и умирает от прикосновения.

Такова была любовь. Она могла погубить человека, снова поднять его и снова заклеймить; она могла сегодня любить меня, завтра тебя и завтра ночью его, до того она была непостоянна. Но в тоже время она могла быть незыблема, как нерушимая печать и столь же неугасимо пылать до смертного часа, потому что она была вечная. Что ж тогда была любовь?

Ах, любовь—летняя ночь со звездами на небесах и благоуханием на земле. Но почему же она заставляет юношу ходить тайными путями, и почему она заставляет старца стоять на цыпочках в своей одинокой комнате.

Разве она не заставляет монаха прокрадываться в закрытые сады и заглядывать ночью в окна спящих. И разве она не поражает монахиню безумием и не помрачает рассудок принцессы Она преклоняет голову короля до земли, так, что его волосы подметают всю дорожную пыль и при этом он шепчет про себя бесстыдное слово и высовывает язык.

Такова любовь!

Нет, нет, она совсем другая, и она не похожа ни на что на свете. Она сошла в весеннюю ночь, когда юноша увидел два глаза—два глаза. Он смотрел и не мог оторваться. Он целовал губы, и ему казалось, что в его сердце встретились два луча: солнце и звезда светила друг другу навстречу. Он упал в объятия и не слыхал и не видал больше ничего на свете.

Любовь—первое слово Творца, первая мысль, осенившая его мозг. Когда он сказал: „Да будет свет!“—была любовь. И все, что он создал, было высшее благо, поэтому он ни в чем не пожалел о сотворенном. И любовь стала источником мира и царицей мира; но все ее пути полны цветов и крови, цветов и крови...

Если кто спросит, что такое любовь, то она ни что иное, как ветер, который шумит в розах и потом затихает. Но часто она и как несокрушимая печать, что хранится всю жизнь, хранится до смерти. Бог создал много видов ее и видел, как она то длится, то погибает“...

Так показывает самый „русский“ из иностранцев, старик Гамсун. А вот не менее любопытное показание одной нашей соотечественницы, „Вакханалии“ Гиппиус Зинаиды, дамы уже почтенного возраста.

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь—одна!
Мы негодуем иль играем,
Иль лжем, но в сердце—тишина.
Мы никогда не изменяем:
Душа одна,—любовь одна.
Однообразно и пустынно,
Однообразием сильна,
Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.
Лишь в неизменном—бесконечность,

Лишь в постоянном—глубина,
И дальше путь, и ближе вечность
И все ясней любовь одна.
Любви мы платим нашей кровью,
Но верна душа, верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть—одна!

Но все эти показания, безусловно, нарисовали-бы несколько одностороннюю картину человеческого преступления, называемого „любовью.“ Необходимо выслушать и несколько иную точку зрения. Слово принадлежит философу Гертензону, выступающему на этот раз—довольно удачно!—в несвойственной ему роли поэта:

„Сладость любви только в горечи сладкого яда,
Дивной отрады исполнены муки любви.
Нет, мне для счастья взаимного счастья не надо,
Нет, для любви мне не надо взаимной любви.
Только в незнании—вера, в сомненьи—надежда,
Только в надежде и вере—блаженство любви.
Я и надеюсь, и верю, счастливый невежда,
Я не хочу, и не взял бы взаимной любви.
Дух мой, как море, глубоко волнуемый страстью,
Жизнью двойною живет в одинокой любви,
Счастье любви—лишь в любви, не стремящейся к счастью,
В таинстве чистой любви.“

Да, это человеческое—„слишком человеческое“—„преступление“—*многогранно*, как сама жизнь, его породившая. Но не менее важна и другая его характерная черта: в своей многогранности оно *едино*. Иначе говоря, как бы не была многообразной сама форма проявления любви, как бы не сменялись по различным причинам объекты любви, но—„любовь одна, всегда одна,“—ибо—„душа одна!“, един психологический стержень этого „преступления.“ И даже—любовь—это не обязательно *взаимность*. Нет, важен лишь сам по себе факт, наличие чувства, но ценность этого факта может достичь наивысшего напряжения лишь в его незавершенности.

Но так или иначе, человеческая любовь—это огромнейшее *благо*. Это поистине—„первое слово Творца“, это—бродильное начало всякой *живой жизни*. „Горе сердцу, не любившему смолоду“—обмолвился как то Тургенев, этот гениальный певец подлинной человеческой любви, испытавший в своей жизни все муки и сладости незавершенности этого чувства,—и следует отметить, как элементарное явление, что люди, скудные духом, люди с ограниченным запасом социальных ценностей в душе, обычно и бедны любовью: она у них так же элементарна, скудна и бесцветна, как и вся их жизнь. Любить красиво, сильно и глубоко может только тот, кто обладает подлинными талантами жить, у кого в душе—родники живой жизни...

После всех этих общих замечаний следовало бы перейти и к частностям, заглянуть в свое прошлое и спросить себя: ну, а ты как любишь? Но вот уже несколько дней не могу приняться за это. Причин много и главная из них—мысли, какие в былое время приходили в голову и в „Крестах“ Бр! как гнусно, если это самое интимное, что предназначается *только* для самых близких, будет читаться кем-либо другим, а особенно—врагами. Но хочется преодолеть и эти переживания, ибо без характеристики этой своей психической сущности сама картина, которую хотелось бы нарисовать, потеряет в своей цельности и законченности, а задача самопознания несомненно не может быть удовлетворительно выполненной

Предо мной—целая галлерея, „прошедших моей межой“, прошедших то как сон на заре ранней юности, то как недосказанная сказка, то как весна, то как красочная, полная глубокой грусти осень, то—как жестокая, мучительная болезнь души. Не буду забегать вперед с анализом всего этого пережитого,—сделаю это потом, собравши материал. И вот что всплывает в архивах моей памяти.

——

Впервые это случилось на 14 году... Может быть, поздно? Психопатологи отмечают факты проявления полового инстинкта и у пятилетних. Впрочем, там всегда идет речь об отпрысках «высшей культуры», о детях городской интеллигенции. Я—рядовой сын деревни. Я вырос в здоровой обстановке труда, оставляющей слишком мало времени для нездоровой мечтательности и физической неги, прямым результатом которых и являются подобного рода психопатологические факты. И отмечу, как факт, что до появления в городе я совершенно не помню ни одного момента любовного влечения к кому-либо из деревенских Дульциней. Это был период совершенного целомудрия, усугубляемого—к тому-же—исключительной по своему характеру и моей застенчивостью. Не знаю, в чем корни этой моей застенчивости, но в моей жизни эта черта моего характера—повидимому—сыграла огромнейшую роль. Не знаю уж—положительную или отрицательную. Основной зародыш этй застенчивости кроется, несомненно, в системе воспитания. Отец,—в молодости типичный деревенский Васька Буслаев, сделавшись отцом семейства, остепенился и превратился в типичнейшего ригориста и строгого отца семейства. Воспитывались мы, таким образом, в правилах «благочестия» и строгой нравственности. «Бери пример с А . . . . . детей»,—было нарицательным в деревне нравоучением. И, действительно, пример было с чего брать: мы не курили, в бабки и карты не играли, не хулиганили, по вечеркам не шлялись, и, что особенно, Боже, упаси!—«язык отрежу, если услышу!» —мы никогда не ругались и чувствовали к этому органическое отвращение. Словом, были примерными ребятами, ушедшими с головой в дружную трудовую атмосферу семьи. На фоне общей деревенской распущенности, безалаберности, скудости и безобразия—

наша семья, конечно, была одной из образцовых и—по своему, интеллигентных. Но—увы—эта „образцовость“ была прежде всего образцовостью «Васьки Буслаева», которым обуяло чувство раскаяния за грехи молодости: нравственный регоризм, утвердившийся в нашей семье, не мог конечно, не быть пагубно-однобоким. Вот несколько примеров. Известно, что в интересах наибольшей интенсивности пищеварения физиологи рекомендуют во время еды «придерживать легкий разговор, веселое расположение духа и вызывать у скучающих смех». Все это способствует правильному функционированию желез, выделяющих пищеварительные соки. В нашей семье, к сожалению, эти разумные выводы науки не были известны,—во время еды, происходящей всегда чинно, у нас царило сосредоточенное, чуть ли не гробовое, молчание, и, Боже, упаси,—если кто нибудь из нас, малышей, позволит себе непристойно, громко и свободно расхохотаться: увесистая ложка отца неизбежно оставляла мокрый след на лбу хохотуна. И трудно сказать, как реагировали на это пищеварительные железы, но что детская душа съеживалась, замыкалась и *хирела* от этого—пожалуй, не подлежит никакому сомнению. Пример второй. Что может быть радостнее, красивее и, пожалуй—социально-полезнее, чем совершенно свободные действия и юношеские развлечения деревенской молодежи—выражавшееся в форме игр и «вечерок»? Казалось бы, с нормальной точки зрения можно бы только содействовать этому, ибо где же расти и цвести деревенской молодой душе, как не в атмосфере этих, пусть примитивных, но все-таки коллективных форм социальной жизни. Здесь впервые развертывается индивидуальность, впервые расправляются крылья теми, кто в недалеком будущем, сделавшись взрослыми, займет подобающее ему место в социальном коллективе. И все-таки во имя ложно понимаемой нравственной чистоты наши юные души сознательно и в этом отношении подвергались лишениям. Деревенские «вечерки», «посиденки», игры истолковывались как источник разврата, как место, где по-преимуществу фабриковались деревенские хулиганы и „брандахлысты“, и на этом основании отец наш, на личном опыте познавший все прелести деревенских развлечений,—лишил нас возможности ими пользоваться. Трудно сказать, как, скверны были последствия этого своеобразного монастырского воспитания, но одно несомненно: они были чрезвычайно отрицательные. Эти последствия я слишком долго не мог изжить, под их гнетом прошла значительная часть моей будущей сознательной жизни. Мне, напр., стоило огромнейшего труда приучить себя не теряться в общественных местах, я только недавно научился говорить публично, мне крайне неловко идти через пустующий зал, если на меня глядят, ибо тело мое лишено природной пластики движений, вследствии полного отсутствия тренировки в танцах (танцевать было „грех“). В 17 лет, будучи уже в институте и попав в квартире своего приятеля в компанию его родных (людей простых, полуинтеллигентных) и группы знакомых то-

варищу девиц, я растерялся до невозможности, вплоть до потери дара речи! Таковы плоды этого нравственного регоризма в нашем семейном воспитании. Пример третий: не знаю уж почему, но с точки зрения отца,—петь было вообще „грешно“, как грешна была и игра на музыке. Результаты этой дичи были таковы, что я—абсолютный профан в вокально-музыкальном искусстве и, от природы любя музыку и пение,—очень страдал и страдаю от неудовлетворенности. Таковы беглые черты моего «семейного воспитания». Если же к этому еще добавить ряд соответствующих штрихов из «воспитания» школьного, то будет вполне понятным многое из того, что вошло потом составным элементом в мою личную жизнь и имело несомненно те или иные последствия.

Не буду говорить о первых двух годах школьной жизни много. Знаю только одно: школьная учеба оставляла в моей душе не след светлой радости, а чувство какого то затаенного душевного страха и глухой тоски. Не характерно-ли то, что изо всех впечатлений этих двух годов у меня в памяти остались как раз моменты, ассоциированные как раз с чудовищными чертами старой школьной жизни. Помню, напр., когда меня 5-летнего или 6 летнего отец, привезший старшего брата, завел в школу, то первое, от чего я буквально остолбенел, это был ряд «преступников», стоявших на коленях с руками, подтянутыми вверх. Помню, дальше—как я в первые дни своей школьной жизни плакал навзрыд, когда видел, что брата моего, так или иначе, наказывал учитель. Этот мой своеобразный протест,—повидимому—так повлиял на старого учителя, что с течением времени он совершенно стал воздерживаться от резких мер наказания. Помнятся, почему то, чуткие и тоскливые вечера (для меня очень редкие), когда, за какие нибудь детские грехи, нас оставляли «без обеда» и запирали до позднего вечера в пыльный и пустующий класс. И, разумеется, не расти и цвести могла в такой обстановке душа, а лишь болезненно кривиться и съеживаться. Чему же удивляться, если в годы юношества и дальше эта болезненность детского роста так или иначе сказывается. Но всего чудовищнее было дальше.

Памяти товарища Бутина.

(Некролог).

У кого не содрогнется сердце при воспоминании о смерти тов Ивана Афанасьевича Бутина? Враги и други, независимо от партийности и класса, что могли сказать о нем худого! Это была очень крупная фигура интеллигента, деятеля, бессребреника. Ив. Аф. происходил из Заб. казаков, был сельским учителем, потом оканчивает уч. институт и полный сил и надежды снова берется за этот неблагодарный труд в Сретенске. Как сын казака-земле-

роба, знающий и на себе испытавший все тяготы крестьянской жизни, Ив. Аф. невольно попадает в подозрение к начальству. Волна 1905—06 г. окончательно захлестывает его и он становится идейным работником партии соц.-рев. (центра) каковой остался принципиально верен до дня смерти. Затем он испытывает все прелести реакции: тюрьму и ссылку. После он пробирается в Москву, живет деятельностью журналиста и долгое время состоит редактором журнала. В 1917 году он вызывается Заб. учительством на пост школьного инструктора, куда выезжает немедленно, предпочтя Москве творческую работу. Здесь он со своей всегдашней спутницей-папкой, путешествует со съезда на съезд, помогая своими толковыми практическими советами в качестве незаменимого председателя. Ни учительский, ни казачий, ни крестьянский съезд не прошли без него. Он всегда и везде был занят. У него не было, кажется, свободного часа, чтоб обзавестись даже семьей в течение 40 лет своей жизни. Большевизм для него был чужд. Но когда возвратившиеся с фронта водрузили над Читой советское знамя, Иван Афанасьевич призадумался. Наконец, он помещает в газетах письмо, в котором сознается, что совершившийся переворот есть потребность времени, и избирается председателем Областного Исполкома, в каковой должности застает его чехо-семеновский переворот.

Его арестовывают в Благовещенске и садят в тюрьму, где банда Гамова несколько раз пыталась его убить.

Наконец, видимо, он был отправлен в Читу, где за свои бескорыстные многолетние труды испил чашу горькую до дна под гильотиной Семенова.

Так печально для нас окончил свой тернистый путь этот поистине честный борец.

Спи, дорогой Иван Афанасьевич! Твои труды уже дали всходы К тебе не зарастет народная тропа. Добрая память о тебе—лучшая тебе награда.

Позволь же, честный друг, пред неведомой могилою твоей со слезою преклонить колени...

Угрюмый Весельчак.

Борцу за народное дело.

(Светлой памяти И. А. Бутина.)

Мой замученный брат, дорогой ты мой друг,
Сказка жизни твоей оборвалася вдруг,
Онемели уста, затуманился взгляд;
Ты ушел далеко, не вернешься назад.
Я остался один с наболевшей душой;
Думы мчатся туда, за тобой, за тобой—

В тот застенок сырой, где под шорох цепей
Ты томился один перед казнью своей,
Где писал нам прощальный последний привет
И к борьбе призывал за грядущий рассвет;
И сплоченной семьей завещал победить,
И «не мстить!».....
В эти черные дни много сгибло людей,
Много пало бойцов от руки палачей,
Но средь страшных потерь и тяжелых утрат
Слишком жаль мне тебя, мой товарищ и брат!
Ты свободе служил, был народным бойцом
И судьбой награжден ты терновым венцом....
Не в священном бою за народную власть,
Не среди баррикад суждено тебе пасть,
А на плахе лихой, безоружный, один,
Гордо встретил ты смерть, как герой-гражданин!
Осудили тебя на позорную казнь;
Поспешили убить—их терзала боязнь,
Трепетали враги, что восставший народ
Мощной силой своей скинет деспотов гнет,
И сотрет произвол и насилье в конец—
На просторе создаст братства светлый дворец.
И в свободном краю, в царстве воли, труда,
Теплым словом любви он помянет тогда
Тех, кто честно народному делу служил
И в борьбе за него свою жизнь положил.

Жуковский.

Предсмертное письмо Ивана Афанасьевича Бутина к товарищу Жуковскому (перед увозом в Читу).

Дорогой Саша! Ты совсем забыл меня. Вот уж больше месяца изо-дня в день я тщетно жду ответа на многие мои вопросы и, понятно, это ожидание очень нервировало меня. Совершенно не могу объяснить этого молчания. И теперь, когда я перестал уж ожидать и когда дела сложились так, что не приходится о чем либо мечтать, я в последний раз убедительно прошу тебя в самом же скором времени известить меня хотя бы по тем вопросам, которые меня интересуют в первую голову. Это 1) какова роль моего адвоката и кто он, 2) где будет мой суд, 3) что означают слухи о близкой возможности освобождения меня на поруки, о чем я узнал из третьих рук, 4) имеются ли сведения о моем семействе. Пойми, что знать все это мне совершенно необходимо. Товарищ Б. расскажет тебе подробно о том, что меня раньше очень интересовало и о чем приходится сейчас забыть, благодаря (в значительной степени вашему молчанию. *В последний момент я спокоен и бодр.*

К счастью, опять настроил себя попрежнему. Приготовил было для тебя мое „завещание“, но однажды—в ожидании обыска—уничтожил. Не знаю уж, когда вновь соберусь написать. Кое-какие частные пункты из этого завещания я прошу Б. сообщить тебе лично. Еще просьба: постарайся удовлетворять кое-как передачей тов. Б. Он имеет на это право и как революционер, и как человек, работавший у больных, не покладая рук, во время эпидемии.

Ну, будь здоров, милый Саша, и все вы. Обнимаю тебя. Прощай. Твой Иван . . . . . Завещаю, умирая:

1) Опубликовать денежную отчетность по материалам, находящимся у Р—ва и Б.

2) Сохранить мою рукопись, находящуюся у Нины, и извлечения из нее ооубликовать.

3) Обследовать историю ограбления Читинского банка и опубликовать.

4) Сообщить о моей смерти друзьям и родным по адресу, находящемуся у Нины.

5) Сохранить и передать брату мою тетрадку со стих. Она была у П. В.

6 июня 1919 года.

Предсмертное письмо И. А. Бутина к товарищам.

Милые, дорогие, все мои родные и товарищи. Вне всякого сомнения сегодня я буду убит без всякого „суда и следствия“. Повидимому, даже в.-п. «суд» для меня в Чите не назначен. Ну, что же? Прощайте, прощайте, милые. Конец. Я совершенно спокоен. Смотрю, в последний раз на заходящее солнце и благословляю жизнь; да—даже эту кошмарную жизнь этого времени. Знаю, глубоко верю, что она будет такой же яркой и светлой, как это солнышко. Завещаю всем не грустить по мне, а мужественно бороться до заветного конца. Обнимаю всех и крепко, крепко целую. Весь ваш Иван.

16-го июня 1919 года.

Не мстите!

(Иван Афанасьевич Бутин—уроженец Забайкалья. Был членом читинской организации левых эсеров и председателем Забайкальского областного исполнительного комитета. Арестованный в городе Благовещенске, благодаря предательству, Бутин около года сидел в местной тюрьме, ежедневно ожидая отправки в Читу в семеновский застенок, где—он знал—его ожидала мучительная казнь. Но к предстоящей участи он относился со спокойным мужеством. 12 июня 1919 г. был отправлен в Читу, где 29 подвергся истязанию розгами. Казнен 17 июня 1919 года.

Пускай спокойно спит боец в земле холодной, и память светлую о нем пусть братья сохранят).

Из тюрьмы на волю.

Письмо тов. И. Корытова*)

(Виктора Совкредепова).

Дорогие товарищи!

От имени своего и своих товарищей, поздравляю вас с Новым Годом! Желаю счастья и успеха в делах ваших, бодрости духа и веры в святой идеал.

Сообщаю, вчера полевой суд оправдал братьев Воропаевых, верность этого сообщения нужно проверить, т. к. есть сообщение, что их могли оправдать наизнанку. Освобожден Петрушенко. Этот тип для нас остался непонятным—в одном случае он большевик, в другом противосоветский деятель, хотя в честности его мы не сомневаемся.

Назначен к освобождению тов. Курочкин, задержанный пока по распоряжению Прищепенко т. е. передан Прищепенко на усмотрение Министром Юстиции. О машине узнать ничего не удается, т. к. камера, где сидит Колейко, находится на карцерном положении и доступ к ним пока невозможен. Сообщите подробности о белогвардействе Урядникова, нам ничего неизвестно, знаем лишь о том, что ему угрожает *полевой суд* по 143—168 ст.

В „А. Эхо“ есть статья: «Палата неизлечимых»—Стратиловского. Этот прихлебник барышников с хулиганским оттенком предлагает рецепт из Гейне:—«пилюли из свинца с порошком Бертольда Шварца» для успокоения страждущих и ищущих правды. Нельзя-ли этому маклеру преподнести рецепт нашего изготовления, дабы убавить его хищный аппетит, что может сыграть крупную роль: нагнать им достаточно холода.

Случай хороший, используйте его, товарищи.

Ну, больше пока ничего нет. Пишите, что у вас нового?

Товарищи, моя мать переживает крайнюю нужду и к тому же не совсем здорова, работать не может. Если можно, окажите ей маленькую помощь. Она проживает на Релочной улице.

С почтением преданные вам товарищи Корытов и др. 1 Iюня 1920 г.

Светлой памяти И. И. Корытова.

Поднявшая в 1918 г. голову свирепая реакция унесла сотни жизней дорогих нам товарищей; громадный список погибших, как длинная лента, испещренная светлыми именами, обовьет страницы будущей истории. Не одно проклятие сорвется с уст будущего

*) Это письмо являлось, как-бы, новогодним поздравлением из тюрьмы и было написано более чем за месяц до убийства т. И. Корытова (Виктора Совкредепова) палачами—белогвардейцами.

поколения тем, по воле которых погибло столько славных борцов за свободу, за великое будущее, за счастье народа; не одна слеза скорби скатится с ресниц о замученных палачами, в числе которых и дорогое имя И. И. Корытова. Товарищ И. Корытов по убеждениям—большевик коммунист. В 1918 г состоял сотрудником „Благовещенских известий С. Р. С. и К. Депутатов". Кто читал в 18 году «Известия», тот несомненно читал статьи и стихотворения, проникнутые любовью к народу, Виктора Совкредепова (псевдоним тов Корытова), за что он и был арестован после свержения советов в г. Благовещенске.

В тюрьме мне часто приходилось встречаться с ним во время передач; и не проходило ни одного такого свидания, в котором он не говорил-бы о своей близкой смерти, которую ему и другим готовили реакционеры; он говорил: „Я чувствую, что меня расстреляют, хотя мой псевдоним не раскрыт, но его раскроют.

Я не боюсь смерти, мне не жаль расстаться с жизнью, но мне жаль мать мою, старушку, которая осталась без средств, с одним горем!" Его слова оправдались: псевдоним раскрыт, как у нас было известно в тюрьме, известным провокатором Ямщиковым (кличка Ампольским), а когда у него нашли издаваемую в 4 камере газету „Черное Знамя," реакционеры решили его во что-бы то ни стало убить, что и сделали 26-го. В ночь на 27-ое марта он был выведен японским конвоем и убит. Так кончилась жизнь сильного, честного, молодого, энергичного борца за свободу.

Спи с миром, дорогой замученный брат! потомки не забудут тебя, твоих дел и твоих помышлений.

Матвей Демещ.

Посмертные стихотворения И. Корытова.

Мы помещаем ряд еще неизданных стихотворений тов. Корытова, писанных им в тюрьме и сохранившихся в нашем нелегальном архиве. Большинство этих произведений было им написано незадолго до казни.

Не вдаваясь в оценку стихотворений, предоставляем судить о них самому читателю (печатаем в оригинале). Но несомненно, что в лице тов. Корытова погиб незаурядный талант, погибла светлая личность борца за рабочее дело. Пусть же эти стихи и песни будут памятью о неутомимом идейном борце и поэте.

Ред. Коллектив.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОДАРКИ.

Социализму.

Гори, божественный костер,
Гори и превращайся в пламя!
Лети в трущобы и простор,
Неси свое святое знамя.
Неси во тьму свой яркий свет,
Лети эфиром по селенью,
Неси трудящимся совет,
Зови их всех к объединенью.
Лети за Тихий океан,
Разбей царей, милитаризм!
И пролетариев всех стран
Возьми себе, социализм,
Меня к борьбе благослови,
Дай мне святые директивы.
Во имя братства и любви
Ты закрепи мои порывы.

Интернационалу.

Вставайте братья—бедняки!
Идите, честные народы
На пир красавицы—Свободы,
Долой булаты и штыки!
И прочь все, жалкие уроды,
Довольно тронов и царей,
Довольно грохота мортиры!
Долой презренные кумиры!
Довольно рабства и цепей,
Пусть торжествует песня лиры.
Наш челнуж к пристани пристал,
Он без пробоин и аварий
В нем торжествует идеал!
И пир свершает пролетарий
За интернационал!!

Милитаризму.

Разрушен мир... поруганы святыни,
Погасла мысль под лезвием меча:
Где был прекрасный мир—там мертвые пустыни
Будь проклят меч, оружье палача:
Тобой разрушена великая культура,
Тобою пролита страдальческая кровь....
Тобою попрана вся красота Амура,
Поругана безжалостно любовь.
Не ты-ль принес нам ужасы и стоны?
И вопль детей, и скрежеты зубов,
И жертв, калек и сирот ми...
Все пер...сть нет сил...
Не спорю я—помог ...
Рабу от летаргическо...
Но все-ж я не могу с тобою примириться
Будь проклят меч! Будь проклята война.

Империализму.

Проклятье вам, тираны мира,
Проклятье вам, народов торгаши!
Пусть кровь людей, жестокие вампиры,
Послужит вам для «спасенья» души.
Все то, что облито слезами,
Что утоляло жажду во дворцах,—
Пусть будет проклято землей и небесами,
Наполнит горечью холодные сердца.
Пусть вам и вашим поколеньям,
Кошмарным призраком рисуется ваш век
И все те ужасы.. страданья и гоненья,
Что пережил страдалец—ч...
ве...
Пусть все роскошные ...
Творенье нашего великого ...
Подземные заменят ка...
В дома трудящихся ...

С...
Свободу ...
Свои ...
Сил, ...
И ...

Военной клике.

Френч защитный, панталоны,
Золотистые погоны,
Шпоры к сапогам.
Пива дюжину, шампанок,
Хор певиц, хотя цыганок,
Воли каблукам
Четверть спирту, рюмку рому
И историю Содома,
Выпив, прочитать.
Пообедать в ресторане,
Блеснуть формою в шантане,
В номерах поспать.

Семенову.

Хотел я многое сказать
О вас, почтенный воевода,
Но заставляет замолчать
Цензура,—знать, такая мода.
Скажу, пожалуй, я одно:
(Коль будет мне позволено):
Вам, знаменитый воевода,
[illegible]ожить до Нового года!

Ему-же.

[illegible]резвяся и играя
[illegible]бомба удалая
[illegible]ажись, большевика:
[illegible] рука
[illegible]Самурая»
[illegible]ий бог!
[illegible]ья.
[illegible]з ног,
[illegible]ья.

Наполнял ее дух вдохновеньем
Молодой зеленеющий бор?...
И давно-ль еще негой и лаской
Был наполнен священный сосуд?
Жизнь казалась божественной сказкой,
В ней блестел дорогой изумруд.
А сейчас... в ней разбил все святое
Человек, разлюбивший давно.
Он ушел... стало страшно былое,
Стало грустно... в душе холодно..
Только тихо, как бы утешая,
Зеленеющий бор повторял,
Что разбита вся жизнь молодая,
И поруган святой идеал...

Благовещенску.

Толки, сплетни, маскарады,
Дамам, девам—вдоволь флирта,
Офицерикам—парады
И ведерок двести спирта.
Бал, отдельный кабинет,
Вихрь и вальса, и мазурки.
Четвертушку денатурки
И знаменитый венигрет...
Хулиганам—ералаш,
Гимназисткам—муфты, шапки,
Гимназистам—серый плащ
И кусочек белой тряпки...
Спекулянтам—барыши,
Беднякам—свечей огарки
И японские подарки
За керенские гроши.

* * *

[illegible]онцам—русская (не рисовая) пища
[illegible]усов под сорок пять мороз!
[illegible] желтокожие полчища
[illegible]т свой курносый нос.
[illegible]ям—порядок гожий,
[illegible]ичности, жилище господам
Учащимся—ум на законы божьи,
Привет народникам учителям!
Извозчикам и разным торгашам--
Найти предел безмерным барышам,
Крестьянину — излишний хлеба пуд,
Рабочему—его любимый труд!

Следственной комиссии.

Свои делишки отложить,
На заседания являться,
Тюрьму скорее разгрузить—
Смелей за дело нужно взяться
Поверьте сами вы—кому
Приятно попусту томиться
В смраду, в грязи здесь волочиться
Гноить народную тюрьму.

Шемелину.

Тебе, кровавый паразит—
Скала холодных серых плит,
И отдаленная страна
С потоком крови и вина.

Алексеевскому.

Не играй, Сашутка, в прятки
С этой хитрою лисой.
Лучше мчись-ка без оглядки
В край безвестный, в край чужой.
Диктатур тебе не надо
Комиссаром стал не ты—
Знать, почтеннейший Ямада
Обманул твои мечты.
Изменили твои рати,
Удирай, брат, без возни;
На прощание проклятий,
Хоть полтысячи возьми.

Полевому суду.

Человечество познать,
Снять позорную печать,
На смерть меньше осуждать,
И больше, больше оправдать.

Заключенным..

Освобожденья поскорей,
Газеты, книги и прогулки,
Вместо тухлой рыбы—щей
Фунта по два белой булки
И на матрасах меньше вшей.

Рождество.

Сегодня благовест во храме,
Но грустно мне... душа болит...
Кумир безжалостно разбит
И залит кровью и слезами...
Сегодня праздник, день рожденья
Христа--звезды, принесшей в мир
Свое великое ученье
И безгранично светлый пир,
А позже—жизни тяжкий крест
Он нес. Изгнанником среди мира
Он был. Он бодро шел на крест
Во имя светлого кумира.
Он шел спокойно умереть
От рук презренного вампира,
И до конца стремилась петь
Его божественная лира.

* * *

Много лет прошло с тех пор,
Когда с учением к народу
Он шел, неся людскому роду
Луч света с Елеонских гор.
Среди пустынь и темных туч,
В вихре буйной непогоды
Он шел величествен, могуч
К любви призвать свои народы.
Но величавый его глас,
Глас вопиющего в пустыне,
Остался гласом и поныне...
Лишь факел света не погас:
Он с каждым днем и каждый час
Горит, становится все боле!
И мчится вглубь, в людское поле
Его божественный Пегас.
Хвала величию Мессии!
Хвала поборнику свобод!
Привет страдалице-России,
Привет тебе, бедняк-народ!

М. Е. Шимановской.

Ты страдаешь, мой друг... ты болеешь душой
Тяжелы для тебя все страданья...

На расцвете идей—мечты молодой
Окружили тебя испытанья.
Окружил произвол, сокрушает недуг,
И рисуется призрак могилы...
Но мужайся, мой славный товарищ и друг,
Укрепи свои юные силы.
Верь, настанет пора! И во имя свобод,
Залечив нанесенные раны —
Вновь восстанет великий страдалец-народ,
И погибнут народов тираны,
И прольется братская кровь
На кошмарных полях озверенья--
Принесет нам дары искупленья
И прославит святую любовь.

Скоро.

(Посвящаю товарищам по революции)

Словно волны мчатся годы
В неизведанную даль..
Вместо радости свободы—
Скорбь несносная, печаль...
На душе гнездится бремя—
Не пройден тернистый путь.
И когда настанет время
Полной грудию вздохнуть?..
Но, друзья, поверьте, скоро
Будет свергнут тяжкий гнет,
Вечный горн людского спора
Буйный ветер разнесет.
Рухнут цепи, что закован
Наш великий богатырь;
И пройдет он, очарован,
Неизмеренную ширь.
Встретит вызов он злой доли,
Он натешится в борьбе.
Принесет Земли и Воли
Всем—по равну, и себе.
Путь тернистый, одинокий
Снова с гордостью пройдет!
И над грудою высокой
Знамя братства развернет.
Среди яркого пурпура,
Словно солнышка восход,
Встретит дивного Амура—
Счастье миру принесет.

И. Корытов.

На смерть И. И. Корытова.

Расстрелянного в Благовещен. об. тюрьме в марте 1919 г.

Погиб поэт, народу неизвестный
Погиб! За что? За идеал святой!
И спит теперь в сырой могиле тесной
Спокойным сном под крышкой гробовой.
Окончен путь! путь бытия земного,
Среди людей, к страданиям глухих,
Где горьких слез пролито было много,
Где много сил погибло молодых.
Свершился приговор жестокий,
Спокоен суд земных судей,
Убит он—юный, одинокий,
По воле диких палачей,
От рук мучителей народных—
Коварных слуг земных царей,
Поработителей свободных,
Святых и искренних идей.
Лежит в крови, без погребенья,
В могиле мрачной и сырой;
Разбита лира песнопенья!
Растоптан идеал святой!
А сколько, может быть, прекрасных
Мог чувств потомкам передать;
Себялюбивых, гордых, властных
Сатирой злобною потрясть?
Но нет!.. младые вдохновенья
В груди убиты молодой...
Он мертв: убит без сожаленья
Злодейской пулей роковой.
Приют его, холодный, одинокий,
Без надписи, креста, никто уж не найдет!
Вздох сожаления не вырвется глубокий,
И скорбная слеза с ресниц не упадет!
Кто гимн ему споет? Кто слово скорби скажет?
Ему не создадут потомки мавзолей.
Никто, никто дорогу не укажет
К могиле жертвы палачей.

М. Дементьев.

г. Благовещенск, март 1919 г.

Это стихотворение было написано мною на 3-й день после расстрела товарища Корытова, но не напечатано ввиду свирепствовавшей реакции. (Автор).

Светлой памяти Я. Боградa.

Яков Боград! дорогое и незабвенное имя. Впервые мы встретились в 1915 году в городе Красноярске на частном совещании рабочих в доме просвещения, в одной из комнат, где помещалась столярная мастерская. Разбирался вопрос об издании Красноярской городской думой обязательного постановления о нормировке рабочего дня. Тогда же тов. Боград проявил себя твердым защитником рабочих интересов, отстаивая 8-ми часовой рабочий день, в то время, когда другие считали возможным согласиться на 9-ти часовой рабочий день.

С виду покойному было 46—47 лет, росту выше среднего, телосложение крепкое, необыкновенной толщины, голова большая, голос грубый, немного надорваный: высказывался ясно, определенно, не особенно интеллигентной наружности, хотя, как я слышал от товарищей, покойный и м е л среднее образование. Тов. Боград принадлежал как раз к тем людям, наружность которых бывает очень обманчива. С тех пор мы больше на арене политической и общественной жизни не встречались до 1917 года. После февральского переворота Боград состоял членом, тогда еще объединенной, Р. С. Д. Р. партии, но был убежденным большевиком и таким остался после раскола Красноярской организации. С самого переворота покойный занялся пропагандой коммунистических идей, читал лекции, рефераты, на митингах и собраниях выступал часто. И в тех случаях, когда он выступал—голос его был очень ценен, речь обдуманная. В руководящих органах покойный принимал очень малое участие, но зато был весь в распоряж. партии. Личной жизнью как будто и не жил и ее у него не существовало; он посвятил всего себя народу.

После октябрьской революции покойный тов. Боград перешел в полное распоряжение тогда организовавшегося в Красноярске окружного бюро партии большевиков, и свою деятельность перенес за пределы гор. Красноярска. В городах, деревнях и промышленно-заводских центрах читал лекции, рефераты, агитировал и имя тов. Боградa стало известно и дорого всем рабочим Западной Сибири. Я помню его последний доклад, сделанный на заседании Красноярского С. Р. С. К. и К. Депутатов. Много горькой истины пришлось услышать с уст покойного. Он нам поведал о настроениях

рабочих, о нуждах и чаяниях крестьянства, и об отношении последних к советской власти. Слишком мало, говорил он, обращено внимания на крестьянство, агитация почти не велась, отсутствие продуктов и городских изделий ставит в безвыходное положение крестьян. Он призывал совет и рабочих напрячь все свои силы, чтобы помочь деревне, ибо в ней залог прочности советской власти, к которой начинается безразличное отношение, и покойный сказал правду. Когда начался белогвардейский переворот 1918 г., на призыв защиты советской власти крестьянство не откликнулось. Через короткое время тов. Боград выехал из Красноярска. Белогвардейский переворот застал покойного на одной из угольных копей Сибири, где рабочие отказались выдать товарища в руки палачей; тогда была объявлена блокада копей, но рабочие решились на все, но ни в коем случае не выдавать своего учителя, хотябы и пришлось голодать.

Много стоило трудов покойному, чтобы убедить рабочих в бесполезности сопротивления. И он сам отдался в руки палачей. Тов. Боград был препровожден в Красноярскую тюрьму, где, в качестве заложника, был расстрелян 10 мая 1919 года. Так погиб апостол революционного социализма в Сибири—дорогой, незабвенный тов. Яков Боград. Палачи вырвали его из рабочей семьи, которой был так дорог покойный. Подлые, трусливые наемные убийцы! Расстреливая товарищей, вы думали обезглавить революцию, но вы ошиблись—она жива, идя победоносно. Спи, дорогой товарищ! Тебя уже нет среди нас, но идея, которую ты проповедывал и правдивость которой кровью своей засвидетельствовал--живет. Так спи спокойно, товарищ!

И. Олещук.

Памяти Ады.

Ада Павловна Лебедева после переворота 1917 года жила все время в городе Красноярске. Работала в партии социалистов революционеров. После раскола партии состояла в комитете партии левых эс-эров. На крестьянском съезде была избрана в губернский исполнительный комитет. Принимала деятельное участие в организации земельного отдела, где оставалась до последней минуты.

Ада Павловна была одной из тех немногих женщин, которые принимают деятельное участие в строительстве новой жизни. На собраниях выступала решительно и настойчиво. В обращении с товарищами была ласкова и вежлива. Я никогда не наблюдал в ней волнения--спокойная, жизнерадостная, было иногда задумчива, В начале 1918 г. вступила в партию коммунистов. Во время эвакуации города Красноярска 18-го июля 1918 года при наступлении чехов, когда вся флотилия отплыла вниз по течению, Ада Павловна оставалась еще в городе. Все беспокоились за жизнь ее, и флотилия остановилась на пристани в 15-ти верстах от города. Ада Павловна и еще трое товарищей, под обстрелом белогвардейцев, на лодке

отплыли от города, переправившись к другому берегу реки Енисея и в недосягаемости пуль вскоре соединились с флотилией—невредимые, хотя в нескольких местах была прострелена лодка. После взятия в плен нашей флотилии белыми ниже Туруханска всех разбили на три партии, и с первой же партией в августе месяце 1918 года Ада Павловна была вместе с другими привезена в гор. Красноярск. Ночью с 27 на 28 августа в 4 часа утра, не доходя тюрьмы, была выхвачена из партии вместе с товарищами Марковским и Печерским остервенелыми казаками (из офицеров), выведена за город, на речку Качу, у мельницы Абалакова и зверски зарублена шашками. Тела ее и т. т. Марковского и Печерского оставлены на месте преступления.

Так кончился жизненный путь еще молодой, 25—26 лет, Ады Павловны Лебедевой. Вечная память тебе, дорогой товарищ!

И. Олещук.

Памяти Ады Павловны Лебедевой.

(убита в Красноярске 27 авг. 1918 г.)

В даль прошлого часто гляжу я:
Там стоны, хрустенье костей—
Свой пир совершают буржуи--
Вампиры отчизны моей...
Рыдают там вещие струны,...
Там гибли, отваги полны,
Герои парижской коммуны,
Как ныне России сыны...
Вот слышатся взмахи нагайки,
А в городе смерть и погром:
То белых насильников шайки,
В рабочих стреляют свинцом!...
. . . . . .
Бездушен, как Каин ужасный,
Как кровью упитанный зверь,
Над женщины трупом безгласным
Хохочет палач—офицер....
Истерзана, залита кровью,
Со скорбью на бледном челе,
За то, что с великой любовью
Ты сеяла радость во мгле,
Безжалостным роком отмечена
Погибнуть за братьев твоих,
Печатью невзгоды увенчана—
Ты в грезах витаешь моих.
Голубка моя, белокрылая,
Поборница правды святой,--
Знать, доля такая постылая
Дана тебе жизни судьбой!...
Так спи же! ты много страдала,
Не знала ты радостных дней,
В борьбе утомленная пала
Среди равнодушных людей.

Жуковский.

Воспом. об Аде Павловне Лебедевой.

С Адой Павловной Лебедевой впервые познакомился я в Красноярске в 1917 г.

Она в то время состояла в партии социалист. революционеров.

Партия эсеров тогда еще объединяла все течения, начиная с крайне правого и кончая крайне-левым.

Но вскоре, когда партия эсеров заняла определенную воин-

ствующую позицию по отношению к мировой войне, когда соглашательская политика партии начала выясняться все резче и резче, Ада П., назвав политику партии предательской, заняла крайне левую позицию, объединив вокруг себя небольшую группу единомышленников.

После октябрьской революции я стал чаще встречаться с Адой П.

Работал вместе в губернском комиссариате, в редакции советской газеты, где Ада П. одно время была редактором, в Красноярском исполнительном комитете и на другой революционной работе.

И вот за такой работой, когда человек работает не за страх или за кусок хлеба, а за совесть, в полномъ смысле этого слова, когда каждая неудача в работе острой болью отзывается в его сердце, а успех охватывает радостью все его существо—в такой работе узнаешь человека за короткое время так, как не узнаешь его за долгие годы в обычной мещанской обстановке.

Ада Павловна Лебедева не жила личной жизнью в это время—революция для нее была и прежде всего, и после всего.

Она была незаменимым и неутомимым работником в организационной работе. Работала во многих отделах советских учреждений, выступала на митингах, обладая хорошим даром слова и большим научным багажем.

На все вопросы жизни она чутко реагировала, быстро ориентируясь во всем.

Во время чешского выступления в Красноярске плохо обстояло дело с красной армией.

За исключением на спех сколоченной красной гвардии, плохо обученной и подготовленной военному искусству, там не было никакой военной силы.

И вот, когда Испол. Ком. направил все свое внимание на этот промах, Ада П. не осталась в стороне. Она требовала, чтобы и женщин-революционерок обучали военному делу.

Когда товарищи советовали ей поступить сестрой милосердия, то получили отрицательный ответ потому, что ухаживать за ранеными белогвардейцами, активными врагами революции, она не могла.

Она доказывала, что женщина-революционерка имеет такое же право, как и мужчина, умирать с оружием в руках, а не дожидаться, когда ее подстрелят, как куропатку.

И А. П. взяла винтовку и с ней была примерным солдатом. Она быстро познакомилась с начальными знаниями, необходимыми для солдата, и безукоризненно несла эту службу.

Да, если бы в то время в Енисейской армии, хотя и небольшой, были все такие солдаты, как А. П., возможен был бы иной исход борьбы.

„Один в поле—не воин".

И А. П. вместе с небольшой группой товарищей, пробыв 7 дней голодом и обессилев, арестовывается в Туруханской тайге белогвардейцами.

В пути следования до Красноярска в сыром и темном трюме баржи Ада П. держалась очень бодро. Она умела открыто смотреть смерти в глаза.

И мне живо вспоминается, как в последнюю ночь нашего пребывания в трюме мы, смеясь, запели частушку:

„Ах, Анюта"... Ада П. быстро п е р е л о ж и л а слова в рифму этой частушки.

Получилось:

„Ах, каюта, грязная каюта, остается в каюте ждать капута".

И вот слова этой частушки, по отношению к их автору, сбылись.

В эту же ночь Ада Павловна была зверски растерзана пьяными офицерами и казаками при переводе с пристани в тюрьму.

Спи, дорогой товарищ! Я уверен, что настоящее поражение наших врагов является для тебя лучшей наградой.

Савоныч.

Незабвенному В. И. Шимановскому.

Разгул черной реакции в Сибири вписал в число великих, святых имен бордов за народное дело еще одно дорогое рабочему люду имя Владимира Ивановича Шимановского.

Сын военного врача из интеллигентной семьи Владимир Иванович был одним из тех немногих типичных интеллигентов, которые, не смотря на улюлюканье и ненависть мещанско-буржуазной интеллигенции, пошли вместе с трудовым народом под красным знаменем социальной революции.

Когда октябрьская трудовая революция провела резкую грань между классами, между угнетателями и угнетенными, то тов. Шимановский, не смотря на свое привеллегированное положение и некоторую обеспеченность, стал на стороне угнетенных, на стороне трудящихся. Всю свою молодую жизнь он провел в кропотливой незаметной революцион. работе, никогда не выделяясь из среды товарищей.

Свою революционную деятельность он начал еще с гимназической скамьи, а поступив в томский технологический институт—весь с головой ушел в дело революционного подполья, где примкнул к социал-демократам большевикам.

Весь поглощенный любимой работой он мало заботился о своей наружности, и часто щеголял в простой, заношенной косоворотке, так как ему просто было некогда уделять внимание костюму.

В период 1905 года он особенно много работал в Томске, где был начальником десятка боевой дружины. Когда в Томске началось погромное движение, направленное против интеллигенции и евреев—тов Шимановский явился одним из инициаторов граждан-

ской милиции для противодействия черной сотне. Впоследствии, когда погромное движение началось снова, он стал во главе соц. демократической боевой дружины. Пришлось ему сидеть тогда в засаде в управлении сиб. ж. д., здание которого было подожжено погромщиками. Владимир Иванович спасся только благодаря солдату, который вывел их из под пуль казаков и погромщиков.

С наступлением реакции Вл. Ив. уезжает с женой во Владивосток. На одной из ст. Забайкальской ж. д. ему встречается поезд усмирителя Мелера-Закомельского. Владимир Иванович при виде палача и его тюрьмы, не долго думая, бросается к куче шпал с намерением бросить одну из них на рельсы, чтоб произвести крушение карательного поезда. Только спутники мешают ему привести в исполнение свой смелый план.

Из Владивостока, где он также принимал участие в работе партии, мы видим его уже в Петрограде. Там он оканчивает с успехом технологический институт. Ему предлагают остаться здесь и работать на научном поприще, но желание увидеть старика-отца заставило его ехать обратно в Сибирь, в Амурскую область. Здесь он работал на постройке Амурской ж. д. и своей мягкостью, своим простым, человечным отношением к подчиненным Владимир Иванович завоевал огромную симпатию среди рабочего люда. Имя его стало среди рабочих очень популярно.

Когда началась гражданская война в Благовещенске В. Иванович был одним из ярых сторонников власти трудящихся и во все время Сов. власти был председ. Ком. Ам. ж. д.

В момент падения Советов решил остаться на месте, несмотря на гнусные клеветнические нападки врагов, обвинявших его в присвоении денег.

Приехав из Свободного в Благовещ. за деньгами для расплаты с рабочими, он был застигнут переворотом и должен был некоторое время скрываться.

Беспрерывная рабочая усталость сильно ослабила его организм, а гнусная клевета окончательно добила его.

Он стал равнодушен к своей судьбе и перестал избегать опасности. Желая опровергнуть клевету и сохранить свое честное имя революционера, Владимир Иванович решил отправиться к г. Алексеевскому, в кабинете которого и был арестован и отправлен в тюрьму. Это было в конце сентября 1918 г.

— Как Вы будете меня „судить"?—спросил Шимановский у Алексеевского.

— Суд будет правый и справедливый,—ответил ему господин Алексеевский.

Через несколько дней после ареста Вл. Ив. постигло новое горе: 2-го октября в том же месте была арестована его жена, которую он страшно любил.... Слова Алексеевского оправдались.

20-го ноября Шимановский был сужден белогвардейцами, которые его ненавидели особенно за то, что он, как интеллигент,

был на стороне народа. Говорить ему в свое оправдание не разрешили. И вынесли смертный приговор.

После приговора через одного заключенного он сказал: „Передайте жене, что все кончено". Когда его вывели из подвала, где он ждал казни, Владимир Иванович, подходя к автомобилю, приподнял воротник и улыбнулся.—Что означала эта улыбка? было ли то прощанье с жизнью или другое. Кто разгадает?..

На месте казни, когда шли приготовления, он попросил папиросу, которую выкурил.

Раздался залп и молодая прекрасная жизнь оборвалась. Не стало стойкого революционера, милого товарища.

. . . . . .

Спи, гордый духом!

Пусть твоя предсмертная улыбка, которой ты, быть может, приветствовал грядущую свободу, озарит и нас, твоих товарищей и сподвижников, пусть вдохнет в нас энергию и бодрость в предстоящей последней битве за те идеалы, за которые ты казнен. Я не был знаком с тобой, но общее дело, которому мы служили вместе, и твоя славная смерть сроднили нас. Спи, родной, спи, милый, пусть снятся тебе лучезарные сны.

Жуковский.

Предсмертное письмо инженера В. Шимановского к жене.

20-го ноября 1918 года 7 ч. вечера, Благовещенская тюрьма, одиночка № 34.

Родная моя жена, дорогая, милая Марусечка!

Через несколько часов, а вернее через сутки (так как днем, кажется, не расстреливают по приговору суда) меня поведут на казнь и это письмо теперь будет последним, моя родная.

Да, революция 1905 года сроднила меня с тобой, она дала мне то счастье, которое я имел в твоем лице, Маруся, затем окончание технологического института, окончание тобою высших женских курсов и наша совместная общественная деятельность и жизнь здесь, на Амуре, в почти родных нам краях—это был подготовительный этап нашей будущей жизни. Тебе больше, чем кому-либо другому известно, что не материальные стороны, не жажда власти, не забота личного благоприобретения понуждали меня работать на общественной ниве, тебе известно, что эта-то работа приносила в нашей личной жизни лишь только минусы, вернее, что личной жизни у нас почти не было, а особенно последнее время, когда мое пребывание в главном дорожном комитете заставило меня столько месяцев жить отдельно от тебя, когда личная жизнь сводилась лишь к мимолетным встречам на ст. Гондатти по праздникам.

Ты мне неоднократно указывала на ненормальность такой жизни, но не требовала вернуться из Гондатти, так как сама ставила общественное дело выше личного.

Твоя общественность, твое понимание и сочувствие моей работе лишь еще больше приближали меня к тебе, как к самому лучшему другу и товарищу, и я любил тебя не только как женщину—прекрасную в своей женственности, но и как близкого, дорогого, верного друга и товарища.

Тебе более, чем кому либо, известно, что моя общественная деятельность была всегда честной и бескорыстной, что мною руководила идея свободы, равенства и братства всех людей, идея защиты трудящихся и среди них не найдется, я думаю, ни одного человека, который бросил бы в меня камень.

Нет, даже в пору реакции, во времена царизма, я ценил труды и относился к трудящимся так, как пожелал бы, чтоб другие относились. Еще тогда, во время царства тьмы, мы могли оба быть арестованными за нашу культурно-просветительную деятельность, но этого, к нашему счастью, не произошло, так как и царские опричники считали, что нельзя народ держать в вечной тьме.

И вот теперь, на заре возрождения дорогой, любимой родины России, на заре ее свободной жизни, ее действительной культуры и прогресса—мне, так стремившемуся к этому счастью, приходится расстаться с жизнью.

Не жизни моей мне жалко, а жалко родины, которую снова хотят завести в мертвый тупик тьмы и невежества, жалко родины, из недр которой выхватывают и убивают ее сынов, отдавших ей все.

Да, лучше умереть, чем видеть снова истерзанную родину, но я верю, умирая, что этого не будет, Россия будет свободной— сколько бы ни старались ее враги—и эта вера дает мне возможность спокойно умереть.

В будущую жизнь, как ее рисует церковь, ни в ад, ни в рай я, конечно, не верю, но я верю в тот рай, который создастся для меня в твоей памяти, в твоем сердце, в сердцах моих близких и моих друзей, в сердцах тех трудящихся, для блага которых я отдал свою личную жизнь,—а именно доброе, незапятнанное мое имя.

...„И часть моя большая по смерти будет жить“, сказал древний, римский поэт—вот в этот рай я верю. Смерть за свободу родного народа всегда была прекрасной в сердцах людей и в сердцах умирающих за свободу и я смело встречу смерть.

Значительную бодрость моих последних часов жизни мне придает вера, что ты, моя голубка, Марусечка, знаешь меня хорошо и будешь хранить светлые обо мне воспоминания—это будет часть моего рая.

Я повторяю, Марусечка, как уже писал тебе, что твоя жизнь впереди, молодость твоя должна дать тебе силы спокойно перенести мою смерть, и мое завещание тебе прежде всего—именно это спокойствие, сохранение своего здоровья; в твоей будущей жизни

ты должна быть свободной и в выборе путей этой жизни и если встретится на твоем пути человек, дружба которого будет для тебя несомненна, если этот человек предложит разделить твой жизненный путь, если ты будешь видеть искренность его дружбы и любви к тебе, то пойди с ним,—одиночество будет тебе в тягость; я желаю тебе искренно, находясь в полном сознании, счастья в дальнейшей твоей жизни, и за то счастье, которое ты внесла в мою жизнь, огромное несомненное счастье, я тебе шлю свое спасибо, обнимаю и крепко-крепко целую.

Затем еще просьба, родная моя: я не буду писать отдельного письма нашим родным, а попрошу тебя копию этого письма переслать всем им,—пусть мои родные: дорогая мама, дорогие братья и сестры, все родные, как и моей стороны, так и твоей, знают—почему и как я умираю, пусть они сохранят обо мне то, что имеют в сердцах, они все мне близки и если я не писал им писем, так это лишь жизнь в разных местах создала такое явление, но в сердце моем они близки и я их всех люблю.

Может быть, теперь тоже некоторых нет в живых—погибли в волне революции. Здесь, вблизи нас, были Витя, Юля, Саша и Сережа,—Витя и Юля даже сейчас здесь, в городе, и мне не удается с ними увидеться, попрощаться. Прощайте все, мои дорогие, желаю вам долгой жизни и счастья.

Завтра нам, наверно, дадут с тобою свидание, неужели и в этом откажут?

Марусечка, умоляю тебя—будь спокойна, будь благоразумна не убивай себя, прошу тебя об этом; вот приедет Федя и увезет тебя во Владивосток, желаю тебе счастья, огромного счастья, желаю здоровья, желаю всех благ земных.

Прощай навеки!

Целую крепко, крепко, обнимаю тебя, моя родная, умирая—мысленно буду с тобой. Не плачь, не убивайся, собери все свое мужество, все силы, тем более сейчас,—пока тебя еще не освободили,—исполни эту мою просьбу.

Прощай! Прости!

Твой *Владимир.*

Инженер Владимир Иванович Шимановский, председатель Центр Комитета Амурской ж. д., казнен по приговору банды пьяных белогвардейцев в ноябре 1918 г. в Благовещенске.

Владимир Иванович—сын известного в свое время Благовещенского военного врача Шимановского; учился он в Томском Технологическом институте. В революционном движении 1905 г. принимал самое видное участие.

Будучи социал-демократом большевиком, он тогда уже был одним из главных организаторов томской социал-демократической боевой организации.

Пусть будет и мирен, и светел твой сон!

ПОГИБШЕМУ.

(Светлой памяти В. И. Шимановского, казненного 22 ноября 1918 г.)

В момент народного восстанья
Ты гордо знамя нес в бою;
И все свои младые силы
Отдал за родину свою...
И годы шли в борьбе суровой,
В борьбе за светлый идеал;
Но рок сулил тебе иное:
На казнь ты жизнь свою отдал...

Кипит борьба у всех народов,
Довольно рабства и цепей!
Во имя братства и свободы
Ты звал бороться всех людей..
В ноябрьский день, в мороз трескучий
Враги на суд тебя вели,
И без суда и без пощады
Твой смертный приговор прочли.

Кровавый приговор злодеев
Тюрьма успела уж узнать—
Свою любовь, как брату-другу,
Была не в силах передать.
В ночь казни, в ночь последней муки,
Ты брошен был в сырой подвал,
Один, один ты там томился,
За свой народ ты там страдал.

Желал найти ты утешенье
В подруге милой прошлых дней:
Она одна, в тоске—мученьях,
Скорбела о судьбе твоей.
Там сквозь железные засовы,
Где смерть проложила пути
Жена не в силах сбить оковы,
Сказать последнее: «прости!»

Спустилась ночь опять на землю,
Ревела буря под окном,
И каждый звук ключей тюремных
Тебе казался страшным сном.
Открылись двери каземата,
Вошел безжалостный конвой...
Тюрьма, тревогою объята,
Прощалась мысленно с тобой.

Взглянув печально на решетки
Живых могил своих друзей,
Ты величавой шел походкой
Один средь гнусных палачей.
И подойдя к автомобилю
С улыбкой ясной, как рассвет,
Своей жене, подруге милой,
Послал последний свой привет.

Ты гордо встал на край могилы,
Как гордо знамя нес пред тем,—
Твой взор, прекрасный и унылый,
Прощался мысленно со всем...
Раздался залп, не стало жизни
Твоей отважной и святой.
На век ушел от нас товарищ,
Засыпан мерзлою землей.

. . . . . .

Пусть спит боец, погибший смело,—
Мы память сохраним о нем.
Погиб за общее он дело—
Пусть спит покойно светлым сном.

———

Памяти Василия Нерриса.

„Я люблю того, кто строит Высшее над собою и так погибает".

Трудно передать, что творится в вашей душе, когда вы, оглядываясь на ваше прошлое, подсчитываете итоги. Не на то далекое прошлое, когда, по выражению писателя Винниченко, «в груди так много песен, что хочется слез!» Да, хочется слез, но не от полноты чувств, переполнивших вашу душу радостью, не от песен, рвущихся из груди, а от бесконечной скорби и глубокой печали о погибших бойцах, взрослых мужчинах, молодых юношах, прекрасных девушках....

Тяжел был ваш путь, сквозь дебри и пустыни, через горы и быстрые реки, под насмешки вчерашних друзей и удары врагов. Много усилий и труда положили вы, много потеряли спутников в борьбе с препятствиями... И вот вы у цели! Но почему же вы остановились смущенные и растерянные? Почему ваши пасхальные, белоснежные одежды потускнели и покрыты пылью?...

Почему не долгожданная радость, а глубокая тоска, смертельная тревога охватывают вашу душу, сжимают сердце холодом смерти?...

Словно жаль вам прошлого, жаль пройденных страданий, пережитых мук...

Не радует отдых, не манит покой... почему?...

А! Вы оглянулись назад... а там позади... могилы, могилы, много могил... целая Голгофа, политая кровью друзей-борцов!

Вы оглянулись назад, осматриваете поля битв, считаете могильные курганы, вспоминаете кто, когда и где погиб. Как бесконечно жаль прошлого, жаль погибших, замученных, любимых друзей и соратников?... И крупные жгучие слезы туманят вам глаза, застилают свет, мешая разглядеть то великое, прекрасное, лучезарное, за что вы боролись. В своем стремлении к этой заветной цели вы даже не заметили, что жизнь ваша прожита, юность прошла, умерли цветы ваших мечтаний, иллюзий, надежд и, как признак старости, седина покрыла серебром волосы... Пусть так! но все-же цель, за которую вы боролись, за которую погибли ваши единомышленники,—достигнута...

И постепенно ваше чело проясняется, утихает душевная боль...

Ведь жизнь прожита не даром! не напрасны страдания, не бесполезны жертвы братьев-мучеников—под звон оков и свист бичей народилась новая прекрасная жизнь!

И вот теперь, когда мы свободны, когда не чувствуешь себя на положении затравленного зверя, не ощущаешь петли на шее и не ждешь казни в Семеновском застенке—душа так полна благоговением к погибшим, замученным борцам, что нет слов д л я выражения его. В силу этого мне хочется, хоть в нескольких строках, остановиться на одном из них, судьба которого мне рисуется наиболее трагичной.

Юноша с бледным детским лицом, с вдумчивыми голубыми глазами, живой, энергичный, общительный, жизнерадостный—таким представляется мне Василий Неррис,—Вася, как звали мы его. Полуребенок с душою героя... Об его детстве, его прошлом я совершенно ничего не знаю, хотя он меня очень интересовал, но недостаток свободного времени и другие вопросы мешали нам поговорить по душам о личной жизни...

Сын сибирского еврея кантониста, Вася, кажется, насколько помню из его слов, осиротел довольно рано. Судя из отрывочных его расказов, детство его протекло не в особенно радужных красках. Когда и где он выучился грамоте и где учился—не знаю, но из его споров со своими политическими противниками, а также и по тем небольшим речам, которые он писал, выступая в качестве агитатора среди крестьян и солдат—я заключаю, что он был хорошо развит, много читал и разбирался в прочитанном. Когда и каким образом он появился в нашей революционной среде—не помню, но познакомился я с ним при следующей обстановке.

Лето 1918 года было особенно бурным и тревожным в жизни Забайкалья вообще и Читы в частности. На востоке появился японский содержанец—Семенов, угрожавший нашей рабоче-крестьянской власти и всем революционным завоеваниям. Трудовое население готовило отпор бандиту, происходили съезды, митинги, собрания, где пропагандировалась вооруженная борьба с узурпатором. Спешно шла организация красной социалистической армии и гвардии. Это был еще тот период, когда идея соглашательства, идея Учредительного собрания жила в некоторых слоях общества и не хотела сходить с исторической сцены.

Вот почему часто, наряду с призывом к борьбе против контр революции, левые ораторы громили идею Учредительного собрания, „Учредилки“, как многие выражались, противопоставляя ему Советскую власть. Интересное, живое время переживали мы тогда. Вспоминаю я о нем с удовольствием! Являясь постоянным участником всех рабочих митингов и собраний—я часто замечал, как после речи оратора, во время перерыва, в группах учащейся и рабочей молодежи разных направлений усиленно дебатировался вопрос, затронутый оратором, и одним из ярых и остроумных спорщиков был молодой юноша, среднего роста, худощавый, бледный. Его горячие речи в защиту советов, его остроумные и находчивые ответы сторонникам соглашательства с буржуазией заинтересовали меня. На мой вопрос, кто этот юноша, я получил ничего не значущий ответ: приезжий из Иркутска Но через короткое время события столкнули меня близко с этим юношей энтузиастом—и это был Василий Неррис.

Я заведывал информационным подъотделом при Забайкальском Областном Исполнительном комитете, а также работал в коллегии агитаторов и пропагандистов. Несколько раз мы обращались при помощи газет к революционной молодежи с призывом ехать в область в качестве агитаторов и информаторов населения о текущем моменте. Часть молодежи откликнулась и среди них был Вася Неррис. После некоторой проверки знаний, Вася был нами принят в качестве агитатора и пропагандиста и вступил в нашу товарищескую семью, где было много славной революционной молодежи, как например Сергей Широких, Косихин—матрос, Арнольд Иванов, впоследствии казненный Семеновым, и ряд других товарищей. И так Вася стал постоянным членом агитаторской коллегии и оказался одним из лучших пропагандистов. Он посещал собрания в городе и ездил несколько раз по деревням. В это время я близко сошелся с ним и узнал, какой это был прекрасный человек и стойкий революционер. Иногда целые часы я проводил с ним в беседе или спорах.

На мои вопросы об его политическом credo, Вася отвечал, что считает себя большевиком, но к партии не принадлежит, потому что еще не решил для себя этого вопроса.

— Я чувствую, что большевизм меня не удовлетворит, тут чего то не хватает... Это еще не настоящее!..—и замолчит, неокончив начатой мысли, и глубоко задумается.

Помню, часто спорили мы с ним на тему о рабочем контроле и о социализации производства.

Говорю ему:—вот, Вася, вы, как большевик, обвиняете правых социалистов в соглашательстве и бичуете их за это. А сами и незамечаете того, что в области рабочего вопроса, в области экономики вы ведете рабочих к соглашательству с той же буржуазией, предлагая рабочим контролировать капиталистов вместо того, чтобы отнять у них капиталы и все орудия производства и сделать их общественными.

—Сознайтесь, Вася, ведь это—соглашательство?...

Со всем своим молодым задором набрасывается он на меня и старается доказать, что тут соглашательства нет, приводит доводы, что этот вопрос еще не успели рассмотреть, что он будет разрешен не в пользу соглашательства, что это—недоразумение, и пойдет, пойдет... Но в конце концов сознается, что прав я.

Иногда, желая подзадорить его, говорю:—Вот, Вася, заключили вы мир с Германией, а что если в один день случимся мы с вами под властью немецкого юнкерства... и полетят вверх тормашками все наши социализации и национализации?!...

Глаза его загораются огоньком и он с глубокой верой говорит:

— Нет, товарищ Жуковский, этого не может быть!! Русский народ, совершивший такой громадный переворот и показавший чудеса подвигов, не может быть рабом!...

Эта глубокая вера еврейского юноши в русский народ, в его революционность—действовала на меня всегда особенным образом.

В этот период Читинским Союзом Соц. Рев Максималистов под моей редакцией издавался журнал: „Знамя Максималистов“, в котором, между прочим, печатались мои воспоминания из революци-

онной жизни, а также и мое покушение на..... Подходит однажды Вася ко мне с номером журнала в руках, глаза блестят как то особенно, и горячо жмет мне руку со словами:

— Так вы - террорист, вы участвовали в терроре—я сейчас в журнале прочел,—говорит и смотрит мне в глаза с какой-то восторженностью.

— Да, Вася, террорист, но плохой, потому что настоящие террористы почти все на эшафот пошли, а я, как видите, цел и невредим.

Вася недоверчиво качает головой.

И вот новая тема для бесед. Ему хочется знать, как я убивал прокурора, что переживал сам. Его интересует история террористической борьбы, ее деятели. Ои восторгается подвигами Осинского, Перовской, Желябова, Володи Мазурина; видно, что он сам мысленно переживает эти подвиги, мечтает о них.

Частенько отрывками беседуем мы с Васей на излюбленные темы и я замечаю, как перерождается этот человек, как выростает в моих глазах. Это уже убежденный народолюбец—террорист, готовый на самопожертвование, на подвиг не под влиянием минутного аффекта, а той глубокой внутренней силы веры, которая заставляет людей идти с улыбкой на эшафот. Дальнейшая судьба товарища Нерриса доказала, что я не ошибся в его характеристике. Беседовали мы и на тему о максимализме вообще и всю немногочисленную литературу по этому вопросу Вася прочел от корки до корки. Так или иначе, но тов. Неррис стал убежденным максималистом и вступил в члены нашего союза.

Он часто высказывал искреннее сожаление, что не мог принимать участие в революции 1905—6 годов, в эпоху расцвета террора. Ему так хотелось совершить что нибудь особенное, выходящее из пределов повседневного.

—„А скажите, товарищ Жуковский, ведь и теперь можно применять террористические акты. Вот на Семенова, Хорвата...

—„Да, Вася!—Семенова и Хорвата убить следовало бы. Это имело бы большое значение, но они—далеко, и нам с Вами до них не добраться.

Вася молчит—доводы мои о недосягаемости их для него не убедительны.

Нужно заметить, что вопрос об убийстве Хорвата и Семенова максималистами обсуждался несколько раз на комитетских собраниях и принципиально был решен в положительном смысле, а на одном из собраний было даже вынесено пожелание о скорейшем осуществлении этих актов, были, кажется, и охотники, предлагавшие себя для этого, но почему мы не сделали даже попытки к убийству этих палачей—я не могу припомнить. Но Неррис мое сообщение о принципиальном решении убить Семенова и Хорвата выслушал с большим удовлетворением и даже с радостью.

Думал ли я, что все это окажется впоследствии роковым для

товарища Нерриса?

Наступала реакция. Выступили спровоцированные чехи, занявшие Западную Сибирь и Владивосток, и вкупе с нашей предательской буржуазией тесным кольцом сжимавшие то пространство Забайкалья и Приамурья, где еще жила Советская власть. Но мы еще не хотели сдаваться, мы думали о борьбе, о победе.

Вася уезжал в область, агитировал против чехов, а я с товарищем Бутиным делегировался на Дальневосточную конференцию Советов в город Благовещенск. Это было в средине августа месяца 1918 г. Прощаясь с моим учеником и другом ни я, ни он не подозревали, что видимся в последний раз, что это прощанье —на веки и что один из нас через 4 месяца наденет мученический венец.

С конференции мы приехали в день занятия Верхнеудинска чехами. Чита представляла из себя настоящий вооруженный лагерь; все были на ногах, происходила эвакуация города.

А через два дня, я больной, разбитый и физически, и нравственно, изнервничавшийся, уезжал под чужой фамилией по направлению Благовещенска—Вася же где то в деревнях Забайкалья призывал трудовой народ к защите Советской власти.

В Читу он приехал, когда город уже был занят бандами белогвардейцев и был призван на военную службу. Начались казни, погиб В. М. Серов и ряд других товарищей. Чита превращалась в застенок. Началась жизнь в подполье. Организовалась революционная группа из представителей оставшихся советских партий, возникла боевая организация С. Р. Максималистов, во главе которой стал казак, тов. И. Григорьев Готовилось покушение на палача Семенова и его сподвижников. В октябре или ноябре 1918 г., по постановлению организации, в больнице Красного креста, был убит несколькими выстрелами из револьвера главный сподвижник Семенова, прапорщик Валяев - убийца скрылся.

Подготовка покушения на Семенова продолжалась усиленным темпом и Вася принимал во всем этом самое горячее участие; но тяжесть условий, при которых совершалась эта подготовка, замедляли дело. Было отвергнуто несколько планов, а вампир продолжал сосать людскую кровь. Так дело дотянулось до декабря месяца.

Участники этого предприятия—публика в большинстве случаев мало опытная в боевом деле, недостаточно выдержанная—стали нервничать, горячиться. Настало, наконец, роковое 20 декабря 1918 года.

Вечером этого дня в Мариинском театре шла какая-то пьеса, на которой должен был присутствовать сам самодержец—Семенов. Вот этим-то случаем и решили воспользоваться террористы. Вооружившись наганами и двумя бомбами (гранатами) Вася вместе с тов. А. Софоновым проникли в театр, взобрались на галерку и расположились против ложи кровавого атамана, которая находилась внизу....

Театр переполнен, народу—тьма, но зоркий глаз Васи видит, что если и будут лишние жертвы, то их не особенно и жаль: все это семеновские прихвостни и дамы-белогвардейки. Откладывать до другого раза не приходится. Упустишь—не вернешь, а там кто знает, когда удастся подкараулить зверя в другой раз..... Минута колебания и Вася решает: *теперь или..... никогда!*

А театр живет своей шумной жизнью; толпа и не подозревает, что именно в этот вечер народный мститель напомнит кровавому атаману, что мучить народ, пытать его в застенках безнаказанно нельзя,—судный час недалек.

Полупьяный атаман, пришедший, очевидно, из застенка, где только что наслаждался мучениями своих жертв, развалился в ложе среди патриотических кокоток и заплечных дел мастеров.

Наконец гаснет электричество. Приподнимается занавес и открывается сцена... мертвая, напряженная тишина, чувствуется дыхание Рока неизбежности!...

Вдруг среди этой мертвящей тишины, шипя пролетели с верхней галлереи две бомбы, брошенные тов. Неррисом и Сафоновым в ложу кровавого атамана. Раздался страшный оглушающий взрыв, послышались стоны среди семеновской свиты, истерические вопли белогвардейских дам и среди всего этого бледный, перетрусивший, обрызганный кровью полулежит палач, раненый в ноги. Судьба сберегла его на этот раз для того, чтобы он дожил до своего полного морального и физического поражения, до того дня, когда он, под проклятия всего населения, с именем Каина будет с позором изгнан из Свободной России, или же присужден к позорной казни судом народа.....

Пользуясь суматохой, произведенной взрывом бомбы, Вася и его товарищ, пробившись с оружием в руках, скрылись.

Не трудно представить какое действие произвел этот акт на семеновскую шайку. Это был удар грома на безоблачном небе. Агенты Семенова растерялись. На ноги была поднята вся шпионская стая, которой удалось случайно арестовать тов. Косихина, Григорьева и др. единомышленников Васи, но сам он исчез, и первое время поиски его не привели ни к чему.

После покушения Вася некоторое время скрывался среди рабочих, на конспиративной квартире, а затем, снесшись с Благовещенской подпольной организацией через М. А. Филиппову—решил пробраться в Благовещенск.

Но, видно, не суждено ему было уйти из рук палача.

24 января 1919 г. мы прочли в газете заметку, что в Чите арестован главный участник покушения на Семенова, который сознался в этом.

Хотя фамилия задержанного и не упоминалась, но я чутьем угадал, что это—Вася. В душе словно что то умерло. Я знал, что в лице Васи мы теряем одного из лучших товарищей, бойцов за рабоче-крестьянское дело.

На экстренном совещании нашей фракции решено было, во что бы то ни стало, выяснить подробности его ареста, узнать об его судьбе, а если можно, то принять шаги к его освобождению. Были отпущены средства и Мария Афанасьевна спешно уехала в Читу.

Но было уже поздно. Вася был казнен мучительной смертью, и в живых она уже его не застала.

Возвратясь, она сообщила нам следующее: Вася пробирался в Благовещенск, но, благодаря предательству, был задержан в поезде около Нерчинска и доставлен в Читу.

Первое время Неррис отрицал свое участие в покушении, но после адской пытки и очной ставки с солдатами, его выдавшими, —сознался в своем участии в покушении и дал следующие показания:

„Покушение совершил по постановлению Союза Соц. Рев. Максималистов. За исполнение этого покушения взялся добровольно, желая отомстить Семенову за расстрелы, порки, издевательства и т. п. акты, которые совершались семеновскими отрядами. Организация дала мне снаряды и двух помощников, фамилии которых не знаю. Они присутствовали во время покушения и помогли мне скрыться после покушения."

О дальнейшей судьбе Васи существует много различных версий, но все они сходятся в одном, что *его подвергали в продолжении многих дней самым жестоким, средневековым пыткам и у живого сняли верхнюю часть черепа с головы.* Насытившись пытками, господа доблестные офицеры—эти патентованные мерзавцы—казнили героя.

Кажется, одновременно с ним подверглись пытке и были казнены его товарищи: Соколовский, Косихин, Ив. Григорьев и др.

В семеновском застенке в Маккавеево, на одном из потолков вагона-тюрьмы есть надпись, сделанная, по словам других заключенных, Васей: «*Завтра я, вероятно, буду убит... О, скорей бы окончились все эти страдания..... И вот предо мною откроется новый лучезарный мир!...*»

Бедное дитя! Даже в кошмарном семеновском застенке, среди кровавых пыток, ты сумел сохранить свою великую веру в идеал. На краю могилы ты грезил о новом лучезарном мире. Ты стремился к самопожертвованию, искал подвига, мученичества, и судьба дала тебе подвиг, наградила венцом мученичества—бессмертия.

Тот, кто побывал в когтях прислужников буржуазии, в когтях офицеров—тот заслужил свой отдых. Ты перенес все муки, какие только можно перенести, ты выпил до дна чашу страданий, ты заслужил свой отдых. Пусть в безвестной могиле тебе грезятся светлые лучезарные сны!

Вася! Чувствуешь ли ты, что уже во всех уголках земли загорелся пожар мировой революции, слышишь ли ты, что к месту твоих мучений и твоей гибели приближается Свободная Социалистическая армия под красным знаменем труда? И там, на месте

застенка, где гибли вы, мученики идеи — благодарный народ в память вашу построит светлый храм свободы и братства.

Спи, гордый мученик! Мир тебе! *И. Жуковский.*

Памяти В. М. Серова.

Просматривая мартиролог борцов за свободу, среди них я увидел фамилию Василия Матвеевича Серова.

Не хочется верить, не хочется согласиться с тем, что его уже нет и он погиб трагическим образом.

Ясно представляешь себе его фигуру и с болью в сердце вспоминаешь о пережитом с ним вместе не теперь, а во времена еще досоциальной революции, когда у нас было еще полицейское государство, во главе которого стояли Столыпины, Щегловитовы и т. п. Вспоминаешь его ласковую натуру, готовую во всякое время придти на помощь кому угодно и для кого угодно.

Насколько я его знаю, настолько я поделюсь с вами, товарищи, и, полагаю, сведения мои будут не безынтересны тем более, что Василий Матвеевич Серов—видный советский деятель, о котором здешняя местная публика мало знает..

Василий Матвеевич Серов родился в г. Хвалынске, Саратовской губ. в 1878 году. Происходил из чисто крестьянской семьи и, как говорят, рано лишился отца, жил с матерью, братом и сестрой. Мальчик он был способный, учился хорошо и кончил городскую школу. После окончания школы Василий Матвеевич поступил писцом к какому-то местному, кажется, земскому, начальнику. Последний, очевидно, заметил способности молодого человека и посоветовал ему готовиться в Казанский учительский институт.

Поданная мысль послужила сильным толчком совершенно к новой жизни, о которой он, быть может, мечтал с большой робостью. А поэтому Василий Матвеевич с большим рвением стал готовиться и в то же время не оставлял своей службы.

Интересно, насколько он был способен видно из того, что он большей частью для поступления в институт готовился сам, без чьей либо помощи и благополучно выдержал экзамен.

После окончания Казанского учительского института был учителем в Аткарске (Саратовской губ.). Пользуясь приобретенными знаниями, он сейчас же постарался вдохнуть их в брата и сестру. Первого он приготовил на земского учителя, который впоследствии и учительствовал. Сестра тоже была им подготовлена за четыре класса гимназии, выдержала экзамен и поступила на акушерско-фельдшерские курсы, кончив их была акушеркой-фельдшерицей.

Само собой понятно, сколько потребовалось труда и энергии вытащить сестру и брата на путь к свету и знанию.

Проделав эту благородную работу, ему как будто тут нечего

было делать. Полученные знания в институте его далеко не удовлетворяли, да и общественная жизнь маленького провинциального городка казалась ему слишком узка. Его душа стремилась к простору, к кипучей жизни, от которой можно получить всю духовную пищу и использовать во время всю свою молодую энергию на пользу себе и алчущим знания тогда петроградским рабочим. Он уехал в Петроград Это относится к 1902 году.

Действительно Василий Матвеевич нашел там все, что хотела его энергичная натура. Во первых, по приезде в Петроград он поступил вольнослушателем в университет на историко-филологический факультет, на котором пробыл около двух лет. На материальную помощь из дома абсолютно расчитывать он не мог, поэтому учительствовал в городской школе и этим самым добывал себе кусок хлеба.

В то же время в продолжении всего своего пребывания в Петрограде был сильно занят партийной работой. Как известно, тогда велась усиленная пропаганда среди петроградских рабочих. Василий Матвеевич имел определенный район, в котором и вел кружковые работы.

В 1904 году на одном партийном собрании ночью ворвавшиеся жандармы арестовали Василия Матвеевича и препроводили в дом предварительного заключения.

Просидев там 6 месяцев, он под конвоем был увезен в Саратов и сдан под надзор полиции. Тогда в Саратове издавалась газета „Приволжский Край“ (чисто эсдековского направления). Василий Матвеевич, как только приехал, сейчас же стал в ней сотрудничать. Из Саратова переехал в Хвалынск, продолжая работать в указанной газете, давая периодические статьи под названием „Письма из Черемшанского края“. Статьи имели огромный интерес как в Хвалынске, так и в Саратове.

Во время революции с 1905 года был то в Хвалынске, то в Саратове, принимая деятельное участие в революции и выступал, определенно как большевик, вплоть до выборов во II Думу 1906 года.

В 1907 году был избран депутатом во II Государственную Думу от Саратовской губернии, как социал-демократ.

По приезде в Петроград он вступил в социал-демократическую фракцию II Госуд. Думы. Но социал-демократическая фракция в начале же работы раскололась на большевиков и меньшевиков, т. е. Ленинцев и Плехановцев,—половины оказались далеко не равные: большевиков 13, меньшевиков 48. Внутри фракции происходила сильная борьба между расколовшимися социал-демократами и Василий Матвеевич, примкнувший к большевикам, всегда горячо защищал свою точку зрения.

Во время сессии II Госуд. Думы ездил на Всероссийский социал-демократический съезд в Англию.

Как известно, II Гос. Дума была разогнана Столыпиным и К-о, и социал-демократическая фракция вся целиком была схва-

чена и брошена в тюрьму, в том числе и Василий Матвеевич Серов.

Депутаты названной фракции были судимы и в процессе суда разбиты на четыре группы: 1-ая группа получила 5 лет каторги, 2-ая 4 года, 3-ья поселение в Сибирь и 4-ая освобождение. Василий Матвеевич попал в первую группу, т. е. получил 5 лет каторги.

Отбывая с ним вместе каторгу в Петроградской пересыльной тюрьме, я подмечал все положительные стороны его благородной и в высшей степени мягкой, отзывчивой души. С чем бы к нему не обратились, в какое угодно время, был ли он раздражен (что в тюрьме нередко бывает), занят ли он серьезным делом и в какое угодно время он всегда был к вашим услугам, всегда помогал, указывал, поучал без малейшего волнения. Занимался он в тюрьме английским и немецким языками, интересовался современной литературой, а особенно сильно следил за партийной работой (нам удавалось получать сведения с воли).

В 1911 году Василий Матвеевич был отправлен из Петроградской пересыльной тюрьмы в Сибирь, в Горный Зерентуй, где он и отбывал остаток каторги, но сидя в Горном Зерентуе сумел и тут использовать время на пользу ближнего. Он учил арестантских детей, а также готовил детей с воли в средне-учебные заведения.

В 1912 г. в мае месяце окончил срок каторги и был водворен на место ссылки в г. Мысовск (Забайкальской обл.).

Тут Василий Матвеевич окончательно окунулся в педагогическую деятельность. Всесторонне образованный, с большим педагогическим умением, своей неустанной работой, он пользовался в окрестностях Мысовска огромной популярностью и привлекал всеми этими положительными качествами родителей учащихся, которые предпочитали его, как опытного педагога, другим преподавателям.

Не забывал он и партийной работы, им же в Мысовске была организована из местной молодежи социал-демократическая группа, из которой впоследствии вышли деятельные работники марксисты. Удивительно, сколько у человека было энергии.

Приезжая к нему в Мысовск, я замечал, что он зачастую часов до 2 до 3-х занимался, после трех брал книгу, читал до тех пор, пока его снова не звали часов в восемь утра к пришедшей группе учеников заниматься—Василий Матвеевич, не уснув ни на минуту, шел.

Так проходила его деятельность в ссылке.

Не задолго до революции его потянуло в город. Приблизительно в начале 1916 года Василий Матвеевич переехал в Верхнеудинск. В это время открывалось торговое училище, куда Василий Матвеевич поступил и был утвержден директором названного училища. Не мало было с его стороны хлопот, как можно лучше обставить новое училище, стараясь вдохнуть в него новые

струи педагогики более свежие, чем затхлые и шаблонные, существовавшие до революционного времени.

Но вот наступил момент революции, которая смела весь старый прогнивший строй и выдвинула новые радикальные социалистические проблемы. Это видно было по ее гигантскому размаху. Василий Матвеевич это глубоко учел.

Числа 3 и 4 марта после полученных сведений из Петрограда в Верхнеудинске было глухо. Обыватель, напуганный прежней полицейской нагайкой, говорил шопотом о происходившем в Петрограде. Держиморды все еще расхаживали по улицам (вроде уездного начальника и его помощников). Никаких собраний, официальных объявлений о падении старой власти не было. Выявить все это наружу взяла на себя Верхнеудинская социал-демократическая группа, собравшаяся из семи человек в квартире товарища, в лице исполнительного комитета.

И когда сделал только что прибывший из Иркутска командированный товарищ доклад, только тогда мы в полном объеме узнали о происходивших событиях, а равно и о революции и о ее последующих возможностях, глубоко взволновавших нас всех, а в о с о б е н н о с т и, восприимчивую душу Василия Матвеевича. Нахлынувшее ему в душу счастье и восторг грядущей революции вырвались наружу—он зарыдал, упав на грудь рядом сидящему товарищу. Это рыдание, товарищи, было трогательно, оно на меня лично произвело глубокое впечатление, я понял душу и сердце Василия Матвеевича. Он рыдал от избытка счастья, что наступил наконец желанный момент, это рыдание было отданием себя в жертву революции и готовностью идти на все до с а м о г о конца... Но это было мгновенье. Василий Матвеевич, быстро очнувшись, вспомнив, что он был председателем, немедленно приступил к составлению порядка вопросов.

Бледная усталость от пережитого оставила на его лице отпечаток.

Вскоре после этого стали организовываться Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов и Комитет Общественной Безопасности. На первом же собрании С. Р. К. и С. д. Василий Матвеевич был единогласно избран председателем. На посту председателя Верхнеудинского Совета много ему пришлось претерпеть от буржуазии сплетен, инсинуаций и разных препятствий, но он неуклонно шел по пути советской власти, бдительно оберегая ее от ударов буржуазии. Лозунг: «да здравствует революционный социалистический фонд» не сходил с его уст.

Как мягкий, отзывчивый человек, он часто спасал буржуазию от очень неприятных для них вещей и, можно сказать, от смерти: если бы не Василий Матвеевич—камня на камне не осталось бы от Верхнеудинска и вы, буржуазия, погибли бы под этим обломками. Несмотря на такое великодушие вы его убили, убили без ма-

лейшей жалости, мало того, вы его истязали в семеновских разбойничьих застенках Читы..

Еще пример, рисующий его великодушную благородную душу. За разные противосоветские выступления и вообще за контрреволюционную деятельность было решено арестозать около 200 человек офицеров и прапорщиков. Плохая бы их участь ожидала, но Василий Матвеевич и тут стал на защиту их, стараясь миновать крови, и медлил в отношении ареста и довел тот список до 30 человек, да в сущности и последние 30 человек не были арестованы. А вы, безумные, тупоголовые, жестокие офицеры и прапоры тогдашнего времени и принимавшие участие против советской власти, что с ним сделали? Неужели вы думаете и думали, что только в кровожадной расправе и заключается государ. переустройство?..

В 20 числах августа 1918 года под напором банды во главе с Гайдой, Василию Матвеевичу пришлось уехать в Читу. Там же он и нашел мученическую смерть...

Масса было версий об исчезновении Василия Матвеевича Серова, но одна из них более правдоподобна.

В Читу он уехал вместе с женой, а т. к. Чита вскоре была взята и «молодцы» временного правительства и разбойник Семенов рыскали по городу, как кровожадные звери, ища себе все новых и новых жертв, в силу этого Серов с женой жили на разных квартирах.

Тяжело, очевидно, было на душе Василия Матвеевича, тяжкие боли испытывало его сердце, это, видно, и явилось причиной его выхода на улицу днем (я не помню которого это было числа, хотя оффициальные сведения были в читинской газете, указывающие число, когда был схвачен Серов. Приблизительно, в последних числах сентября 18 г.)

Василий Матвеевич вышел и направился в квартиру жены, но, к несчастью, не застал ее дома, и наказав прислуге, что «если она вернется, то пусть подождет—я приду», вышел снова на улицу и направился к садику Жуковского, где, очевидно, хотел переждать. Неподалеку от входа в садик сидела группа офицеров (надо полагать—эти офицеры были верхнеудинцы), т. к. при входе они его сразу узнали. Как только он вошел, сидевшие офицеры вскочили прямо к нему с вопросом:—ты Серов?—Да, Серов—ответил Василий Матвеевич спокойно.—Револьвер есть?—Нет—ответил он также спокойно. Офицеры схватили и отвели его в вагон, служивший, как специальный застенок „молодцов“ Семенова и бывшего Сибирского Временного Правителя. Битью и истязанью не было конца. Когда Василий Матвеевич приходил немного в себя, то спрашивал: скоро ли его расстреляют? А когда его вели на казнь, то он был в почти бессознательном состоянии, с выбитым глазом; сам он идти не мог, поэтому палачи вели его на лобное место под руки.

Как только жена пришла домой, ей сообщили, что был муж и, не застав ее дома, вышел. Она инстинктивно почувствовала,

что близкому человеку грозит опасность. Она сейчас же бросилась искать, кидалась по разным „учреждениям“ и семеновским застенкам. Ответ палачей был лаконичен: нет, не видали.

Но всетаки, очевидно, утешая себя призрачными надеждами, что Василий Матвеевич жив, не убит, она еще порядочное время оставалась в Чите. Но, увы! Надежды не оправдались, муж не возвратился и все попытки ее, хоть что-нибудь узнать, оказались тщетными.

Разбитая физически и нравственно, исстрадавшаяся без мужа, с двумя маленькими детьми и без гроша в кармане она вернулась в Верхнеудинск

В силу безвыходного материального положения она вынуждена была почти сейчас же, по приезде из Читы, поступить тут же, в Верхнеудинске, учительницей в одну из правительственных школ. С больной, исстрадавшейся душой и сердцем, при чем еще не оправившись от своего горя, в рваных башмаках, под злорадные насмешки слабых натур коллег, желавших что-то заслужить у нового начальства, она ходила на занятия в школу, дабы добыть себе и маленьким детям необходимый кусок хлеба...

Так погиб незабвенный Василий Матвеевич в великой социалистической борьбе, борясь всю жизнь за те великие идеалы социалистического общества, неизбежный путь к которым показал великий ученый 19 столетия, но идея жива и будет жить вечно.

В. Чащин.

Николай Федорович Степанов.

Николай Федорович Степанов (Николай Галайкин) родился в 1882 г. в г. Киеве Образование получил в киевской духовной семинарии. До октября месяца 1905 г. состоял членом Р. С. - Д. Раб. партии гор. Одессы. После октябрьской революции 1905 г. вступил в Далницкую группу анархистов-коммунистов г. Одессы, а через год был арестован и выслан административно в Тобольскую ссылку. В Тобольске т. Николай получил 10 лет каторги за участие в покушении на жизнь тобольского губернатора. Наказание отбывал на Нерчинской каторге. Отбыв срок в 17-м году он должен был ехать на поселение в Якутскую область, но революция задержала его в Чите. В мае месяце 1917 г. он, при участии др. товарищей, организовал читинскую группу анархистов, после чего всецело отдался общественной работе, как представитель от рабочих Дальнего вокзала. Далее принимал участие в создании рабочей красной гвардии. После перехода власти Советам т. Николай служил в революционном штабе делопроизводителем. В апреле месяце 1918 г. он, с санкции властей, взялся организовать покушение на атамана Семенова и попутно с этим—перевезти оружие из Сре-

тенска на Семеновский фронт. Покушение не удалось, так как один из участников был арестован семеновцами и расстрелян в Маньчжурии. При производстве дознания план покушения был раскрыт и продолжать это дело было невозможно, после чего т. Николай поехал по казачьим станицам для мобилизации казаков в ряды красной армии и организации советов. В Забайкалье деятельность его протекала под именем Павла Петровича Вольского.

В сентябре месяце 1918 г. т. Николай прибыл в г. Благовещенск, где и застал его переворот. В конце 1918 г. он вступил в „мухинскую" организацию, но вскоре заболел и ушел от работы. После разгрома „мухинской" организации и наступившего продолжительного затишья, т. Николай проявил свою огромную инициативу в организации знаменитого «Центрального Революционного Штаба г. Благовещенска», в котором он был центральной фигурой. В это время т. Николай весь отдался революционному делу, работал, не покладая рук, с утра до поздней ночи, и его огромного роста фигура мелькала то в одном, то в другом конце города. Обладая огромным природным критическим умом, он вникал во всякое дело, большое ли оно было, или маленькое. Его внушительный взгляд и уверенность тона внушали в людях серьезное к нему отношение, а талантливость речи, пересыпаемой врожденным украинцам остроумием, простота и задушевность разговора,—покоряли простые рабочие сердца. Благодаря удачному подбору искренно отдавшихся революционному делу людей, в городе была создана могучая подпольная организация, дававшая первоначально инициативу в области; было подготовлено выступление и план был настолько остроумен, подробно разработан и прочен, что едва-ли, работая легально, можно допустить создание такой стройной организации. Во всей этой гигантской работе т. Никита, как его звали все, был центральной фигурой.

15-го октября 1919 г. вечером т. Николай случайно был арестован. 20-го октября, будучи приведен на допрос, он пытался убежать из военного контроля, но бросившиеся в погоню офицеры и японцы нашли его на втором квартале сидящим под деревом и, нанеся штыковую рану в левую руку, схватили и доставили обратно в военный контроль. 21-го октября военно-прифронтовый полевой суд в спешном порядке разобрал его дело и, несмотря на отсутствие улик, приговорил его к смертной казни. Приговор приведен был в исполнение 22-го октября в 4 ч. пополудни. Расстреляли т. Николая разрывными пулями.

Да будет земля тебе пухом, честный, стойкий работник!

На смерть Н. Степанова и Василька (Васильева).

Не звучит та труба,
Не весенний то гром
Раздается на воздухе чистом—
Это песня труда,
Это гимн бойцов,
То хоронят борцов анархистов.

За святую любовь,
За свободу идей,
Принесла смерть им пуля со свистом.
Пролилася их кровь
За гонимых людей....
Их хоронят теперь анархисты.
Погубил их террор,
Буржуазии гнет,
Пир кровавый, разгул монархистов,
И поет теперь хор,
И хоронит народ
Своих братьев, борцов-анархистов.
И оркестр гремит,
Звуки плачут—поют,
Разливаясь на воздухе чистом,
Скорбь на сердце горит
Слезы... слезы бегут...
Память вечная им, анархистам!
За идею труда
На борьбу они шли
По дорогам неровным и рвистым,
Их идея вела—
За нее смерть нашли.
И мы память поем анархистам.

Черный.

Памяти тов. Василька.

Степан Иванович Васильев (тов. Василек) родился 28-го декабря 1899 г. в г. Иркутске. Окончил землемерное училище в г. Красноярске и поступил в томский технологический институт, но революция 1917 года всколыхнула в нем его далеко не юношеские мысли и он отдался общественной работе. Т. Василек являлся одним из организаторов томской группы анархистов, после разгрома которой во времена царствования Керенского переехал в Красноярск.

Владея прекрасно языком эсперанто, он читал лекции по этому языку и вел довольно успешно анархистскую пропаганду среди учащейся молодежи

Прибыл т. Василек в Благовещенск в декабре 1918 года. Живя первое время легально, он читал лекции по эсперанто, вел агитацию в частных беседах против Колчака среди солдат, казаков и вообще той среды, в которой вращался сам.

В 1919 году т. Василек уже отдался революционной работе со всем пылом юношеской души: издавал подпольную газету «Вольное Слово», ездил в область для организации отрядов, налаживал в Благовещенске военную организацию и прочее. Несмотря на сильную болезнь (ревматизм) был хорошим исполнителем и никогда не отказывался от любого, предложенного ему, революционного дела. Он проповедывал террор и сам лично участвовал в террористических актах. Так, напр., он собственноручно убил в Алексеевске Бабицкого, сам охотился на знаменитого „Кешку Косого", организовал покушение на жизнь начальника политической контрразведки Ф. Д. Васильева.

10 ноября 1919 года т. Василек был застигнут на квартире у своих знакомых «героями» раскаленных шомполов и нагаек во главе со своим начальником Васильевым.

Тов. Василек выпрыгнул в окно и бросился бежать; за ним по

пятам погнался начальник контр-разведки Васильев. Тов. Василек, чувствуя, что, благодаря ревматизму, бежать ему невозможно, круто повернулся и выстрелил в упор по гнавшемуся за ним начальнику контр-разведки, но, к сожалению, револьвер дал осечку, чем воспользовался начальник „героев“ и выстрелом из нагана убил т. Василька.

Так прекратилась молодая, пылкая, многообещающая жизнь.

Спи мирно, стойкий, юный борец, за рабоче-крестьянское дело! Знай, что твой убийца не ушел безнаказанно от заслуженной им смерти.

За тебя отомстили!

В то время, когда ты умирал, умирал также и твой убийца—начальник «застенка» Ф. Васильев, пораженный пулей мстителя.

Михаил Николаевич Чесноков.

Погиб от руки ничтожного палача-офицера Макарова во время конвоирования из гор. Свободного в Благовещенскую тюрьму в ноябре 1918 года.

Благородный и честный человек, сознательный революционный работник, убежденный коммунист-социалист (большевик) он и в жизни своей на практике осуществил эти идеи. Будучи инженером-архитектором и занимая ответственный пост отдельного производителя работ по сооружению зданий управления Амур. ж. д. и домов под квартиры служащих ж. д. в Алексеевске, Михаил Николаевич еще в 1916 г. завоевал среди всех служащих и, главным образом, среди рабочих самые горячие симпатии.

Всегда трезво и строго логично мысливший, он умело разбирался со всяким вопросом, какой-бы трудности вопрос не был.

Скромный, не гордый и в семье он умел внести в нее интерес и смысл.

Простота—вот что было его о т л и ч и т е л ь н о й чертой. Некрашеные, простые деревянные, из сосны, скамьи и стены—стояли в довольно просторной его квартире; в большинстве случаев столы не покрывались скатертью. Инженер Чесноков и его жена, Лидия Николаевна, оба с высшим образованием, всю домашнюю работу выполняли сами.

Имея в то время две дочери: Наташу 16 л. и Сонечку 4,—два друга, Михаил Николаевич и Лидия Николаевна, отдавали на личное их воспитание не мало времени, проводя свои взгляды и идеи в жизнь.

Как только пробил час царизма и вспыхнула революционная волна, товарищ Чесноков окунулся с головой в революционную работу.

Он едет, спустя несколько месяцев, на 3 съезд Советов Дальнего Востока в Хабаровск и здесь от имени Ам. ж. д. проводит

принципы большевизма.

В начале 1918 года он занимает высокий пост Комиссара Амурской ж. д., получив утверждение из Москвы, и с тех пор, не покладая рук, как комиссар дороги и как член ц. к. ее, работает до самых роковых сентябрьских дней 1918 года, когда вонючая волна грязи вынудила его вместе с другими бежать в тайгу, где, однако, он тяготится разлукой с семьей, и в конце-концов, не выдержав—возвратился в Алексеевск, где и попал в руки презренных палачей, которые настолько были низки и подлы, что не могли открыто судом приговорить его к смертной казни и через гнусную ложь и фальшь, через наемника Макарова—убили чистого и честного человека, борца за интересы трудового народа.

И. П.

Памяти Бориса Вениаминовича Добровенского.

„Пускай он спит в земле холодной,
И память светлую о нем пусть люди сохранят“.

За несколько сот верст от населенного места, в глухой, дремучей тайге скончался от брюшного тифа редактор газ. „Красный Клич“ Борис Вениаминович Добровенский,—скончался как раз в то время, когда красное знамя социальной революции снова развевается над трудовой Сибирью.

Не стало молодой, многообещающей жизни, погиб прекрасный человек, идейный революционер, талантливый организатор, всю жизнь проведший в тюрьмах, ссылке, эмиграции и беспрерывной революционной работе.

Уроженец Малороссии, товарищ Добровенский был осужден в каторжные работы за принадлежность к п. С.-Революционеров и провел целый ряд лет в каторжных централах—Тобольском и Александровском. По окончании срока был сослан на поселение, откуда бежал за границу в Австралию. Вспыхнувшая в 1917 г. революция в России потянула товарища обратно на родину, к любимой революционной работе, в ряды борцов за рабочее дело.

Поселившись временно в г. Чите, тов. Добровенский вступил в ряды партии левых Соц.-Революционеров и принял самое горячее и активное участие в революционной работе, отдавшись всей душой делу. Живой, энергичный, вдумчивый Борис все время работал в партийной организации и в Советских учреждениях, где и был комиссаром Социального призрения.

Когда рабоче-крестьянской революции стал угрожать кровавый и подлый приспешник буржуазии—Семенов, все революционное трудовое Забайкалье зашевелилось, встав на защиту октябрьской революции,—одним из деятельнейших бойцов в его среде был Добровенский, выступавший на митингах и рабочих собраниях с призывом к организации Красной армии для борьбы с узурпато-

ром. В это тяжелое время Борис работал, не покладая рук, не зная отдыха...

После свержения рабочей власти Борис вместе со многими товарищами принужден был перейти на нелегальное положение и уехать из Читы...

Судьба забросила нас в Благовещенск, где мы вместе поселились. Борис жил под фамилией Алгасова. Почти полтора года прожил товарищ на нелегальном положении под постоянной угрозой быть узнанным шпионами и отправленным в Читу, где каждого из нас ждала лютая казнь от руки кровавого атамана.

Но и здесь, живя в положении гонимого человека, Борис не забросил любимого революционного дела. Организовался революционный коллектив Советских Коммунистических партий и в тесной нелегальной квартирке собирались часто его члены; Мухин, Бутин, Повилихин, Костя Жданов, Ерыгин, Лебедева и ряд других товарищей, среди которых был и Борис. Чрезвычайно трудно приходилось работать нам в это время, когда чуть ли не каждый день кого нибудь выхватывали из наших рядов. Один за другим погибли Мухин и Бутин, а целый ряд товарищей попали в тюрьму. Была арестован два раза и Борис Добровенский и оба раза почти чудом ему удалось вырваться для того, чтобы бессмысленно умереть вдали от близких и дорогих людей накануне свободы. Какая бессмысленная жестокость, какая ирония судьбы!

Заброшенный из города в далекую глухую тайгу, где была устроена типография народно-революционной армии, он редактировал газету „Красный Клич“.

Думал ли он, работая там, что желанной светлой поры ему не дождаться, что он не увидит жены и горячо любимого сына, о котором он всегда вспоминал с тоской и нежностью?.

Спи с миром, незабвенный товарищ, любимый друг и соратник! Дело, которое ты так любил, за которое боролся—восторжествовало. Рабочий класс развернул красные знамена социальной революции, празднуя победу труда над капиталом. Он оценит твою работу и жертву, которую ты принес за его свободы. Прощай, боец!.

Жуковский.

Биография С. П. Шумилова.

Сергей Полуэктович Шумилов родился в 1883 году 14 октября в гор. Пензе. Родители его были бедные: отец служил приказчиком и, как большинство в то время, за свой труд, с восьми часов до 10 часов вечера, получал мизерное жалованье, а мать его почти все время хворала, так что маленькому Сереже (у него не было ни братьев, ни сестер) приходилось самому быть за хозяйку дома: он ходил на базар, закупал провизию, кормил домашнюю птицу, убирался в комнатах, а иной раз даже готовил обед. Восьми

лет С. П. поступил в приходское училище, хотя мечтой мальчика было поступить в гимназию, „сделаться доктором и лечить и помогать бедным людям“. Но... как это у нас часто и бывает, за неимением денег у его родителей, ему, пока что, пришлось удовольствоваться только приходской школой. Кончив ее одним из лучших учеников, он поступил в городское училище. Хорошо учась, помогая матери в хозяйстве, он успевал и очень много читать. Будучи еще 15 лет он уже стал интересоваться политикой, а к окончанию городского училища (16 лет) уже был подпольным работником. К этому же времени его родители уехали из Пензы в Самару и С. П., поступив в землемерное училище, остался жить и учиться в Пензе. В этот период жизнь его была черезчур трудная: родители, которые и сами кое как сводили концы с концами, высылали ему денег только за хлеба, а на карманные расходы, на одежду, на учебники, ему приходилось зарабатывать самому перепиской и подготовкой учеников. Любя математику, отдавая ей много времени, он всетаки не бросал, за неимением времени, своей работы в партийной организации. В одно прекрасное время об этой его работе узнает отец, быстро собирается и приезжает в Пензу. Здесь у них произошла крупная ссора. Отец—монархист не мог допустить и мысли о том, чтобы его сын вдруг был „политическим преступником“. Кроме этой ссоры с отцом, ему приходилось чаще еще переносить их из-за этого же и со своей теткой.

В одном из кружков, где собиралась трудовая интеллигенция: художники, литераторы, студенты-практиканты и, отчасти, партийные работники, С П. встретился с молодой вдовой А. И. Бирюковой, у которой было трое детей. Не кончив еще землемерного училища, 20 лет, он на ней женился.

Под давлением отца и тетки, с одной стороны, и заботы о семье—с другой, ему пришлось выйти из партии и окончательно увязнуть в житейских заботах. По окончании землемерного училища он получил назначение землемером в г. Барнаул Томской губ. Здесь он приобрел дом и хотел заняться,кроме службы, домашним хозяйством, но его неспокойный дух все тянул его на новые места (он хотел попасть на Амур, на Камчатку и т. д.) Прожив в Барнауле до 1908 года, он перевелся в Благовещенск и стал усиленно и много работать по своей специальности и заниматься математикой, благодаря чему быстро поднимался по служебной лестнице. Одно время он увлекся изобретением какой-то новой астролябии, но недостаток средств не дал ему окончить начатое изобретение. Обладая громадными познаниями из математики и интересуясь своей специальностью, он провел в жизнь некоторые применения вычислений в области землемерного дела.

С революции 1917 года С. П. опять начинает понемногу выступать как партийный работник, но—потихоньку, осторожно.

При начале советской власти у нас, в Благовещенске, он (выдвинутый партией соц.-рев. максималистов и левых с.-р.) зани-

мал должность заведывающего (комиссара) землемерно-технического отдела комиссариата земледелия, а затем, как хорошо знающий земельный вопрос и нужды крестьян, был председателем земельной коллегии и часто оставался при отлучке комиссара земледелия (который очень часто бывал в отлучке или занят другими делами) за него.

Когда в Благовещенске видные политические деятели советской власти решили бежать, то многие из них (особенно товарищ Патрушев) уговаривали и его ехать в тайгу, но он категорически отказался, говоря: «Помочь вам в военном деле я не могу (он без очков почти ничего не видел), так как из меня плохой солдат и я буду только обузой, а так как я никого не убивал и не грабил, то и меня не убьют, потому что людей-зверей нет, а если и посадят в тюрьму, то все равно скоро опять будет народная-советская власть и меня выпустят. Так он говорил, но его словам «людей-зверей нет» и „скоро выпустят" не суждено было исполниться.

На второй день воцарения в Благовещенске белой гвардии тов. Шумилова арестовали. Из переднего дома, где жил лесничий —белогвардеец, два дня до ареста все время следили белые гады: не побежит ли? Арестовывать его пришел целый отряд под начальством его же бывшего сослуживца—землемера Антонова. Когда он сидел в тюрьме, то ему опять предлагали и просили бежать, но он наотрез отказался.

26-го марта 1919 года вечером их, в числе 18 человек, под предлогом, что берут на допрос в контр-разведку, выдали офицерам и японцам под начальством прапорщика Пономаренко, которые за городской больницей в брошенных ямах кирпичных сараев совершили кровавое, кошмарное дело.

На теле С. П. Шумилова оказалось 9 от пуль и 3 в грудь штыковых ран.

Спи мирным сном, милый папа!

Вечная память тебе, дорогой товарищ и работник!

В. Бирюков

Илья Исаевич Белопольский.

По профессии печатник, жил и работал в Одессе, где в рабочей среде пользовался популярностью. За принадлежность к Р. С. Д. Р. партии в 1909 году был сослан с лишением прав в Енисейскую губернию, до царского манифеста 1913 года проживал в селе Рыбинском Канского уезда; получив возможность передвижения по Сибири, выехал с семейством с места приписки в Красноярск. Ради заработка и пропитания семьи пришлось покойному побывать в Туруханском крае (вышеизложенное описано со слов жены и товарищей). К моменту переворота 1917 года Илья Исаевич жил уже в Красноярске, и мы встретились в первые дни февральской революции. Он произвел не меня впечатление интеллигентного человека, низкого роста, худощавый, даже истощенный на вид. Познакомившись с покойным ближе, побывав у него на квартире, я узнал, что его материальное положение было печально. Работая в обществе Взаимного Кредита он получал жалкие гроши, но личная жизнь у покойного была на втором плане. С самого начала возникновения объединенной Р. С. Д. Р. партии в Красноярске, он состоял ее членом и работал не покладая рук. Как идейный большевик он одним из первых поставил вопрос в партии о размежевании с оборонческим течением. После раскола Красноярской организации С. Д. состоял членом партии большевиков, органом которой была „Сибирская Правда", состоял в ее редакционном коллективе, в тоже время покойный работал в союзе древообделочников, как секретарь этого союза. Принимал участие при национализации лесопильного завода Абокан. Затем Илья Исаевич работал в Центральном Бюро професс. союзов города Красноярска —как опытный профессиональный работник он много работал по организации професс. союзов. После признания Красноярской организацией Р. С. Д. Р. П. Центрального комитета руководящим органом партий обе организации слились, и с прекращением издания „Сибирской Правды" покойный был сотрудником газеты „Красноярский Рабочий" (орган Р. С. Д. Р. П. большевик.), писал в „Известиях красноярского совета", а с переходом власти к советам—в переименованном органе „Рабоче-крестьянская газета". Статьи его отличались всегда ясностью направления. Покойный был сторонник прямых действий, полумер у него не существовало.

Будучи членом губ. Исполкома, при организации совета народного хозяйства был председателем отдела транспорта, где энергично и деятельно работал до последней минуты эвакуации города советской властью. 18 июня 1918 года вместе с другими товарищами при взятии флотилии белогвардейцами в Туруханске, привезенный с последней партией в октябре месяце 1918 года в Красноярскую тюрьму, днем он был расстрелян в числе пяти: Вейнбаума, Яковлева, Дубровинского и Парадовского, не повидавшись даже с семьей: когда на второй день его приезда жена пришла в тюрьму на свидание—товарища Белопольского уже не было в живых. Каково было состояние его семьи—всем понятно (после его смерти остались жена и двое детей: мальчику 6 и девочке 4 года).

Так кончились последние дни страдальца за народ. Покойному было больше тридцати лет.

Вечная память тебе, дорогой товарищ и друг.

И. Олещук.

---

* * *

В поросшей тайгою Сибири,
Одевшейся в белый наряд—
Там белые банды царили;
Там брата расстреливал брат.
Там люди забыли про жалость:
Японец, и рус, и бурят,
Совсем позабыв про усталость,
Днем-ночью расстрелы вели—
Их в этом „идея“ сказалась...
И красные розы цвели
На месте борцов убиенных,
Как будто над гробом - венки.
Но царство злодеев
презренных
Уж пало на веки веков—
Свобода пришла им на смену.
Уж сброшена тяжесть оков,
Кровавые дни пролетели,
И сбылся грезовый из снов.

Теперь из цветов иммортели
Венки на могилу борцов
Мы вновь возложить уж
посмели...
И дело суровых отцов,
Создавших неволю народу,
Кровавое дело стрельцов,
Под звонкую красную оду
Исправили кровью детей
И дали народу свободу.
И вырвав его из сетей
Сказали: «Гряди-же, могучий!
И нет на тебе уж цепей!
Неволи нет грозной, уж тучи!»
Итак, на могилу борцов
Мы бросим роз целые кучи
Исправивши дело отцов.

Черный.

Светлой памяти тов. Денисова.

„Вы жертвою пали в борьбе роковой“.

В день переворота в Никольск-Уссурийске трагически погиб товарищ Петр Денисов, член Воённо-Революционного Штаба.

Тов. Денисов--уроженец Амурской области, гимназист 8-го класса. Молодой, энергичный, отзывчивый он с первых же дней службы завоевал симпатии товарищей сослуживцев-артиллеристов (тов Денисов служил в Артиллерийском дивизионе) и почти с первых-же дней службы начал принимать деятельное участие в тайных антиправительственных организациях. Будучи в походе в Ольге товарищ Денисов состоял одним из деятельных членов тайной организации артиллеристов. Честный и открытый он не мог переносить спокойно действия агентов колчаковской власти и постепенно, шаг за шагом, подготавливал восстание среди артиллеристов. Работа товарища Денисова и его близких друзей единомышленников, трудная сама по себе—в условиях военного режима осложнялась еще тем, что в дивизионе много было добровольцев, сторонников и ставленников Колчака, следивших за каждым шагом каждого «подозрительного» артиллериста.

По возвращении из Ольги в Никольск—тов. Денисов продолжает свою работу, завязывает тесные связи с местной военной организацией.

Создается единый революционный фронт тайных организаций и партизанских отрядов. Когда же избирается Военно-Революционный Штаб, то тов. Денисов. как деятельный работник военной организации, избирается членом Военно-Революционного Штаба. Подготовительные работы по восстанию закончены, штабом разработан план выступления и на тов. Денисова возлагается поднять восстание в артиллерийском дивизионе, что он и начинает делать в ночь на 26 января. Но командование дивизиона, предупрежденное провокатором заранее, принимает меры предосторожности и предупреждения. В результате — тов. Денисов оказывается убитым дежурным офицером Казаковым, при разоружении последнего.

Через несколько часов победа была уже на стороне Революционных войск, но тов. Денисов уже не видел света, он оказался жертвою переворота. Так погиб тов. Денисов—смелый и самоотверженный борец за свободу, но погиб он не напрасно: над его могилой высоко взвилось красное знамя свободы, и потомство наше будет чтить память того, кто, не задумываясь, отдал свою жизнь на алтарь революции!

Спи спокойно, товарищ!

Вечная память тебе—герой-революционер!...

Л. Е.

Памяти Ильи Яковлевича Подглазова.

„Жертвой ты пал за свободу—
Спиже, замученый брат!“

В числе борцов за рабоче-крестьянское дело погиб смертью мученика Илья Яковлевич Подглазов, член читинского союза С. Р. максималистов.

Илья Яковлевич, житель города Иркутска, по профессии рабочий -- электро-монтер .Проживая в 1917 г. в городе Чите, Илья Яковлевич, под впечатлением вспыхнувшей февральской революции, вступил в ряды партии соц. революционеров, тогда еще единой, но когда соглашательская политика партии пошла по пути уклонения от заветов революционного социализма—мы, С.-Р. максималисты, ушли из партии и организовали союз максималистов. С нами ушел и Подглазов, принимавший самое деятельное участие в делах нашего союза.

Илья Яковлевич был одним из ярых сторонников советской власти. Всегда серьезный, вдумчивый --он всякое решение строго обдумывал, душевно переживал его, разбирался—прежде чем принять его.

Во время советской власти он был назначен комиссаром электрической станции, и состоял членом городского совета рабочих депутатов. Всякие полумеры, всякие нерешительные действия он считал для себя неприемлемыми и все время боролся с тенден-

цией рабочего контроля—противопоставляя ему социализацию производства.

При падении советской власти тов. Подглазов, совместно с другими деятелями советской власти, уехал из Читы, чтобы не попасть в руки кровавого Семенова. Большую часть своего скитания он прожил на ст. Ледяная Ам. ж. д., имея тесную связь с партизанскими отрядами, по делам которых несколько раз приезжал в Благовещенск.

К средине лета 1919 г. принужден был окончательно поселиться в городе и взял на себя роль хозяина конспиративной квартиры подпольного революционного оперативного штаба. Заведывал одновременно и доставкой перевязочного материала и медикаментов в область для красной армии.

После неудачной попытки восстания Илья Яковлевич был арестован на квартире вместе с анархистом Н. Степановым, он же Никита Галайкин, и через несколько дней был присужден к смерти бандой палачей-офицеров.

22 октября 1919 г. тов. Подглазов, в числе 16-ти товарищей, был казнен японцами среди белого дня. Так окончил дни свои незаметный, но стойкий борец за дело социализма.

В лице тов. Подглазова мы, максималисты, потеряли одного из лучших своих членов.

После смерти Ильи Яковлевича осталась вдова Мария Даниловна с детьми.

. . . . . .

Спи с миром, товарищ и соратник! пусть твоя могила будет тем фундаментом, на котором свободный народ построит новый свободный и справедливый порядок.

Спи спокойно—мы не забудем тебя. *Жуковский.*

Г. М. Тютюнник

Уроженец гор. Киева, родившийся 13-го мая 1897 года, он с родителями своими проживал в городе Верхнеудинске, Забайкальской области, где воспитывался в Реальном училище. В германскую войну он из 6-го класса училища, в качестве добровольца, вступил в Иркутское военное училище, из которого в чине прапорщика был отправлен на фронт.

За боевые отличия был произведен в чин поручика и получил боевые награды: Георгия 3-й и 4-й степеней, ордена Владимира и Анны и, чего достигают немногие офицера,—из рук своих солдат получил солдатского Георгия. После тяжелой контузии находился на излечении в одном из госпиталей гор. Петрограда и по излечении в 1918 году приехал домой в гор Верхнеудинск к горячо любимым им и любившим его родителям.

В это время вспыхнуло в Забайкалье и по всей Сибири известное восстание белогвардейцев в сотрудничестве с чехословаками, и он, не в силах сидеть сложа руки и глядеть на порабощение трудового народа, вступил в ряды народной красной армии. Как боевой офицер, он был назначен в 1-й советский полк командиром 2-го баталиона, с которым при отступлении из Прибайкалья прибыл в гор. Благовещенск, где на станции местным Исполкомом был встречен с музыкой и знаменами народной армии. После переворота 18-го сентября 1918 года, был арестован 24-го октября 1918 года, и, как какой нибудь тяжкий преступник, был в числе других страдальцев брошен в тюрьму. 6-го декабря 1918 г. пьяной бандой белого офицерства, возглавляемой в то время в Благовещенске их героем Шемелиным, был судим военным судом и приговорен к смертной казни.—Офицерам было досадно видеть, что один из их семьи стал не на их сторону, а на сторону трудового народа. Не желая при смерти подвергаться насмешкам и оскорблениям подлых насильников, т. Тютюнник решил бежать и или быть убитым при преследовании, или-же быть на свободе. И вот 8-го декабря вечером, при выводе из тюрьмы на расстрел его и с ним товарищей Карагаева и Яценко, они решили бежать Для товарища Яценко побег увенчался успехом, товарищ Карагаев не ушел и был расстрелян, а Тютюнник, бросившись в ворота тюрьмы, побежал по направлению к городу, но был настигнут пулей подлых убийц и убит наповал, и до сего времени убитым горем его родителям даже не известна могила горячо любимого сына.

Мать его шесть дней валялась в ногах у палача Шемелина, вымаливая пощады, и только и могла вымолить то, что он отдал ей его боевые награды, говоря, что „на память для матери отдаю его награды, но он, как предатель, должен погибнуть."

Озверевшие люди! любовь к народу они считают предательством. Земля и небо вопиют о их несправедливостях и злодействах—все это совершалось для того, чтобы сохранить на своих плечах блеск мишуры и зажать в кулак трудовой народ.

И. Вахруков.

ПАМЯТИ ЯКОВЛЕВА.

Валентин Николаевич Яковлев, член II-й государственной думы, сосланый с лишением прав в Енисейскую губернию, до революции проживал в деревнях Енисейского уезда. После февральского переворота 1917 года приехал в Красноярск, где состоял в левом крыле Р. С. Д. Р. П. После раскола ее на «правдистов» и «объединенцев» состоял в Комитете группы «Сибирская Правда», будучи в тоже время членом редакционного коллектива. После нескольких месяцев разногласия были изжиты группой. Объединенцы признали Ц. К. руководящим органом партии и тогда обе группы слились. В этой работе покойный принимал деятельное

участие: будучи избран в городской комитет партией большевиков, много работал на партийной ниве. Валентин Николаевич был хорошим оратором, выступал везде на собраниях и митингах, пользовался в рабочей среде доверием и уважением. Был также членом губернского Исполнительного Комитета. При организации Совета Народного Хозяйства был назначен председателем, и принимал самое деятельное участие в работе. Его заветной мечтой было восстановление и поднятие на должную высоту народного хозяйства, и действительно—покойный потрудился на этом поприще, как имеющий высшее техническое образование. Он состоял в целом ряде комиссий, его стараниями был пущен в ход городской кирпичный завод, который уже несколько лет не работал. Верстах в 18-ти от Красноярска была полуразрушенная печь для выжигания извести и вновь отремонтированная покойным стала работать, была начата работа по постройке другой печи по изготовлению цемента. Стараниями покойного была открыта ремонтная мастерская сельско-хозяйственных машин, в которой работало больше 150-ти рабочих, а также началась постройка нового завода по изготовлению сельско-хозяйственных машин, душой которого был Валентин Николаевич. Вопрос, стоящий из года в год на повестке дня гор. думы, о дамбе, соединяющей город с островом, получил надлежащее разрешение. Много было еще начинаний, которые покойный принимал близко к сердцу, и чутко прислушивался к самодеятельности рабочих; он работал не покладая рук. Для него не было отдыха: когда бы не притти, нужен ли совет его или помощь, он был всегда готов идти навстречу. Бывало, придем к нему на квартиру, где он вместе с женой занимал маленькую комнату—Валентин Николаевич пишет статью для газеты, или составляет проект какого либо завода или предприятия. Если он отдыхает, то сейчас же встает и беседует о деле, которое привело посетителя. С падением Советской власти в Красноярске Валентин Николаевич с флотилией 18 июня 1918 г. отправился вниз по течению реки Енисея. После взятия флотилии белогвардейцами—был привезен в Красноярскую тюрьму и, в числе 5-ти товарищей: Вейнбаума, Белопольского, Дубровинского, Парадовского, выведен офицерами за город и расстрелян в ноябре месяце 1918 года. Покойному было около 30-ти лет. Так была прервана молодая жизнь, полная сил, энергии и веры в грядущий социализм. Из рук подлых наймитов буржуазии, лицемеров, именующих себя носителями культуры, ты, дорогой товарищ, нашел себе смерть. Но она тебе не была страшна, ты верил в великую силу народа, что „если погибнуть придется в тюрьмах и шахтах сырых, дело всегда отзовется на поколеньях живых".

Вечный покой тебе, дорогой товарищ!

И. Олещук.

ПАМЯТИ ЯКОВА ГРИГОРЬЕВИЧА ШАФИРА.

Черная волна реакции, буржуазной реставрации конца 1918 года, захлестнула на время и нашу Амурскую область, и точно заранее предчувствуя безнадежность своего господства, агенты черной реакции торопливо вершили свое гнусное насилие над трудовыми массами и их революционными идеологами. Свист нагайки и раскаленных шомполов более года гулял по области и в кошмарных застенках колчаковщины и атамановщины. В течении года творились гнусные насилия, утонченные до сатанинской виртоузности истязания, расстрелы по „суду", и массовые убийства без суда и следствия превратились в простой холодно-обычный закон. Палачи в мундирах с золочеными погонами вершили свои экзекуции с злорадным утонченно-садистским наслаждением.

Одной из многих жертв палачей черной реакции сделался и Яков Григорьевич *Шафир*, гнусно убитый 26-го марта 1919 г. в числе *восемнадцати* при выводе из областной благовещенской тюрьмы.

Товарищ Шафир родился в 1866 г. 24 марта в гор. Иркутске. Из 2-го класса гимназии был исключен за непочтительный отзыв о венценосной особе царя „освободителя", за пророчества о его свержении, с „Богом" установленного престола. До 16 лет тов. Шафир жил с матерью—пытавшейся пристроить его к торговому делу, но это ремесло вскоре сделалось молодому Шафиру отвратительным и противным, и, игнорируя увещания матери, шестнадцатилетним юношей тов. Шафир покидает Иркутск и едет в Казань, где в год и 8 месяцев выдержал экзамен за 8 классов гимназии.

Попасть в университет из за % по отношению к евреям не удалось. Уже тогда будучи атеистом, но, не желая наносить оскорбление религиозным чувствам матери, он отказался принять православие.

Прослужив год вольноопределяющимся—уехал затем в Америку, где и проработал в качестве чернорабочего на разных фабриках 11 лет.

Возвратившись в Россию, тов. Шафир поступил в контору Тор. Д-ма Чурин и К-о в качестве конторщика при товарном отделе, ведая, кроме того, и иностранным отделом..

Владея тремя иностранными языками, тов. Шафир был трудно заменим, и хотя считался не вполне благонадежным элементом в политическом, а также и экономическом отношениях, но в силу вышеизложенной необходимости предприятие вынуждено было его терпеть.

С 1905 года состоял в партии демократов, примыкал к большевистскому течению. Живое участие принимая в организации союза торгово промышленных служащих.

В 1917 году был избран в социалистическую горсдскую думу гл. по социалистическому списку № 2.

В самый разгар противубольшевистской агитации, когда за одну принадлежность к большевикам или их защиту товарищи

подвергались жесточайшему гонению, а иногда и избиению, тов. Шафир гордо держал знамя революционного марксизма, смело объявляя себя сторонником большевистского течения. Принимал деятельное участие в работах С. Р. и С. Д, и за агитацию передачи всей полноты власти С. Р. и С. Д. среди служащих „Т. Д. Чурин и К-о“ и как сторонник большевизма, происками группы правых эсеров того же предприятия, поведших против тов. Шафира беспабашную травлю, включительно до бойкота, был удален предприятием со службы. Этот возмутительный акт группы интриганов вызвал решительный протест во всех профессиональных союзах, в том числе союза торгово-промышленных служащих. Действия группы интриганов были т. о. решительно осуждены всеми рабочими организациями.

С переходом власти к С. Р. и С. Д. тов. Шафир работал не покладая рук, пренебрегая своим уже разбитым здоровьем, требовавшим длительного отдыха и серьезного лечения.

Вскоре после признания Благовещенском С. Р. и С. Д. власти Советов, тов. Шафир делегировался на Всероссийский Съезд Советов и возвратился после завершения кровавого побоища, вызванного белогвардейским переворотом. Работая по строительству новой власти тов. Шафир вел беспощадную борьбу с революционным шарлатанством, бичуя в то же время политику соглашателей. Будучи непримирим с буржуазией, решительный противник соглашательских комбинаций с нею, старик обладал революционной выдержкой и трезвым умом.

После белогвардейского переворота, с помощью интервентов Антанты, и образования Амурского правительства, тов. Шафир, вместе с другими, был арестован и брошен в тюрьму как *идейный* большевик,—другого обвинения не было, да и не могло быть предъявлено человеку, бескорыстно-честному, неподкупно-преданному великой идее социализма, любви к угнетенному человечеству и делу рабоче-крестьянской революции.

Передо мною лежит письмо тов. Шафира от 1906 г., из которого я, право, затрудняюсь сделать выборку—все оно дышет неподкупной искренностью и глубоким отвращением ко всему дурному, нечестному.

Вот оно:

„Поддаваясь заманчивой переспективе сделаться самостоятельным человеком, отправил депешу о своем согласии. Но потом, когда я на досуге обсудил со всех сторон, то увидел и те непривлекательные стороны, которые необходимы во всяком торговом деле.

Ты наверное догадываешься, что я в данном случае подразумеваю не работу, а те подлые приемы, которые свойственны всякому торгашу, а тем более деревенскому. Запрос, обмер, недовес и т. п. плутни так и рисуются моему воображению и я уже заранее чувствую то гадкое состояние, которое испытываешь при совершении нехорошего.

Милый друг! я понимаю, что тебе надоело влачить это полуголодное существование, которое, по какому-то недоразумению, называется жизнью, в то время, как все окружающие тебя родные живут в комфорте, но вспомни, как ты сама, бывало, говорила, что «за душевное спокойствие—которое ты испытываешь—ты не взяла бы купленных тяжелой нравственной ломкой богатств и комфорта».

Я иду дальше и думаю, что если мы решимся на это и сожжем все, что так или иначе служило нам опорой в борьбе за существование, то с потерей самоуважения мы потеряем и взаимоуважение, да и самая наша любовь обратится в тяжелую нравственную обузу. Я уверен, что никакое сытое существование не искупит тех тяжелых нравственных страданий, которые я буду испытывать при всякой щепетливой сделке, а потому с ужасом отвергаю всякую попытку подобного рода. Нам нужно, кроме того, подумать о детях, которым мы должны *смело смотреть в глаза и сделать из них стойких в борьбе за правду людей,* а не только сытых зверей. . . . . .

Откровенно тебе говорю, что я до сих пор тебя уважал именно за то, что ни разу не слышал от тебя намека, не только жалобы на бедность и те лишения, которые тебе, как женщине, приходилось иногда испытывать.—

Я чувствовал всеми фибрами души, что ты это испытываешь из любви ко мне и я тебе прощал твои резкости со мной. Но убежден, что я тебя *возненавижу* (так как от любви один шаг до ненависти), если тебе удастся стянуть меня в эту тину, сотканную из всяческих мерзостей. К черту—электр.-звонки и мягкую мебель, к черту—рысаков! *Труд, но честный, бедность, но душевное спокойствие—вот мой удел, твой и наших детей*“.

Что можно прибавить, можно ли ярче изобразить благородство души и горячую любовь к правде, к людям? Нужно было иметь недюжинную волю, чтобы устоять перед соблазном сытой, довольной жизни, к которой манила любящая и любимая жена. *„Я тебя возненавижу, если тебе удастся стянуть меня в эту тину, сотканную из всяческих мерзостей“*. Сколько горечи и даже ужаса кроется в этих словах. И после мучительной душевной борьбы он кричит: «К черту электр. звонки и мягкую мебель, к черту рысаков!» «Труд, но честный, бедность, но душевное спокойствие—вот мой удел, твой и наших детей».

Какое же обвинение могли предъявить палачи?—Любовь ко всем угнетенным и обездоленным, неподкупная честность, беспощадная борьба с шарлатанством и всякого рода жуликами, присосавшимися к революции, толка Пережогина и прочих авантюристов.

Да разве еще глубокая искренность и кристальная бескорыстность.—Вот и все, что можно было предъявить покойному.

Осудить тов. Шафира, даже судом атамановщины, палачи не расчитывали, а посему и прибегли к гнусному приему,—зверски дикой, бесчеловечно-варварской расправе.

Спи же честный борец, неподкупный и стойкий защитник угнетенных, спи смелый революционер-пролетарий.

Спи дорогой тов. Шафир!

Отдавая жизнь палачам, ты завещал нам революцию. И мы, как и ты, снесем свои головы, но заветов твоих мы не отдадим, мы не отдадим революции.

Е. Щ—в.

Савва Колейко—А. Веткин.

(К годовщине его смерти 12 марта 1919 г.—12 марта 1920 г.)

Год тому назад не стало одного из видных руководителей союза Печатников, не стало еще одного ценного рабочего-интеллигента. В ночь на 12 марта 19 г. в местной тюрьме, по оффициальной справке, он умер от «сыпного тифа», хотя после вышедшие из тюрьмы, сидевшие с ним в одной камере, говорили, что он был отравлен. Арестован он был ночью 7 ноября 1918 г. знаменитым агентом контр-разведки Лейшей и Михаилом Писаревым—последний служил в конной милиции, а ныне, кажется, стопы свои направил в Харбин. Как сейчас помню момент нашего ареста, как все тот же Лейша с Писаревым ухищрялись в обыске, как старательно искали оружия, а главное—деньги. „Хорошо" нас встретили и их почтенные начальнички г-да Рифман и Безруков—которым Лейша сказал: „вот привели двух супчиков". Меня после допроса освободили, а Савву... Савву в числе 13 рано утром 14 марта тюремные дроги увезли на погост...

Покойный—уроженец Харьковской губ. В раннем детстве вместе со своим дядей он приехал во Владивосток, где 14 лет поступил в типографию и до конца дней своих он не порывал связи, не бросал свинцовую армию. Уже 16 лет, посещая тогда еще подпольные собрания владивостокских печатников, он вносил дельные и серьезные предложения, а затем, испытав трехмесячный карантин за подготовку к стачке, он покидает Владивосток и здесь через Е. Щ—ва я знакомлюсь с ним. Здесь он также близко сроднился с печатниками, поставил на должную высоту культурно-просветительную часть, чем обратил на себя внимание властей, вынужден был и отсюда выехать в Иркутск, где его также не оставили в покое,—там Савва принимал большое участие в антиоборонческой группе с.-д. и не раз приходилось ему в низких лачугах Знаменского предместья (в Иркутске) проводить ночи за работой у станка над прокламациями. В декабре 1914 года он снова возвращается в Благовещенск и здесь попадает на военную службу. Будучи

солдатом и находясь в Пензенской губ. он усиленно учится у студента. Болезнь и тут не дала ему проявить свои способности (он самоучка).

В 1916 году он оканчивает школу прапорщиков в Оренбурге, командируется в Юрьев, а затем за неспокойный характер откомандировывается в 480 пех. полк, где и командовал ротой после февральской революции. Октябрьские события захватывают его, отравленного газами, в одном из Полтавских лазаретов, потом он работает в газете корректором и не забывает далекий Амур, далеких Амурских печатников,—в феврале 1918 г. прибыл в Б—ск, здесь по поручению союза Печатников выступает парламентером во время гражданской войны, после чего дважды его выводили на расстрел и только случайно знакомый спас его от расправы белых. Затем был редактором газеты „Известия Сов. Раб. Сол. и Кр Деп." писал статьи, давал недурные фельетоны, а также работал и в Военном комиссариате, принимая участие в разработке плана организации Кр. Армии, потом переходит в газ. „Земля и Сотрудничество" и становится членом объединенной орг. С.-Р.-максималистов и С.-Р. левых; переворот загоняет его снова в подполье, но сосед Писарев (Михаил) и его присные приготовили ему иное.

Сидя в тюрьме, он является инициатором голодовки и издателем тюремного „Черного Знамени".

Савва, дорогой мой друг и товарищ!, тебя вот уже год как нет, многих и многих не досчитываемся мы в своих рядах, многие сложили головы свои и на полях Амурской области, и в стенах тюрьмы и вне ее, многих унес наш Амур в далекий океан, но не унесли от нас идеи, не унесли у нас красного знамени,—нет, оно, обагренное кровью лучших сынов родины, стало еще светлее, сильнее и могучее.

Спи с миром, незабвенный товарищ! и прости врагам своим, ибо они не ведают, что творят.

Да будет земля тебе пухом!

Да будет воля трудового народа—священной!

И. Петров.

В. КОЗЛОВСКИЙ.

Вечная память борцу за свободу!
Слава герою, погибшему в бою!
Слава тому, кто страдальцу народу,
Пользу принес в нашем рабском краю!

— Еще одна жертва.

— Еще один вырван из наших, и так поредевших, рядов.

— К кровавым жертвам атаманьщины, интервенции—присоединилась еще одна жертва—это В. Козловский.

Умер Козловский...

Погиб... Пал смертью храбрых...

Козловский („Славка")—б. секретарь, преподаватель курсов при союзе металлистов. После ликвидации союза перешел на нелегальное положение. Работал в организации максималистов—в отделах формирования дружин рабочих, отправки оружия на Сучан, Ольгу и т. д. И—наконец—сам пошел в сопки—„в ряды погибающих за великое дело любви". Существовавший в то время здесь Обревком уполномочил его быть своим представителем в Рев. Шт. Партизан... Но он отказался, предпочитая ряды партизан—сидению в штабе. После Анучинского разгрома Козловский с одним товарищем пробирался к Спасску.

Обессиленные, голодные, они остановились ночевать у одного крестьянина...

Приютились в огородах... Сердобольный хозяин принес им молока, хлеба.

И, казалось, они были в безопасности.

Но злой рок судил иначе...

Случайно бывший в избе один из крестьян—оказался японским шпионом...

И этот Иуда продал их...

Чувствуя себя в безопасности—Козловский расположился отдохнуть на мать-сырой земле..

Но отдых был недолгий...

Японцы, узнав о местопребывании двух партизан, выслали целый отряд в 50 человек для их ликвидации...

Подошли к забору. Дали залп... Те бросились бежать .. Второй залп по убегавшим... Козловский упал .. Но, обливаясь кровью—продолжал отстреливаться. К упавшему подбежали два японских офицера—наставили револьверы к вискам... и выстрелили... Перед этим он к р и к н у л успевшему убежать товарищу, „передай матери—я умер".

Это были его последние слова...

Выстрелы прекратили жизнь нашего товарища...

Выстрелы вырвали из наших рядов еще одну жертву...

Угасавшая и до того жизнь зверски вырвана преступными руками...

Отдавая последний долг зверски убитому, мы говорим: „спи, дорогой товарищ, спи непробудным сном, да будет земля тебе пухом!...

Мир праху твоему, дорогой товарищ!

Вечная память!

Исп. Бюро Союза С. Р. Максималистов.

А. САНАРОВ.

В беспримерной гигантской борьбе, которую слишком год вели крестьяне и рабочие Приморской области в тылу исступленной от зверств атаманской власти борьбе, вырвавшей из среды трудящихся много лучших борцов за светлое будущее, погиб наш товарищ—А. Санаров.

Окруженный казаками близ Камень-Рыболова, он не пожелал сдаться врагам и отстреливался до тех пор, пока пуля тяжело не ранила его в ногу. Отвезенный на излечение в Ник.-Усс., он умер от заражения крови в тюремной больнице.

А. Санаров был одним из организаторов местного союза С.-Р. Максималистов и видным работником в профессиональном движении. Высланный, как председатель Союза Металлистов, из пределов Владивостока, он не захотел уезжать и тем самым отойти от активной работы и перешел на нелегальное положение, посвятив всего себя борьбе за торжество Власти Трудящихся.

Но... судьба не сулила ему дожить до того дня, когда мы со вздохом облегчения подымем красное знамя и крикнем: «Да здравствует Советская Власть».

И мы, видящие уже зарю новой жизни, полную радостного созидательного труда, скажем:

— Мир праху твоему, дорогой товарищ.

— Мир праху Вашему, дорогие товарищи, положившие свои головы на алтарь борьбы за идеалы Социализма. *Н.*

И. Т. АРШАКУНИ.

Иван Тигранович Аршакуни, происходящий из Сахалинской области, православный, родился в 1900 году 6-го января. Родители его Эриванской губернии Александропольского уезда были сосланы на остров Сахалин в 1890 году. Из Сахалина с родителями он уехал в Иркутскую губ., в Балаганский уезд, в 1904 году, где и прожил вместе с родителями до 1910 года. В половине 1910 года он уехал на родину с родителями, где в 1912 году 17-го января скончалась его мать и в том же году 17-го июля скончался отец. После смерти своих родителей он был взят с братом (их было два брата, из коих старшему было 14 лет и покойному Ивану 13 лет) на воспитание своим родным дядей Аршаком Микиртитовичем Аршакуни, который и воспитывал их до совершеннолетия. В 1918 году при советской власти покойный поступил в отряд красной армии в городе Верхнеудинске (по убеждениям он был анархист-коммунист).

Пробыв в красной армии до 7-го июля 1918 года он был ранен под Кяхтинским шоссе в бою против чехов и был доставлен

в Благовещенский Военный госпиталь, откуда и был арестован и препровожден в Благовещенскую Областную тюрьму, где просидел до января месяца 1919 года, но за неимением улик был освобожден в марте месяце 1919 года и был взят Колчаком на военную службу, как родившийся в 1899 году (был взят по ошибке) и назначен на таковую в 35-ый Сибирский Стрелковый полк во 2-ю роту в г. Благовещенске, где и вел подпольную агитацию против белых. В последних числах апреля месяца 1919 года, по доказу приверженцев Колчака, он был арестован и 30 июля 1919 г. был расстрелян в Благовещенске.

ЖЕРТВЫ ПРОИЗВОЛА.

Гражданская жена бывшего военного комиссара гор. Свободного, ныне комиссара красной Амурской речной флотилии тов. Безднина—Евгения Ильична Яковлева расстреляна на ст. Белоногово весною 1919 г. в числе 23 человек, между коими был комиссар типографии Амурской жел. дороги тов. Бурковский.

По рассказам очевидцев, дело обстояло так: во время Мазановского выступления в феврале 1919 г. был послан туда из Благовещенска карательный отряд под командой полковника Суррей. После «ликвидации» выступления указанный отряд остановился на некоторое время в гор. Свободном, где полковник Суррей, после попойки, в компании с пьяными офицерами, отправился делать „осмотр“ местам заключения а затем потребовал от начальника Свободненской контр-разведки список арестованных и находящихся там большевиков, что и сделал начальник контр-разведки Рудомино вместе с помощником своим Штейниковым, дав список на 23 человека. Указанные в списке лица, по выражению полк. Суррей, подлежали „изолированию“. Еще до приезда полк. Суррей, означенные лица подвергались невероятным издевательствам и пыткам, а жена тов. Безднина Е. И. Яковлева была изнасилована, как равно бита шомполами. С приездом же отряда Суррея, вся эта дикая вакханалия повторилась, причем участие в пытках принимали как контр-разведчики, так и офицеры отряда полк. Суррей.

После издевательств и пыток над арестованными, они были отправлены на станцию, посажены в вагоны, где ехал весь отряд. По прибытии поезда на ст. Белоногово арестованные были выведены из вагонов и им было приказано бежать, а затем по убегающим отряд полк. Суррей открыл ружейный огонь, расстреляв таким образом всех арестованных в числе 23 человек. Фамилии остальных товарищей, кроме Е. И. Яковлевой и комиссара типографии Бурковского, установить пока трудно.

Исай Непомнящий.

Был тов. председателя Канского исполнительного комитета и председателем подрайонного комитета по кожевенным делам. Принимал деятельное участие по организации кожевенной монополии в Канском уезде. При его деятельном участии была создана народная (государства) мастерская, с отделениями: шорным, сапожным, ичижным, пимокатным, кочмовальным и т. д. В этом предприятии работало 407 рабочих.

В июне месяце 1918 года на кожевенном съезде в Красноярске был избран председателем его. По окончании работ съезда был избран в управе районного комитета по кожевенным делам. При эвакуации Красноярска советской властью 18 июня 1918 года он остался на месте. И был арестован; сначала сидел в красноярской тюрьме, а в начале 1919 г. препровожден в гор. Канск Енисейской губ., где и был расстрелян. По убеждению—меньшевик-интернационалист. Покойному было около тридцати лет. После смерти в Канске осталась мать. Прощай же навеки, товарищ.

Иоффе.

Председатель Енисейского исполнительного комитета, расстрелян в качестве заложника в начале 1919 года в Красноярской тюрьме. Встретился я с покойным в Енисейске при эвакуации советской власти. Человек интеллигентный, росту выше среднего, с виду лет сорок.

Вечный покой тебе, товарищ.

Сведение взято из перепечатки Красноярск. газет в Иркутске, где в списке казненных числился и товар. Иоффе.

Каранский.

Комиссар зрелищ и театров в Красноярске, артист городского театра, умер от тифа в Красноярской тюрьме в начале 1919 года.

И. Олещук.

Одна из многих жертв.

Год тому назад озверевшими бандами Калмыкова расстрелян тов. Лапин Ф. С. (Арцыбашев В. И.), бывший член гор. управы и член Исполнительного К-та Совета Раб., Крестьян. и Сол. деп.

Товарищ Лапин—старый партийный работник, царским судом был приговорен к ссылке на поселение. Из ссылки тов. Лапин бежал и под разными фамилиями работал в Сибири в с.-д. организ.

Те, кому приходилось встретиться в работе с тов. Лапиным, знают, что это был за человек.

Мягкий, отзывчивый, чуткий...

Товарищ Лапин—это типичный старый партийный работник, готовый на всякую жертву, вечно занятый работой...

В тот момент, когда озверевшие банды принялись за свое черное дело, тов. Лапин остался на своем посту и... погиб.

Тов. Лапин расстрелян, но его светлая и чистая душа живет с нами, с нами радуется победе рабочего класса, и память о нем, как о честном борце и лучшем товарище, навсегда останется в нашей груди.

После тов. Лапина остались жена и два ребенка. В настоящий момент, когда черные тучи рассеялись, нужно вспомнить о сиротах тов. Лапина и дать им то воспитание, какое они имеют право получить, как дети честного и стойкого борца за рабочее дело.

Н—в.

Вечная память и вечный покой!

(Светлой памяти М. М. Гамберга)

М. М. Гамберг—председатель Совета Народного Образования в г. Ачинске в период советской власти 1918 г.

После 4-х месячного тюремного заключения расстрелян в ночь с 10 на 11 августа того-же года.

Много их, своей алой кровью оросивших необъятные поля Сибири, жизнь отдавших за волю, за лучшую долю всех угнетенных.

Они погибали, но их великая идея жила и вечно будет жить.

Беззаветным борцам за народное счастье не удалось дождаться настоящих радостных дней, когда то, за что они боролись и умирали, воплощается в жизнь.

Но спите спокойно!

Благодарная память потомства сохранит святые ваши имена. И мы, живые, закрепим творенья ваши!

В. Г.

Памяти братьев Павла и Степана Спицыных,

павших в борьбе с японцами.

Тишь. не слышно разговора,
Только свищет ветер злой.
Вдруг раздался крик дозора:
„Близок враг, готовьтесь в бой!“
Вы поднялись быстро, смело,
Дружно двинулись стеной.
Шли за правое вы дело,
Шли в последний смертный бой.
Но судьба вам изменила,
Ворог был сильнее вас,
Его пуля вас сразила.
Спите, павшие за нас...
Только ветер, пролетая,
Песню грустную споет,
То тоскуя, то рыдая
Снежный саван развернет.
Спите други, спите братья,
Спите, милые друзья,
Я убийцам шлю проклятье.
Братья, спите! С вами я!

М. Лабзин.

Я. ПЕТРОВ.

Еще один товарищ вырван из наших рядов. В ночь на 12 марта в 3 часа в Николаевске японцы сделали нападение на штаб красной армии, где находились советские деятели. Японцы подожгли здание и открыли по нем ураганный пулеметный и ружейный огонь. Многие товарищи, в том числе и командующий тов. Тряпицын, были ранены и стали задыхаться в дыму. Решено было перебраться к соседнему зданию и бросаться в окно. Несмотря на огонь, успели перебежать: тов. Глушков, Нина Михайловна Лебедева, Княшко, Лехов, Стрельцов и др. Во время перебежки почти все они были ранены, в том числе и член нашего союза максималистов тов. Я. Петров, вскоре умерший от ран.

Тов. Петров во время диктатуры белогвардейцев работал в Благовещенске в подпольной организации советских коммунистических партий и как нелегальный работник был незаменим. Несколько раз был арестован. Последний раз—вместе с тов. Повилихиным и Ерыгиным и, как фельдшер по профессии, работал в тюремном лазарете, где во время свирепствовавшей эпидемии тифа, спас от смерти многих товарищей. Одно время почти вся переписка тюрьмы с волей велась исключительно через товарища Петрова. Освобожденный из тюрьмы за недостатком улик, он снова взялся за нелегальную работу, поддерживая все время связь с тюрьмой, затем был взят на военную службу. Последний период своей жизни тов. Петров прожил в целом ряде городов Дальнего Востока, принимая горячее участие в революционной борьбе, пока не погиб смертью храбрых в Николаевске. Пусть снится ему свободная, счастливая Россия, за свободу которой он отдал свою жизнь!

Памяти мучеников коммунистов.

На развалинах старого буржуазно-монархического строя мы создаем новый—социалистический. Мы, коммунисты, сторонники материалистического понимания истории, являемся врагами утопически-религиозных систем и кантовских идеологических умопостроений.

Мы, естественники и реалисты, не верим в загробную жизнь, не верим в существование духов, не верим в адские мучения и рай.

Но великие события, свидетелями и участниками которых мы являемся сейчас, и наследственные отклики религиозных сказок и чудес в нашей душе мистически настраивают нас.

Не кажется ли вам, товарищи, что тысячи умерших от пыток, мучений и расстрелов кровавыми руками кровожадных и диких зверей-калмыковцев также участвуют в нашем великом торжестве и ликовании? Исчезли их кровавые раны, сгладились боевые рубцы и они, в светлых пасхальных одеждах, с прекрасными одухотворенными лицами, разделяют с нами великую радость.

Они сознательно шли умирать за великое дело освобождения эксплоатируемых и угнетенных. Они понимали, что лучше смерть, чем мучительная жизнь в рабстве тяжелого труда, продуктами которого пользуются развратники и тунеядцы.

И, претерпев страшные физические муки, облегчаемые верой в близкую победу, они умирали, уходя в таинственную бесконечную Нирвану.

Пусть же адские муки, перенесенные ими, болью моральной, безумною болью, отзовутся на тех кровожадных, диких безумцах, что на смерти несчастных зарабатывали капитал и чины. Пусть всю жизнь грезятся им несчастные, замученные, умирающие, невинные жертвы; грезятся им голодные, плачущие дети, призывающие отцов; несчастные жены и матери, в отчаянии проклинающие правду и справедливость.

Мы же, живые, с верой в близкую победу, бодро пойдем в грядущую борьбу на благо нам и детям нашим.

Великие души, души мучеников великой революции, души апостолов грядущего царства равенства, братства, свободы пусть дадут бодрость и силы, пусть отечески благословят нас на новую жизнь.

Преклоним же колена пред прекрасными светлыми тенями, пред жертвами извергов буржуазно-казацкой диктатуры.

Вечная память славным героям, умершим в борьбе за дело свободы.

Слава товарищам, гордо смотревшим в глаза страшной смерти от рук кровопийц-офицеров.

Слава павшим борцам за свободу!

Ваш.

Памяти Петра Павловича Малых.

„Спи, дорогой товарищ, ты славною смертью почил“...

23-го сентября 1918 года зверски изрублен Черняевскими казаками Петр Павлович Малых. Он был задержан на Тыгдинском тракте, когда пробирался в тайгу, скрываясь от белогвардейцев. С тов. Малых я познакомился в 1915 году, когда мы были мобилизованы и в дальнейшем служили в одном баталионе.

Еще тогда тов. Малых проявил себя поборником угнетенных: он смело выступил в защиту товарища солдата, которого ударил взводный командир, за что и был подвергнут дисциплинарному взысканию.

Впоследствии тов. Малых был избран секретарем ротного комитета на фронте, он принимал горячее участие против выступления Корнилова.

Был два раза ранен на фронте. В 1918 году приехал в Зею, бые избран в Исполнительный Комитет Зейского Совета, в котором нес обязанности секретаря, а впоследствии казначея.

Работал, не покладая рук, в течении 8-ми месяцев в Исполкоме на благо трудового народа.

В силу сложившихся обстоятельств Зейский Исполнительный Комитет под угрозой японцев должен был прервать свою работу.

Тов. Малых представил полный отчет денежных сумм и ценностей и также имущества Исполкома—протокол этот случайно сохранился.

Исполнительным Комитетом Зейского Совета в экстренном заседании 21-го сентября 1918 года, на котором также присутствовал тов. Малых, была вынесена следующая резолюция:

«Считаясь с тяжелым положением всего трудового народа Дальнего Востока, на который пошли походом буржуазия совместно с наемниками иностранного капитала, при содействии иностранных войск, Зейский Исполнительный Комитет, оставшийся единственным выразителем Рабоче-Крестьянской власти изо всех Советов Дальнего Востока и Сибири, не считает возможным в дальнейшем при таких условиях продолжать свою работу и временно прерывает таковую, передав власть в Зейском районе профессиональным рабочим союзам. Питая глубокую уверенность, что не далеко то время, когда трудовой народ вновь восторжествует и восстановит всюду власть трудящихся в лице своих Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, Зейский Исполнительный Комитет призывает всех, кому дорога власть рабочих и крестьян, об'единиться для защиты таковой.

Да здравствует власть Советов!

Да здравствует революция!

Да здравствует социализм!

Товарищ Малых по убеждению—большевик. Последние его слова, сказанные палачам: „Вы убьете меня, но не убьете святой идеи“!

Вечная память тебе, дорогой товарищ! К твоей могиле не зарастет народная тропа!

Г. П. Боровинский.

Друзья и товарищи казаки!!

Простите, что в последний час своей жизни, в минуту ухода от жизни и от вас, я осмеливаюсь сказать вам последнее мое прощальное слово.

Прощайте!.. 7 сего ноября 1918 года, в дни, когда власть Советов уже свергнута, я по постановлению съезда делегатов предан военно-полевому суду за большевизм.

Но что такое большевизм и что я сделал вам, друзья, плохого? За что вы предали меня лютой казни? За то ли, что некоторым урезали их алчные аппетиты, что им очень не нравилось, за то ли, что было сказано справедливое слово тем, которые во время войны сдирали с ваших семей последнюю шкуру, отбирая их пособия, и на этом строили свое благополучие, или за то, что я стал на сторону большевиков и провозгласил власть Советов, т. е. самого народа в лице съездов и собраний?

Меня обвиняли в том, что я посягнул на власть, на свержение войскового правления, и делегаты, присланные вами на съезд, подписали мне смертное постановление. Но, товарищи казаки, я не верю, что это сделали истинные ваши представители, представители трудового казачества. Это сделал Гамов со своими сподвижниками, продав меня за золотые и серебряные погоны.

Это сделал тот Гамов, который, объявив себя защитником трудового народа, ввел устав Романова, лишив права свободы казаков, который пригласил японцев управлять вами и, таким образом, под защитой японских штыков, укрепить свою власть атамана, которую он, как свинья в апельсинах, понимает.

Товарищи! Я не верю, чтобы по вашему согласию, ваши избранные делегаты меня продали за офицерские погоны и за дисциплину бывшего Романова, которая за 60 лет столь надоела и столь много высосала пота и крови.

Товарищи! Разве вы забыли то время, когда вас считали за собаку, когда вас заставляли делать самые унизительные вещи?

Товарищи! Разве вы забыли, как чины войскового правления с офицерами разделили принадлежащие войску деньги, следуемые за аренду земли зазейского района, в сумме 20669 руб? И много, много сделано других преступлений, их не перечесть. Я сказал лишь про цветики, а ягодки остались.

И вот все-таки ваши избранники, по вашему, говорят, постановлению, предали меня смертной казни. Но я гордо и смело принял ее.

Те свидетели, которые меня обвиняли, видели, как я смело и справедливо защищал себя. Моих свидетелей ни одного на суд не вызвали, но я сам сказал всю правду в глаза. Ваши делегаты вынесли мне смертное постановление и прапорщик Никольский заявил, что сами казаки просили предать Шадрина смертной казни, ибо в деревнях причинил он много зла и разорения.

Вот, товарищи, результаты дел ваших делегатов, которые ради приличия погон, вами же самими на фронте сорванных, отдали смертной казни четырех человек, в числе коих председатель 2-го полка Прохоров, которого вы так уважали и любили.

Товарищи, я все-таки не верю, что делегаты сделали это по вашей воле. Нет, это они сделали против вашей воли. В последний час жизни прошу вас, товарищи, вынести постановление об отмене казни первым трем. Пусть я искуплю своею кровью их „вину“, если моя смерть так желательна палачам-делегатам.

Товарищи бедняки, я знаю, в нашем войске все бедны, за исключением спекулянтов и погонщиков, и этими последними вы введены в заблуждение.

Вот, товарищи станичники, все, что я мог сказать вам в предсмертную минуту, стоя на краю могилы, о ваших избранниках. Судите сами, кто прав, кто виноват. Но об одном прошу в последний раз: не предавайте виновников смертной казни, ибо мы подходим к великой свободе, социализму, братству и равенству!

Прощайте, не поминайте лихом... *Бывший Шадрин.*

Предсмертное письмо Ф. Карагаева к жене.

Здравствуй, дорогая Маня, дети Володя, Шура, Поля и Федя. Спешу уведомить вас, что хотя меня приговорили к смертной казни, но я пока живу. Но сегодня мне придется умереть за народ. Что же делать, Маня,—верно, судьба моя такая: прошу вас сильно не убиваться.

Прощай, дорогая жена, прощайте дети, я оставляю все—лишаюсь жизни. Я знаю моего предателя, но пусть он живет, Бог с ним! Наверно, его каменное сердце сжалится, когда он узнает, что жена и дети лишились единственного работника. Дорогая Маня, прошу тебя—не мстить моему предателю. Целую тебя и детей

Ф. Карагаев.

Памяти милого брата.

„Ты жертвой пал за свободу—
Спи-же расстреляный брат!..

„17 февраля 1906 года на станции Хилок карательной экспедицией генерала Ренненкампфа был расстрелян слесарь Федор Боровинский“—Так гласила небольшая заметка в газете „Биржевые Ведомости“. Сердце болезненно сжалось, когда я прочел эту заметку. В дальнейшем же я получил письмо от брата, написанное накануне расстрела, в котором он писал. «Ах! милый брат, как тяжело мне, что так мало сделано для народа, а приходится умирать». Эти слова глубоко запали мне в сердце и, кажется, их не забудешь никогда. Особенные черты его характера я помню так ярко, когда еще работал в депо: глубокая отзывчивость к товарищам и решительность в защите интересов рабочих. Благодаря этому администрация не терпела его. Когда началась русско-япон-

ская война, брат работал в мастерских Порт-Артура во время войны, работал по исправлению военных судов под обстрелом японской артиллерии. После падения Порт-Артура он вместе с мастеровыми так-же был отправлен в Россию, через Одессу. После приезда в Россию он работал в Красноярске в жел. дор. мастерских. Затем переехал в Хилок—тогда еще он писал мне, что организация ж. д. комитета работает превосходно. Вскоре прогремела на весь мир всеобщая жел. дор. забастовка. А затем—карательные экспедиции и расстрелы, расстрелы. Арестованный в числе 16-ти человек, он был 27 января 1906 г. приговорен к смертной казни.

Обвинение, предъявленное брату, заключалось в раздаче населению и рабочим оружия, в организации боевых дружин, в участии насильственного отнятия винтовок и револьверов у инженера Барсукова, которыми он вооружил рабочих, и затем в руководстве манифестацией 9 января. Последние сведения о его смерти я получил из мастерских ст. Хилок. Он был казнен вместе с товарищами: Галовым, Розенфельдтом, Марчинским, Шидлевским, Микартичевым и Ивановым на линии ж. дороги около депо. Смерть встретили они спокойно, все время пели революционные песни. Спи же спокойно, дорогой брат! Красные знамена реют над вами.

Георгий Боровинский.

Памяти Драгошевского.

Ты спишь, наш товарищ, ты спишь?—Посмотри—
Заря ведь уже заалелась,
И в отблеск игривой весенней зари
Все в мире страданий оделось.
Взгляни же, товарищ! Взгляни, как горит
Восток весь румянцем свободы.
Послушай, о чем весь народ говорит,
О чем песнь поют неба своды.
Борцам они песни победы поют
И славу погибшим за волю.
Пусть мир они в сердце твое низольют—
Борца за народную долю.

П. К—ин.

Предсмертное письмо учителя Василия Гончарова к родным.

Милый отец и мама, меня арестовали 29 января 19 года. Не знаю, что будет, наверно увезут в город. Помолись обо мне, отец, я знаю—твои молитвы доходят до Бога; прости меня, прости и ты, мама!

Во всем полагаюсь на одного Всевышнего, видит Бог--я невиновен.

Ваш сын *Василий.*

Тов. Гончаров расстрелян в Толстовке по распоряжению господина Гамова. Спи, мученик, да будет тебе земля легка!

Предсмертное письмо Юзефа Конрада.

Благовещенск 27/XI—18 г. на Амуре.

Дорогая мать!

Прости своему несчастному сыну, что он тебе такую боль причиняет. Эти строки будут последние, так как через несколько часов жду своей смерти. Я знаю, что вы надеетесь еще меня увидеть, но судьба этого не хочет. Не печальтесь! Я пошел за справедливое дело, за правду, свободу всех народов, а поэтому стою спокойно, твердо,—как следует мужчине. Приговор, вынесенный над нами—Интернациональными борцами за свободу--немного жесток: к смертной казни через расстреляние. Сегодня вечером я и еще 17 тов. должны быть расстреляны,—многие уже ушли впереди нас бодро, твердо и мужественно. Умираю за правду и справедливость. Дорогая мамаша! Поэтому не печальтесь и простите меня, я горжусь, что могу умереть за Правду и Свободу всех народов, и ты, мамаша, тоже должна гордиться своим сыном, потому что иначе не может быть. Пусть отец, Марта, Мария и Анна простят меня; еще раз мой последний привет Вам, всем дорогим: моему дорогому брату Антону, также Анне, Берте и дедушке.

Прощайте и поминайте часто преданного Вам Иосифа, который умер за Свободу и Правду в ноябре 1918 г. в Благовещенске. Мои лучшие пожелания и привет моей любимой невесте, ее родителям, братьям и сестрам от преданного Пепи Конрада.

Последняя просьба: приветствуйте молодую Республику Австрии и Германии.

Да здравствует социализм!!!

Юзеф Конрад.

Благовещенск 27/XI—18 г.

Дорогая Маня!

Прими последний привет, за несколько часов перед моим расстрелом, из Дальнего Востока, от твоего Пепи. Не будь печальна, мое дитя, я иду твердо, как мужчина, за справедливое дело. Прости меня, если я тебя чем бы то ни было обидел. Не забудь меня и будь счастлива: судьба всегда была против нас, несмотря на то, что мы так любили друг друга. Не плачь, ты должна гордиться, что твой Пеперл умирает за Свободу и Справедливость всего человечества, может быть, и за тебя и твоих близких, дорогих. Итак,

еще раз крепко целую издалека, и будь здорова. Твой Пеперл Конрад.

Пал жертвой в ноябрьские дни за Свободу и Справедливость. Благовещенск на Амуре.

P. S. Последние слова: мое дитя, я умру как социалист, с убеждением в справедливости нашего дела. Прощай, моя дорогая, последнюю мысль перед смертью тебе посвящаю.

Твой Пепи.

Адрес: Мария Рисдл.
Гор. Лаа. Ниж. Австрия.

Письмо секретаря Совета Народных Комиссаров Ам. обл. т. Джалова.

Дорогие мои папа, мама, братья, сестры, жена моя Леля и детки Витя, Лина, Лиза и Валя. Перед смертью приношу последний привет. Прошу простить меня. Умирая скажу, что мои руки чисты от крови людской и никому, кажется, не сделал никакого зла. Я жертва бесправия и самосуда, что умер ни за что, то я не виновен. И ты, Леля, и дети мои, меня не кляните, потому что я клятвы не заслужил. Умираю за то, что я не нравлюсь людям, власть имущим. Целую вас всех и за вся.

Ваш сын, брат, муж и отец

Стефан Павлов Джалов.

Предсмертное письмо Иннокентия Сибирякова всему трудовому люду и товарищам социалистам!

Дорогие товарищи! Умирая, я шлю вам свой последний привет и завет не отплачивать врагам нашим той же монетой, какой платили они нам. Среди социалистов нет места чувству мести. В тот момент, когда надо мной тяготеет смертный приговор, в последние минуты перед казнью, я восклицаю: „Долой смертную казнь", кем бы и над кем она не производилась. Я умираю, когда красное знамя Социальной Революции высоко вознеслось почти над всем земным шаром, когда пламя революционного пожара из России перекинулось в Западную Европу, когда искры этого пожара разносятся по всей земле и еще одно последнее усилие—и победа будет одержана.

Не унывайте, товарищи, не складывайте рук и не отчаивайтесь—боритесь. Борьба еще не кончена, но конец ее близок. Пусть, мы, отдельные личности, умираем, но умирая мы знаем, что враги наши, казня нас, не видят, что с каждой новой казнью все больше растет число приверженцев нашей идеи, что все более и более увеличиваются ряды бойцов за счет инертной, только сочувствующей массы. Весь трудящийся люд с нами и если первые дни победы не будут омрачены казнями,—он останется с нами навсегда. Мой старик-отец казнен в Верхнеудинске и кто знает его, тот скажет, что казнь эта настолько жестока, насколько и бессмысленна. В последний раз, товарищи, я обращаюсь к вам с призывом: пусть в тот момент, когда вы одержите победу, вместе с победным кличем у вас вырвутся слова: „долой смертную казнь, не нужно мести; народ победитель не может быть палачем". А теперь, товарищи, организуйтесь на последнюю борьбу. К оружию, товарищи! К борьбе с паразитами трудящихся масс. Помни трудящийся, что только в борьбе обретешь ты право свое.

Да здравствует социализм!

Да здравствует социальная революция! Да здравствует власть трудового народа, несущая миру свободу, мир, любовь, равенство и братство!

Прощайте! *И. Сибиряков.*

И. И. Сибиряков—член Иркутской организации левых соц. революционеров, активный участник борьбы. Казнен по приговору белогвардейцев в городе Благовещенске в январе 1919 года)

ЗАЛОЖНИЧЕСТВО.

(Из тюремных воспоминаний)

Черная реакция только что пережитой атамановщины в своих пытках над политическими врагами доходила до самых крайних пределов варварства.

В этом отношении она далеко превзошла зверства самых диких племен, какие только знает история.

Одним из таких зверств является заложничество, которое в частности применялось по отношению к заключенным в Красноярской тюрьме.

Если заложничество когда либо и имело какой-нибудь смысл, как крайняя мера, направленная к защите своих, находящихся в противном лагере, то здесь оно являлось местью своим врагам, изысканной пыткой.

Тюрьма жила какой-то особенной, своеобразной жизнью. Эта жизнь совершенно не походила на ту, которая была в обычной тюремной обстановке во времена гражданского мира.

Каждый день приносил в тюрьму новые сведения о той гигантской борьбе классов, которая ярким заревом неугасимого пожара раскинулась по всей земле Русской.

Малейшее известие об успехах советских и партизанских войск радостью наполняло сердца всех заключенных и особенно политических.

Оживленно обмениваются мнениями на прогулке, в корридорах, уборных и при других удобных случаях.

«Теперь и я верю в победу русской революции, в то, что Советская Россия создала надлежащую армию»—говорит крайний пессимист тов. Иоффе, после занятия нашими войсками Самары. Сразу же наблюдается иное, снисходительное, отношение надзирателей, старших и даже помощников.

«Наша берет»—говорят заискивающе некоторые из них, стараясь расположить к себе заключенных.

Буквально замирает тюрьма при получении противоположных сведений. Всюду угрюмые лица. Вместо оживленных групп на прогулке—одиночное шагание, каждый погружается в свои мрачные думы. Иное отношение и тюремной администрации.

Проходит некоторое время и тюрьма вновь оживает.

—Смотришь из окна на первую утреннюю прогулку и с уверенностью сообщаешь своему товарищу по одиночке, что победа опять на нашей стороне.

Так, в общих чертах, протекают первые месяцы нашего заключения. Эти месяцы были весной в нашей тюремной жизни.

Не было расстрелов. Режим был довольно сносный. Свободно пропускались в тюрьму газеты, книги.

Правда, ходили слухи о готовящихся для нас карах, но тюрьма уже привыкла к ним и они ее особенно не тревожили.

Но вот эти слухи претворяются в действительность.

Выводят пятерых товарищей: Я. Ф. Дубровинского, Г. С. Вейнбаума, В. Н. Яковлева, И. И. Белопольского и Пародовского.

Долгое время спустя мы узнали, что их казнили по приговору чрезвычайного чешского в.-п. суда.

Вслед за ними чехи казнят 7 тов. интернационалистов.

Начинается черная полоса жизни нашего заключения.

Но проходит месяц, другой и настроение вновь улучшается. Все как будто-бы с горечью в сердце смиряются на том, что жертвы эти удовлетворили зверские инстинкты наших палачей.

Увы, это было жестоким заблуждением.

Изысканные пытки были впереди.

К началу 19-го года партизанская война в Енисейской губернии принимает широкий размах. Командующим войсками для подавления этого восстания из Омска назначается Розанов, впоследствии пресловутый „герой“ Дальнего Востока.

Будучи не в состоянии подавить партизанское движение, этот „герой“ начал с того, что всех заключенных в Красноярской тюрьме большевиков объявил заложниками.

„Теперь уже сомненья нет, Савоныч“, обращается ко мне тов. Иоффе: „чувствую, что петля уже наброшена на мою шею и снять ее я не в состоянии“. И он был прав. Вскоре его расстреливают, как заложника.

Начинается мучительное ожидание 10, 11, 12 часов ночи (время, когда обычно выводят на расстрел). Утрами заключенные особенно спешат узнать: не выводили ли прошлую ночь?

Вокруг этого вопроса создается уйма самых нелепых слухов: говорят, что уже составлена очередь для 150 человек, для 300.

Называют даже фамилии находящихся в первом и втором десятке списка. Говорят, что заложничество проводиться в жизнь не будет. Какой то общественной делегации Розанов сказал, что все свои приказы он будет проводить в жизнь неуклонно.

—Кто то поехал в Омск. В Омске против этого приказа. Министр юстиции отдал распоряжение об отмене заложничества и т. д., и т. д.

Но вот наш корридор утром узнает, что в прошлую ночь вывели на расстрел первую партию заложников: 10 человек. Среди них: т. т. Левальд, Пепсин, Семененко, Саломатов, доктор Маерчак и др. *).

Вывод первой партии особенно удручающе действует на заключенных. Всякие слухи вокруг этого вопроса окончательно убиваются. Тюрьма как бы замирает.

—Надо складывать вещи для поездки в „Могилевскую“ губернию (т. е. в могилу),—говорят в шутку некоторые товарищи. Но эта шутка не вызывает улыбки на лице. В ней звучит горькая правда.

Наступают мучительно-томительные вечера ожидания. И как только обычную после вечерней поверки тюремную тишину нарушает лязг железа [открываются наружные двери корридора, звенят ключи] сердце больно сжимается. В мозгу моментально мелькает мысль: все кончено. И все как то невольно повторяют страшное—„идут“...

Но в такую пору нередко приходит и тюремная администрация по делам, ничего общего с выводом не имеющим.

„Я бы не желал большего наказания своим врагам“, говорит как то на прогулке тов. Садин, «как посадить их в тюрьму и объявить заложниками, а потом и освободить.».

„И каждый день в 11 час. вечера подходить с ключами к их камере“, добавляет второй товарищ.—„Ключами нервы ковырять“—вставляет, смеясь, третий.

Да, именно ключами нервы ковырять. И это ковыряние, пожалуй, самое мучительное из всего заложничества.

Все чаще слышится: „Хоть бы скорее расстреливали.“

Спустя около 2 недель после вывода первой, выводят вторую партию в 9 человек.

В одиннадцатом часу вечера в 3-ю одиночку нашего корридора, где сидели т. т. Перенсон и Иоффе, входит военный конвой (мы определяем это по тому шуму, который он производит своей ритмической шагистикой). Для всех четырех (нас в камере сидело 4 чел.) было ясно—для какой цели пришел этот конвой.

Мучительные минуты!...

*) Есть слух, что первые два тов. убежали от конвоя по дороге на казнь и сейчас находятся в рядах партизан около Владивостока. Проверить этот слух пока не удалось.

„Прощайте товарищи!“ как сквозь сон, слышу я последние слова т. Перенсона.

„Сеют ветер, пожнут бурю. Не забудьте о нас в час победы!“ говорит он товарищам 4-й камеры, против которой они остановились, поджидая задержавшуюся тюремную администрацию.

„Бодрее, товарищи!“—последние слова Якова Осиповича Богрда. Он был выведен с этой же партией.

Месяца через два выводят третью партию в 8 человек.

С этой партией уходит т. Третьяков, сидевший со мною в одной камере, старый политический каторжанин, офицер, долгое время дравшийся в рядах красных на Семеновском фронте.

Вскоре после вывода третьей партии мы читаем в оффициальной газете, что заложничество отменяется.

Мало обрадовало нас это известие. Мы потеряли лучших партийных работников. Не верилось, чтобы эти палачи, во власти которых мы находились, оставили нас в покое.

Потерялась способность радоваться.

—Слишком свыклись с той петлей, которая, по словам т. Иоффе, чувствовалась на шее за все время заложничества

Савоныч.

ГОРЕЧЬ МИНУВШЕГО.

(Страничка из жизни Читинской тюрьмы).

Утро 9-го ноября 1918 года. Наша камера (четвертая в Пересыльном корпусе) пришла в обычный для дневного вид: везде порядок, всюду мелкие кучки по несколько человек. Изредка слышны отдельные выкрики, тотчас замирающие при шуме в корридоре. Горячо спорят о том, почему не дают кипятку. Кто говорит, что котел вытащили из гнезда и лудят, кто-то сказал, что так, мол, морят и все тут.

Но вот наконец дежурный надзиратель передает тихонько в „волчок“, что приехали „семеновцы“ и пойдут с обыском по всем корпусам. Заключенные как-то съежились, притихли, словно придавленные громадной тяжестью сообщенного из „достоверного источника“. Раз „мент“ говорит, стало быть—правда. Испуганно прислушиваются ко всему, нетерпеливо смотрят в окна. Ждут „знаменитых опричников Кровавого Атамана“.

„Недоброе будет“.—глухим голосом говорит мой сосед по нарам Елистратов Петр (как величают—не помню).—„Ничего, перенесем“—пытаюсь его успокоить.—„Нет, Софронушка (старик всегда так звал меня), плохо будет нам, плохо... Дурной сон видел я сегодня“.—„Ну, сон еще не факт!.. Да и сон-то, собственно, ни что иное, как“...—„Ну, нет, извини, я верю в сны“—с каким-то неестественным жаром перебивает старик. „Перед смертью жены плохой сон видел. Сбылся он“... слезы навернулись на глазах старика. „А сегодня видел, что убить меня хотел прапорщик. Там у нас в Могойтуе это было (старик—казак Могойтуевской стан., Забайкальской области). У соседа работник был фронтовик, унтер-офицером с германской войны пришел. Убежал к Семенову, и ему дали прапора. Ну вот, и пришел он ко мне; револьвер приставил мне к голове и говорит: „убить пришел я тебя, старик! Раз спас тебя: помнишь, по весне мы сотней приходили к вам, тогда я выручил тебя, а теперь сам убью“... Так прямо и говорит.

А спас меня, может, и правда он. Четверых нас арестовали весной-то; троих расстреляли, а мне „пять десят“ дали и отпустили“,—старик умолк. Слезы струились по старчески-сморщенным щекам, скользили по седой бороде и падали на пыльные нары. Я и окружающие молчали. Что могли мы сказать в утешение старику? Он оказался прав в своей наивной вере в правдивость снов: во дворе появились семеновцы. Загремел замок, отодвинули засов, и люди—звери вошли в корпус. Замолкла камера, жадно ловя малейший шорох в корридоре. У волчка то и дело смеются любопытные, поглядывая в корридор, словно желая узнать, что ждет всех нас.

Томительно долго тянется время в ожидании обыска; зловещая тишина нарушается только выкриками светлопогонных насильников—своры шкурников из Особого Маньчжурского отряда. В нашей камере слышится только шелест бумаги: рвут записки и письма, назначенные к посылке в ближайшее свидание. Рвут и бросают клочки в „парашу“: туда не заглянут. Запрятывают ножи жестяные, принесенные слесарями из тюремной мастерской. Но вот все замирает... В корридоре шум, топот ног и ругательства. Идут к нам. Лязг замка и засова, и камера наполнилась „защитниками“ родины.

„Построиться в два ряда!“—неистово кричит есаул. Толкотня и шум среди заключенных скоро стихают: строиться все научились хорошо. Есаул Рубанович (так мне называли его фамилию) и за ним отделенный надзиратель выходят вперед. „Это все здесь, наверное, красноармейская сволочь?“—„Точно так, ваше благородие“—и рука власти сделала „под козырек“. „Сколько их здесь?“

„Хорошо не помню, но кажется шестьдесят четыре“—было ответом „начальству“.—„Выходи по одному с правого фланга!“...

Первый—низкий, юркий брюнет Петька. Так его звали все, несмотря на то, что ему было около тридцати лет. „Разувайся“—и быстро слетают один за другим сапоги и падают на пол. Сапоги трясет урядник, но в них ничего нет. „Карманы!“... снова лаконически приказывает „начальство“ и протягивает руку за кошельком в надежде найти в нем „пулемет“, но такового не оказывается. С огорчением есаул передает кошелек заключенному, который торопливо опускает руку в карман. „За что ты здесь?“—„Был в красной армии“, гордо подняв голову, говорит Петька, и неясный гул одобрения и преклонения перед ним проносится по нашим ря-

дам. Петька картежник нравственно вырос в наших глазах, бросив, в сознании своей правоты, вызов победителю. „Что?“—дико заревел есаул, и нагайка ожила в руках палача-насильника.

Мужественно и гордо вынес Петька тяжелую пытку: ни одного стона и ни одной слезы.—„Пошел долой“—и еще удар в спину уходившему к стене Петьке.—„Второй!“. Та-же картина обыска, тот же финал.—„Ты кто?“—„Казак“.—„Казак, а?... казак“—и бешенство кривило лицо палача есаула и его помощника по нагаечной части, урядника, и слышались с двух сторон удары озверевших в своем безумии людей, жаждавших только мести. Особенно били казаков за то, что они не пошли за Семеновым, не спасали родину, утопая в потоках рабоче-крестьянской крови. Очередь дошла до старика Елистратова Петра, за ним его сын, Павел, лет двадцати приблизительно. „Дальше... выходи там!“—„Ты кто?“.—„Казак я!“—„Откуда?“—из Могойтуя, Елистратов“—«Знаю, помню.. мельница у тебя паровая есть... Да, да, знаю, помню!»—«Есть...» «Молчать!» —и с новым остервенением подымалась и опускалась нагайка, под смех и злорадство победителей.

Били и молодого Елистратова и других казаков, били без счету и меры, но терялась сила мучителей с каждым новым ударом, а под конец и совсем иссякла. Последним, кажется, из получивших «внушение» нагайкой был тов. Дегтярев. «Кем служил?“ Что последовало в ответ, не помню... „Да!... а комиссаром был?»—«Нет...»—«Гм... костюм то у тебя комиссарский»—и снова заходила нагайка, нанося страшные удары. Человек-зверь, а вернее—только зверь, справлял кровавую тризну, терзая лучших сынов революции, отдавших без ропота свой ум, волю и силу за великие идеалы мирового братства и равенства. И как недосягаемо велики все они, эти «Петьки», умиравшие в застенках под раскаленными шомполами и нагайками со свинцом, падавшие под градом пуль своих меньших братьев, слепо отдавшихся насильникам атаманам, вписавшим кровью бецноты много-много кровавых страниц вечного несмываемого позора реакционной буржуазии и героической славы

. . . . . .

Сбылся и второй сон старика Елистратова: вечером 9-го же ноября из Читинской областной тюрьмы вывели сорок два человека, а с ними ушли и казаки могойтуевцы... Славяне, евреи, немцы, безграмотные и интеллигентные—все были в этом числе, все они одинаково неустрашимо шли за великое дело раскрепощения труда. Бессмысленно-дикая сила вырвала их сначала из жизни, а потом из стен тюрьмы, и только ночь, темная, страшная ночь, знает, как их довели до станции Читы, как они ехали в Даурию, где победители завершили свою кровавую тризну. А как?... Спросите у далеких даурских степей, изрытых могилами. Много их, этих безвременных могил, в которых спят дорогие бойцы «за землю и волю, за лучшую долю, за вольносвободный народ»... Вечная па-

мять героям духа, павшим в славной борьбе за багряно-красные знамена социальной революции!..

Ив. Соф. Ронов.

Письма казненных.

Предсмертное письмо Самуила Федоровича Шадрина.

Товарищи-братья, рабочие, крестьяне и беднота казачья! Настоящее письмо – это мое последнее обращение к вам, ибо через несколько часов я должен уйти от вас, уйти навсегда... Я должен уйти от своей дорогой семьи, от жены и детей, должен уйти от славной человеческой жизни, от великой борьбы за великое будущее человечества,—от этой борьбы, за которую так много погибло цветущих человеческих жизней и так много пролито человеческой крови, и которая еще не окончена. Я должен предстать пред толпой палачей и тиранов. Но уходя, т. е. стоя на пороге смерти,—я твердо встречаю смерть, как революционер, как борец за освобождение угнетенных и обездоленных. Дорогие товарищи, я с любовью и полным сознанием пишу эти строки к вам. Я твердо верю, что это письмо будет перед вами показателем того, как прекрасна смерть за свободу и равенство, как легко умереть от удара, нанесенного не столько по обвинению, сколько из-за личной мести отдельных личностей.

Да, дорогие товарищи, в последние минуты своего существования я громко заявляю вам, что я не делал ничего плохого, кроме хорошего, и если это хорошее оказалось втоптанным в грязь, то только потому, что нашлись варвары, которые сумели сделать гнусное дело. Это я говорю по адресу тех, кто является открытым врагом, а также и тех, которые, пользуясь вашим доверием, осрамили и поругали наши идеалы. Я не буду доказывать свою правоту, ибо она вам известна, я не буду проклинать тех, кто предал нас: мне известно, кто отнимает мои силы, посвященные борьбе, великой борьбе. Но пусть они знают, что тот, кто не жалел своих сил на славное дело, тот и не пожалеет жизни и останется верным святым идеалам, ибо он верит, что жизнь, отнятая руками революции,—будет залогом борьбы. Она создаст новых более здоровых борцов за начатое дело трудящихся. Я твердо верю в этот день, в который снова поднимутся грозной стеной угнетенные и обездоленные рабы и раз навсегда сотрут с лица земли поработителей и начнут великое светлое созидание храма братства, равенства и любви.

Да здравствует великая социальная революция!
Да здравствует власть трудящихся в лице советов.
Да здравствует пролетариат всего мира!

Прощайте. Бывший ваш друг *С. Ф. Шадрин.*

(Самуил Федорович Шадрин—Амурский казак, деятель совет ской власти. Был товарищем председателя Исполкома Амурско обл., 6 ноября 1918 года был сужден кучкой пьяных офицеров, 7-го ноября того-же года в 8 час. вечера был увезен казаками по направлению к старой тюрьме и там казнен.

Спи с миром, брат убитый).

К похоронам жертв революции.

Как жаль Вас, великих борцов
за свободу,
Вы жизни своей не щадили в
борьбе,
Вы все отдавали на пользу
народу,
Лишь муку и смерть оставляли
себе.
Вы жаждали жизни. Враги не
дремали,
И Вы не дожили до радостных
дней,
Они Вас рубили, кололи, пытали,
Как жадная свора голодных
зверей.
Но шли Вы с терпеньем к на-
меченной цели,
Пред смертью не дрогнули Ва-
ши сердца,
И мстить палачам вы друзьям
не велели,
С терпеньем великим Вы жда-
ли конца.
И Вас вспоминая, народ в бла-
годарность,
Врагов Ваших будет бемерно
щадить,
Чтоб дети врагов выростли на
радость
И поняли также, как можно лю-
бить.
Прощайте же братья, борцы за
свободу,
И спите спокойно в могиле сы-
рой,
Вы честно служили родному на-
роду—
Да будет Вам вечный, незримый
покой!

Женщина.

Убийство Чеснокова.

1918 г. 10 ноября Чесноков в час ночи прибыл из тайги в город Алексеевск на свою квартиру, которую он занимал при вл сти Советов в доме Радина. Посмотревши в окно, он заметил, бо квартира пуста. Он пошел к Радиной, чтобы спросить, где на дится его семейство. Узнавши где его семейство (оно находил у Филиппова, который квартировал в доме Воронина), он пош туда, где и пробыл до 7 часов утра. Дальше в кругу своего с мейства он быть не мог, т. к. знал, что коменданту будет изве но, через Радину, что он прибыл. Прибывши к коменданту гор ча, Чесноков сказал: „Вот я пришел. Если я виноват, то аресту и представьте к суду, а вины за собой я не чувствую". Коме рода арестовал Чеснокова и отправил в местную тюрьму

городской милиции. Вечером этого же дня в тюрьму пришел рицер Макаров, в сопровождении трех вооруженных китайцев, и потребовал Чеснокова, которого и повел в канцелярию, в дом Бо-родовиковой. Спустя некоторое время около дома Бородовиковой послышались три выстрела, а затем все стихло. Немного спустя вошел в канцелярию Чесноков в сопровождении Макарова и трех вооруженных китайцев. В канцелярии находился секретарь, кото-рого Макаров и спросил, куда ушел Леонтьев. Получивши ответ «не знаю», Макаров берет винтовку. Чесноков спросил, почему с него не снимают допроса, на который его привели. Макаров крик-нул „молчи" и выругался нецензурными словами. Чесноков за-молчал и стал доставать носовой платок из бокового кармана. Вместе с платком выпала пуля револьвера «Смит»: в кармане Че-снокова была памятная книжка и пуля не могла пробить все это и осталась в кармане. После этого Макаров повел Чеснокова с тремя китайцами по направлению к милиции. Спустя немного вре-мени послышались три выстрела по направлению ушедших. По-том все стихло. На утро стало всем известно, что Чесноков убит, и тело его находится в милиции, что и было в действительности,— тело Чеснокова находилось в сарае во дворе милиции.

Похороны Чеснокова.

14 ноября 1918 года, по просьбе жены покойного Чеснокова, я поехал за гробом, который и привез в 10 часов ночи к милиции, въехал во двор, положил тело Чеснокова в гроб с помощью сто-рожа милиции и повез таковое в церковь. По пути стала попа-даться проходящая публика и некоторые спрашивали, кого я везу. Ввиду опасности я никому не говорил, чей это гроб. Гроб сопро-вождали жена Чеснокова и жена Старинцева. Привезли его к церк-ви и со сторожем внесли в нее. После этого я поехал домой, но по дороге мне попался неизвестный человек и сказал:—Товарищ! не езди по этой дороге—за тобой следят.—Тогда я поехал глухими улицами и благополучно прибыл домой.

На другой день я отправился в церковь. По окончании ли-тургии в 8 часов утра гроб с телом Чеснокова понесли на клад-бище, где и похоронили.

15 ноября (18 г.) я пришел к жене Чеснокова и она стала ме-ня просить, чтобы я куда нибудь на время уехал, т. к. идут до-просы, кто именно возил гроб Чеснокова. Боясь быть арестован-ным, я уехал в деревню, где и пробыл один месяц, пока не забыли об этом.

М. Г. Пинаев.

БОРИС КЛАРК

Товарищи! думаю, не многим из вас знакома жизнь Бори, этого славного героя—Бори!

Героя, который еще в 1905 году был приговорен вместе с отцом своим Павлом Ивановичем к смертной казни! Перенеситесь мысленно в дебри Приангарского края (Иркутск. губ.) верстах в 30-ти от г. Балаганска: вечный пункт политической ссылки, на правом берегу Ангары расположен бурятский улус «Молька»,—в одной из юрт этого улуса появился на свет Боря Кларк.

Одним политическим ссыльным прибавилось в колонии.

Ребенок быстро подрастал и, как водится всегда в таких случаях, сделался баловнем всей колонии; таскали его с рук на руки, возили верхом на шее, на б а р а н а х и т. п. Ежечасное общение ребенка со взрослыми людьми, несомненно, сказалось на его развитии.

Старше Бори была сестра Надя и брат Ваня, поэтому раннее детство Бори, ссыльного от рождения, было окружено самыми чуткими, самыми умными няньками.

Подросший Боря произвел сильное впечатление и на окружающих бурят, которые, в простоте душевной, явились к его родителям и предложили: продать Борю им в обмен на несколько быков и баранов.

Когда Марии Федоровне об'яснили цель визита бурят, с ней чуть не обморок сделался, а отец Бори, Павел Иванович, хохотал на манер гоголевского генерала, его поддерживала и вся колония. „Борька!—орали ссыльные,—да понимаешь ли ты, что являешься эквивалентом 7-ми быков, 15 баранов и т. п.? За тебя всю колонию во все время ссылки кормить будут“.

В результате оригинального торга выяснилось, что буряты по своему поняли название «государственные преступники», и по своему же учли то обстоятельство, что местные „цари—боги“, в лице исправника и заседателей ультра внимательно, безусловно вежливо относились к ссыльным вообще, и к семье П. И. особенно, а главное—исправник привозил много денег и под расписку в какой-то книге выдавал их ссыльным.

Буряты решили, что если П. И. и не близкий родич русского царя, то, по меньшей мере,—„сват“, или «хресна,» и что из-за какой-то семейной ссоры царь, в наказание, послал строптивых родичей на некоторое время к ним. Исходя из таких соображений о происхождении «государственных преступников», буряты и решили купить одного „царского родича“, женить его впоследствии на дочери их „тайши“ (начальника) и тем самым обезопасить себя и от исправника, и от заседателей, которые очень уж обижают их.

Итак, следовательно: в самом раннем детстве, когда Боря Кларк „под стол пешком ходил“, его уже прочили в защитники „обиженных и угнетенных“. Пророчество бурят свершилось: Боря вырос истинным борцом за права всех обиженных и угнетенных, а в том числе и за права молькинских бурят.

Я нравственным долгом своим считаю написать молькинцам о геройской смерти Бори, как только представится возможность почтового сообщения. Там и теперь есть люди, которые хорошо помнят семью Кларка.

В 1894-м году семья Кларка перебралась в г. Иркутск, где П. И. устроился на работу в Городской Управе.

По счастливой случайности и мне пришлось служить в Иркутской гимназии. Естественно, что мы и здесь были неразлучны.

Боря был отдан в иркутское промышленное училище, Ваня в гимназию, а Надя в частную прогимназию Беляевой.

Учиться Боре не пришлось долго: он тяжко заболел (как припоминаю, тифом) и ученье было заброшено года на 2—3: уж очень тяжки оказались последствия болезни.

В Иркутске квартира Кларка, как и везде, была вечным сборным пунктом всей политической ссылки, и всей обучающейся политике молодежи. Не оставляли своим благосклонным вниманием семью Кларка и иркутские жандармы.

Их дежурства „вокруг да около“ квартиры мы—сибиряки—в шутку называли «почетный караул».

Обыски в квартире были чуть не ежемесячно. Об одном из обысков нельзя не упомянуть.

Жандармы с вечера начали окружать двор Кларка. Однако, не перехитрили Борю, который, будучи большим сорванцом, перелезал через заборы в соседние огороды, возился на крыше амбара с голубями и т. п., и заметил крадущегося в углу двух заборов жандарма. Не сказав никому ни слова, Боря в свою очередь устроил засаду в своем дворе, но не один, а в компании со здоровенным злым псом „Ралькой.“ Собака, между прочим, так и была выдрессирована, что при слове „жандарм“ бросалась, как угорелая. И вот, когда жандарм хотел опуститься с забора во двор Кларка, Боря спустил „Ральку“, жандарм кинулся обратно через забор, но „Ралька“ успел вцепиться в одну ногу, да так и повис на ней. По одну сторону забора повис жандарм, а по другую „Ралька“. А Боря?

Он уже за интересной книжкой сидел, когда в дом ворвались жандармы.

На этот раз жандармы были уверены в успехе: во дворе нашли чугунное маховое колесо и решили, что оно от типографской машины. Типографию, конечно, не нашли, так как ее и не было.

Маховое колесо на извозчика не уложить, и попросту жандармы торжественно катили его по улицам города в ж-ское управление. А „пострадавшие“ и «иже с ними» до слез, до колик, до упаду хохотали над «сиею околэсною», как выразился один ссыльный малоросс.

Получилась воистину «околесная стория». Маховик оказался с мельницы и был привезен в город для исправления.—„Синие“ задержали маховик долго. Хозяин подал в суд за убытки.

В 1903 году я снова очутился в семье Кларка уже в г. Чите.

Здесь готовил Борю в Читинскую учительскую семинарию, но в виду отъезда моего передал Борю товарищу Филиппу Перебоеву.

Семинарию Боря не окончил: начались политические события, попросту—революция, и вся семья Кларка приняла в революции самое деятельное участие.

С 1903 г. я уже не встречался с Борей. О том, где он и что с ним знал приблизительно, как и о всей с е м ь е, близкой мне со дня моей юности. К сожалению, у меня сохранились только 2 карточки с младшего брата Бори—Володи, иначе «Лека Крак» (вместо Кларк), как он написал. При отступлении из Читы во время чехословацкого выступления в 1918 г. в августе—Борис был убит в схватке с белогвардейцами.

Прощай, наш славный, душевный Боря!

Ерш Ершенко.

Л. И. ВОЛОЖАНИН.

Леонтий Иванович родом коренной сибиряк: он родился в деревне Покровке Ключевской волости Барнаульского уезда Томской губ. Раннее детство провел в крестьянской семье, занимаясь, вместе с отцом, хлебопашеством.

Когда он подрос, то, ввиду крайней бедности семьи, вынужден был часто уходить из деревни в город на заработок. По той же причине Л. И. не пришлось учиться в школе: уже будучи юношей он выучился грамоте самоучкой.

В. г. Благовещенск т. Воложанин прибыл в 1901 году. Здесь он работал поденно и сдельно по постройке и ремонту пароходов. Позже, когда здесь открылись вечерние общеобразовательные курсы, он, занимаясь все тем же трудом, поступил на них, где значительно и усовершенствовался в грамоте. У Л. И., очевидно, были незаурядные способности, ибо, не обладая достаточным образованием, он очень легко справлялся со сложными чертежами по гражданским и судовым сооружениям.

Л. И. политикой заинтересовался в 1905 году т. е. в тот год, когда подавляющее большинство Российского рабочего класса получило первое „крещение“ на поприще борьбы рабочих за величайшие общечеловеческие идеалы.

Но, как и всему рабочему классу за выступление на политическую арену пришлось в то время испытать прелести полицейско-самодержавного строя,—так и Л. И., члену этого класса, вы-

пала такая же доля: за агитацию в 905 году среди пароходских рабочих его увольняют с работ частного пароходства и полиция его долго преследует.

В 1915 году он был призван на военную службу. С первого же дня революции он примкнул к группе военных социал-демократов, а затем вступил и в ряды местной организации Российской Социал-демократической рабочей партии, при чем в этой работе он проявил себя стойким товарищем. В 1917 г. Л И. состоял членом Дальне Восточ. Кр. Комитета С. Р. С. и Кр. Депутатов.

Еще раньше Л. И. состоял учителем в воскресной школе молодежи местной общины Евангелических христиан-баптистов, и здесь его очень любили, так как он обладал удивительно чуткой и отзывчивой душою.

В мае 1918 г. Л. И. выехал в г. Хабаровск, где и продолжал служить в водном управлении по судоходному отделу рулевым на катере „Далайнор“. 1-го ноября 1919 г. он был арестован на этом катере вместе с другим товарищем, а 17 декабря в 9 ч. утра он был расстрелян с Штылевым, Скориком и Лунеко. При чем все расстрелянные подверглись ужасным истязаниям: их пороли раскаленными шомполами, кололи штыками, рубили шашками. Трупы их чудовищно обезображены. Видно, что все казненные перенесли величайшие мучения. Об этом свидетельствует и случайно оставшийся в живых т. Голубь.

Мир праху твоему, дорогой товарищ, павший жертвою за великое дело рабочего класса!

N.

Судебная хроника.

21 октября прифронтовым военно-полевым судом слушалось при закрытых дверях дело по обвинению ряда лиц в подготовке вооруженного восстания в городе в ночь с 12 на 13 октября. Обвиняемые для выполнения этой цели создали особую военную организацию, устроили склад оружия, назначили день выступления, место сбора, и если не осуществили своего намерения, то по причинам, от них независящим. Подсудимых: Никиту Галайкина 34 л., Илью Подглазова 32 л., Афанасия Цупруна 38 л., Федора Козлова 31 г., Николая Чекмарева 36 л., Гавриила Воробьева 32 л., Степ. Петрова 24 лет, Тимофея Зинченко 48 л., Кондратия Запова 22 л., Ивана Кизлякина 41 г., Георгия Налетова 30, Илью Костыренко 28 л., Ивана Костыренко 25 л., Ив. Котылева 48 л., Ив. Мохова 33 л., и Ст. Китаева 39 л.,-суд приговорил к смертной казни через расстреляние Трофима Бороздина 17 л., и Константина Корж 17 л., как несовершеннолетних, по лишении всех прав, к каторжным работам на 20 лет. Из всех подсудимых выделялся, как наиболее важный преступник, Никита Галайкин. Он имел на руках большие

суммы денег и истратил в течение последнего месяца на большевистские организации, как это видно из отобранных у него записей, около 150,000 руб. Подсудимый объяснил, что тратил деньги на нужды амнистированных политических преступников. Галайкин—человек вполне интеллигентный, прекрасно владеет собой. Смертный приговор выслушал совершенно спокойно. Так как во время следствия он пытался бежать, то в суд был приведен в наручных кандалах. Чувствуется, что это не Никита Галайкин, а какой-то другой важный преступник. Галайкин, между прочим, сознался, что отбывал 10 лет каторги за принадлежность к партии эс-эров и хранение взрывчатых веществ.

Приговор по отношению ко всем преступникам начальником Амурского военного района в спешном порядке утвержден и 22 октября приведен в исполнение.

ВАГОН СМЕРТИ.

Шапки долой, ибо я буду говорить о мучениках Коммуны.

Артур Арно.

Всем, кому приходилось бывать или проезжать ст. Хабаровск в период Калмыковской диктатуры, вероятно бросался в глаза странный поезд, окрашенный в неприятный желтый цвет казачьих лампасов. Грязному воображению кровожадного садиста, взбудораженного и окрыленного мизерным успехом своего оружия в действиях против красных советских отрядов на Уссурийском фронте 1918 г., грезились грандиозные победы над предателями родины—большевиками, в результате которых колесо истории должно повернуться в желательную для Калмыкова сторону. Но судьбе угодно, было, повидимому, положить предел большим замыслам авантюриста и вознаградить его контр-революционные потуги положением вотчинного князька в небольшом уголке Дальнего Востока. Желтый поезд Калмыкова время от времени курсировал от Хабаровска до Владивостока и обратно и „наводил" государственный порядок и спокойствие среди населения; не успевшие же почему либо во время скрыться или просто предаваемые многочисленными провокаторами, сотрудники Советской Власти хватались калмыковцами и сажались в особый вагон. Это был обыкновенный арестантский вагон, так называемая походная полевая гауптвахта атамана Калмыкова, иначе говоря—застенок, где предварительно перед смертью пытались и зверски истязались бесчисленные жертвы казацко-буржуазной диктатуры.

Длинный ряд советских деятелей, красноармейцев партизан, работников подпольных организаций, работавших по свержению

Калмыкова и Колчака и еще большее [illegible] совершенно замешаных в дело революции, но лишь сочувствовавших Советской Вл[illegible] сти, нашли себе в этом вагоне ужасную, отрядную смерть. [illegible]

Летом 1919 г., в Хабаровске, по инициативе неутомимых р[illegible] ботников революции—Нины Лебедевой, Якова Глущенко, отчасти [illegible] ня др. товарищей, незадолго перед тем бежавших из Благовещенска, где буквально не в моготу стало дышать, по причине п[illegible] ром развернувшейся работы Колчаковской контр-разведки, возник подпольный Исполнительный Комитет партизанских отрядов Х[illegible] барвского района, председателем которого вначале был Якушк[illegible] Луценко, а затем я. То была глухая, невыносимо гнетущая пор[illegible] белого террора, расцвета белогвардейщины, бряцания шпор, блес[illegible] калогон, чудовищной спекуляции и свиста бычачьих плетей—этой эблемы атамановской власти. Нужно было иметь решимость и отва[illegible] гу героя, энтузиазм и страстную преданность революции, чтобы снова и снова напасть и не дать покоя врагу, почувствовавшему под собою твердую почву. Следовавшие один за другим провалы организованных и хорошо налаженных организаций в городах Западной и Восточной Сибири показывали, что новые попытки в этом направлении окончатся также печально и повлекут лишь новые и бесполезные жертвы. Несмотря, однако, на все, казавшиеся невозможными, условия, работа нашей организации в самое короткое время развернулась в широком масштабе, поставив партизанское движение в крае в рамки организованного и планомерного развития под неизменными лозунгами Советской Власти и Социальной революции. Казацкие и японские экспедиции, выполнявшие общий план империалистов разбойников из Токио и Парижа, встречали отчаянный отпор со стороны партизанских отрядов и действовали со зверской беспощадностью, уничтожая огнем и железом непокорное население Уссурийского края. К этому времени, между прочим, относится взятие в плен одним из наших отрядов любимца и соратника Калмыкова, полковника Гроссевича со всей его охранй.

Исполнительный Комитет пытался использовать его в качестве заложника за наших товарищей Криворучко, Аксенова и др. в числе 10 чел., ожидавших смерти в вагоне, и сам Калмыков, учитывая свою потерю, через газету соглашался—„помиловать 5 товарищей, при условии выдачи полковника, что, все-таки, не помешало ему на другой же день всех их зверски изрубить, чем в свою о ч е р е д ь была предрешена участь заложника Гроссевича.

Существование организации, руководящей партизанской борьбой в крае, с каждым днем усиливающейся и втягивавшей в эту борьбу новые крестьянские и рабочие массы, не давало покоя атаману. Калмыковская разведка не могла нащупать старых и опытных руководителей организации, не могла найти тот кончик цепочки, по которой, обыкновенно, все охранки добираются в конце концов до руководящего центра. Но тут на помощь Калмыко-

пришли пред… ереды самой организации и почт… все
аботники в теч… кольких дней были перехвачен… кал-
ыковцами. В нач… арестованы Лапта, Заворзин и нача…
ик боевой дружин… дин. Вслед затем, по предательству Лап-
и Заварзина, были схвачены т. т. Яков Лупенко, Болоти… его
на, Сизов, Соколов, Юр (рабочие арсенала), Сумарокин, Ухар-
к, Максименко (милиционеры Хабар. город. милиции), Голубев,
ложанин (командир и рулевой парохода), Карпиенко, Эктов Ре-
етников, Марковцев (печатник), Штылев (предс. союза Хабар. руз-
иков), Цупик, Масич, Кисляков, Белозеров (грузчики) и многие
др.—в числе, со всеми последующими арестами, до 60 чел. Осава-
лись еще на воле я и Нина Лебедева и, как главные руководите-
ли организаций, усиленно разыскивались Калмыковым. Наконец
30 октября, устроенной на одной из наших квартир засадой, я был
схвачен, Нине же удалось скрыться из города. Окруженный ты-
ками и дулами наганов, я почувствовал, что через несколько ча-
сов я должен буду умереть, причем род или способ смерти пред-
ставлялся мне изысканно жестоким. Было все так просто, естест-
венно и понятно.—Умерли сотни и тысячи наших товарищей, при-
шла очередь умереть и мне. Не было ни страха, ни сомнений, ни
горького разочарования. Получив несколько ударов плетью по ли-
цу и голове, отчего на минуту помутилось сознание, я был креп-
ко связан заранее приготовленной веревкой. На глазах бледной, но
внешне спокойной жены, впоследствии также арестованной и едва
не расстрелянной, я был подвергнут новым избиениям калмыков-
ским „прокурором“ Унинским, (сыном благовещенского попа).

Злорадству калмыковцев не было предела. Им было известно,
что я один из главарей организации, комиссар и вообще важный
советский деятель. Немедленно я был доставлен к начальнику
Калмыковского штаба Суходольскому. Осмотрев меня, Суходольский
приказал „хорошенько“ допросить и «ликвидировать».

— Ну, вот, все теперь будет по хорошему,—издевался палач
Унинский, когда меня повезли на извозчике в „вагон смерти“.—Те-
бе будет хорошо и нам тоже. Предварительно я отрежу тебе уши,
нос, выколю глаза, сдеру кожу, а потом уже подвешу к телегра-
ному столбу за ноги и сожгу.

— Убейте меня сразу, но не мучьте,--попросил я.

Палач целанно рассмеялся.

— Это опре-де лен-но. А пощекотать все-таки необходимо. Как
ты думаешь, «товарищ»?

Всю длинную дорогу до вагона прокурор острил и болтал в
этом же духе и в тоже время «забавлялся» моим лицом. Рукоят-
кой плети и браунингом он бил по лицу и голове с таким видом,
как будто это было нечто деревянное. Губы, нос, глаза вспухли, ли-
цо отекло кровью, но физической боли я не чувствовал. Было од-
но желание-поскорее, поскорее умереть. Вывернутые назад и креп-
ко стянутые веревкой руки делали невозможным какое - либо дви-

жение. Я вспомнил о стрихнине, кото… о лет хранил п…
себе на каторге и горько упрекал се… по своей пр…
вычной халатности своевременно не … дом, несмотря н…
постоянное ожидание ареста. Каки… …вым и свободны…
человеком я был бы, имея возможность в любу… минуту прерва…
свою жизнь и не даться на муки палачам. Но было поздно.

В мою душу вползали гнусные, ядовитые как змеи, слова:

— Что ты видел сегодня во сне?

— Ничего—глухо ответил я, еле находя в себе силы и чувс…
вуя, как задыхаюсь от подступившего к горлу клубка.

— Может, ты не веришь в сны?

— Не верю.

— Ни в Бога, ни в чорта не веришь?

— Ни в Бога, ни в чорта.

— Ну, хорошо, сейчас приедем и ты у меня уверуешь вот в эту на
гайку. Видишь кровь? Это кровь твоих товарищей.—Нагайка, с тремя
пулями на конце, действительно, была в крови.

Подъезжая к железнодорожным путям, на которых тянулись
длинные составы товарных вагонов, калмыковские броневики и
желтый поезд, я в последний раз взглянул на грязное осеннее не-
бо, умирающую природу, туда, где убегала в туманную и сырую
мгл… железная дорога и где одиноко маячил семафор.

Там, за городом, начинались длинные овраги, покрытые
кустарником. То были места казни многих сотен товарищей.

Сегодня и я буду выброшен на груду трупов, думалось мне и
воображению рисовалась картина расстрела, какой она представ-
лялась моему наивному сознанию еще с детства. Телеграфный столб,
завязанные глаза, длинный ряд ружей и я с гордо поднятой вверх
головой и презирающий смерть. Точь в точь как на картинке из
„Нивы“ или «Родины». Действительная же картина калмыковских
убийств была иная: расстреливались лишь немногие в виде исклю-
чения и особой милости, что заранее предусматривалось главным
организатором казней Михайловым; преимущественно жертвы ру-
бились шашками, кололись штыками или кинжалами. К месту же
убийства из вагона доставлялись товарищи, по выражению са-
мих калмыковцев, «чуть-чуть тепленькие».

Из вагона вылезли калмыковцы и с торжествующим хохотом
за волосы и ноги втащили меня в вагон. Здесь я увидел разме-
щенные по маленьким клеткам за длинной железной решеткой ску-
ченные тела почти голых, с окровавленными лицами товарищей и
едва мог узнать кое-кого из них. В первую минуту под градом
ударов, сыпавшихся на меня со всех сторон, я никак не мог по-
нять, что делается вокруг меня. Всюду толпились и б…
мыковцы; арестованные то втаскивались, то вытаскивал…
гона в вагон; слышалась отвратительная ругань, удар…
стоны, хрипенье.

— Подать [illegible]ебят,— скомандовал кому-то прокурор.

В соседнем [illegible] втолкнули меня, происходила уже настоящая система[illegible]бота палачей. Я видел, как под ударами цепей, шомпо[illegible] извивались голые тела. Нечеловеческие крики, взви[illegible]ания, стоны истязуемых, тяжелые глухие удары плетей, рычани[illegible] и хрипенье палачей сливались в дикий, ужасный гул.

— Замолчи, сук-ка, б..... краснож.....—рычит сквозь зубы палач и с новым остервенением бьет плетью выбившуюся из сил окровавленную жертву.

— Ты не можешь, дай-ка я его, суку красную, разделаю и покажу ему Советскую власть—перебивает другой калмыковец и начинается истязание в две руки.

— Пощекочи его кинжалом—советовал кто то из толпы.

В порядке очереди я был подвергнут жестокому, мучительному истязанию.

Целью истязания вовсе не было получение какого нибудь показания—все, самые мельчайшие подробности о том, кто я и что делал в организации были выданы предателями Лаптой и Заварзиным. Лапта присутствовал при всех допросах и давал показания о членах организации.

— Ты знаешь Бориса?—обращается к нему прокурор Унинский.

— Так точно.

— Кто он такой?

— Комиссар и главный организатор. Он подговорил меня убить Калмыкова.

— Развернись, да, смотри, чтобы ото всего сердца!—приказывает Унинский.

— Свво-лочь—зашипел Лапта и под дикий хохот окружающих стал бить меня стальной велосипедной цепью.

— Подопри штыком!

— Крепче, сволочь!

— Приготовь отбивную котлету!

Окровавленного и растерзанного меня сбросили на пол и растоптали сапогами. Прокурор уселся писать протокол.

— Посадите и вытрите на нем кровь!—распорядился Унинский.

— Неужели вы считаете нас контрреволюционерами?—обращается он ко мне равнодушным тоном.

— Считаю,—совершенно механически ответил я.

Кто то сзади сильно ударил меня по голове плетью.

— Неужели вы думаете, что нам нужен царь? Мы—революционеры не хуже вас, мы боролись и боремся за свободу. Вы еще не [illegible]ете, кто такой Калмыков и какой он революционер. Отведите [illegible]чил Унинский.

[illegible]втолкнули в клетку. В каждой из них сидело по двенад[illegible]ек.